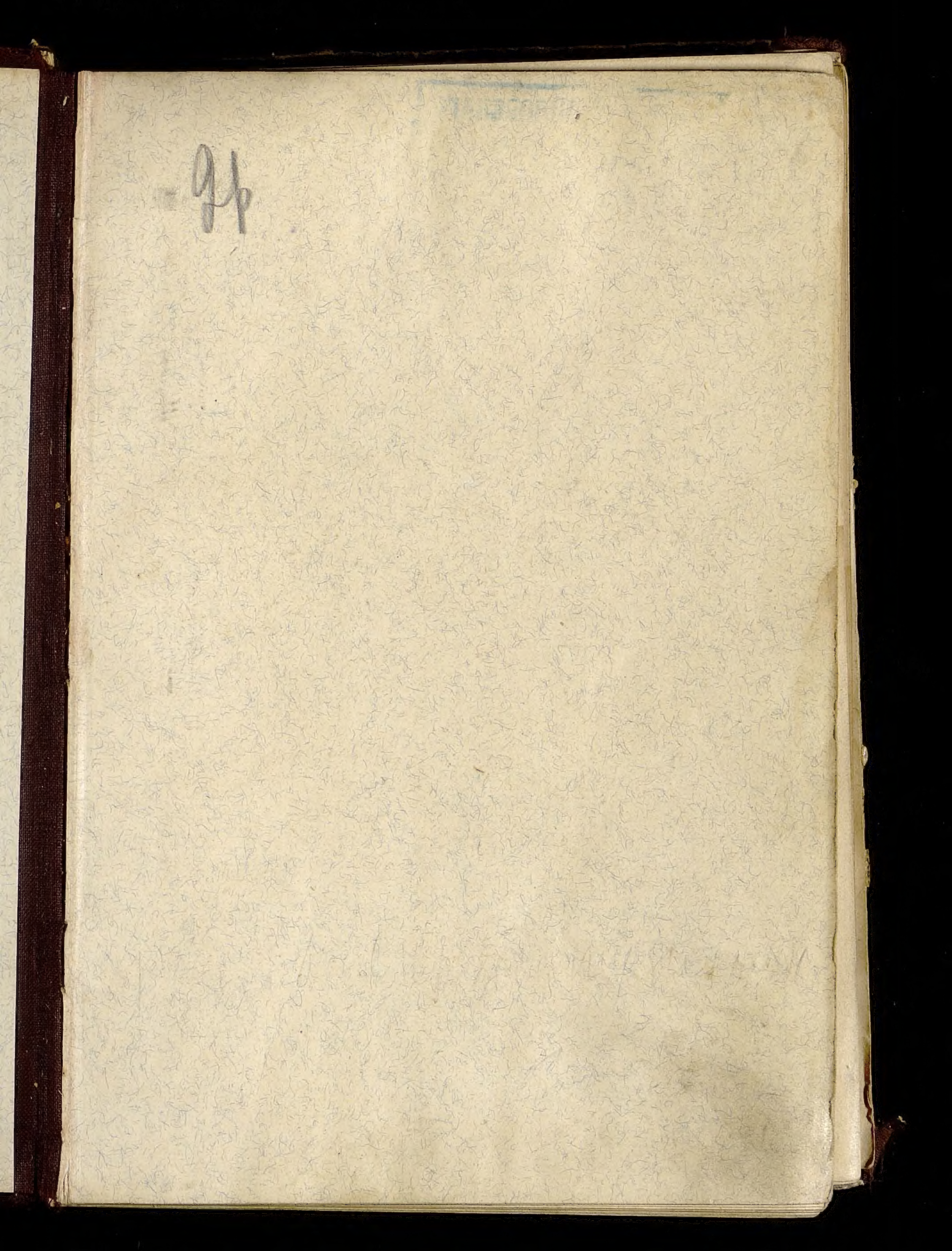

Ш-52

118

Л. Шестовъ.

Достоевскій и Нитше

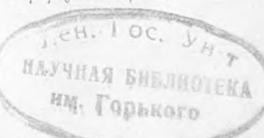
(Философія трагедіи).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1903.

3221

ПРЕДИСЛОВІЕ.

1.

Философія трагедіи! Можетъ быть такое соединеніе словъ вызоветъ протестъ со стороны читателя, привыкшаго въ философіи видѣть послѣднія обобщенія человѣческаго ума, вершину той величественной пирамиды, которая называется современной наукой. Онъ бы, пожалуй, допустилъ выраженіе «психологія трагедіи» — но и то очень неохотно и съ большими ограниченіями, ибо въ глубинѣ души онъ убѣжденъ, что тамъ, гдѣ происходитъ трагедія, въ сущности должны кончаться всѣ наши интересы. Философія же трагедіи, не значитъ ли это философія безнадежности, отчаянія, безумія—даже смерти?! Можетъ ли тутъ быть рѣчь о какой бы то ни было философіи? Насъ учили: предоставьте мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ,—и мы сразу поняли и радостно согласились принять это ученіе. Великій идеалистъ прошлаго вѣка, знаменитый поэтъ, по-своему переложилъ въ стихи эти освободительныя слова:— und der Lebende hat recht—восклицалъ онъ. Но мы пошли еще дальше: намъ мало было отдѣлаться отъ

мертвецовъ, намъ мало было утвердить права живыхъ. У насъ остались живые, которые своимъ существованіемъ смущали и продолжаютъ насъ смущать еще болѣе, чѣмъ погребенные, согласно ученію, мертвецы. У насъ остались всѣ, не имѣющіе земныхъ надеждъ, всѣ отчаявшіеся, всѣ обезумѣвшіе отъ ужасовъ жизни. Что дѣлать съ ними? Кто возьметъ на себя нечеловѣческую обязанность зарыть въ землю этихъ?

Страшная задача — съ перваго взгляда кажется, что между созданными по образу и подобію Божію не найдется ни одного, кто имѣлъ бы достаточно жестокости и дерзновенія взять ее на себя. Но это только такъ кажется съ перваго взгляда. Если находятся на землѣ люди, соглашающіеся ради спасенія своей жизни губить своихъ ближнихъ—вѣдь палачами большей частью были приговоренные къ смертной казни или вѣчному заключенію—то отчего же предположить, что въ этомъ предѣлъ человѣческой жестокости и безчувственности? Каждый разъ, когда предъ человѣкомъ становится дилемма — погибни или осуди на гибель другихъ, всѣ глубочайшіе и таинственнѣйшіе инстинкты его вооружаются на защиту своего одинокаго я противъ надвигающейся опасности. Роль палача считается позорнѣйшей только по недоразумѣнію. Исторія духовной жизни народовъ, исторія «культуры» говоритъ намъ о такихъ проявленіяхъ жестокости, сравнительно съ которыми готовность казнить на эшафотѣ десятокъ или нѣсколько десятковъ своихъ ближнихъ начинаетъ казаться пустяками. Я имѣю въ виду отнюдь не бичей народовъ— Тамеркановъ, Аттилъ, Наполеоновъ, и даже не като-

лическую инквизицію. До этихъ героевъ меча и кostровъ намъ нѣтъ дѣла—что общаго у нихъ съ философіей? Нѣтъ, здѣсь рѣчь идетъ о герояхъ духа, о проповѣдникахъ добра, истины и всего прекраснаго и высокаго, о провозвѣстникахъ идеаловъ, людяхъ, до сихъ поръ считавшихся исключительно призванными къ борьбѣ со всѣми злобными, «дурными» проявленіями человѣческой натуры. Именъ я называть не буду, и у меня есть на то свои очень важныя основанія. Ибо если уже говорить, то пришлось бы сказать многое такое, о чемъ до времени не мѣшаетъ и помолчать. Но вѣдь и не въ именахъ дѣло, а въ величайшемъ событіи, происшедшемъ въ моральной жизни народовъ—развившемся незамѣтно, исподволь, какъ будто безъ всякихъ усилій со стороны отдѣльныхъ личностей—въ нарожденіи идеализма.

Идеализмъ существуетъ уже давно, болѣе двухъ тысячелѣтій, но до новѣйшаго времени роль его была относительно незначительной. Даже у самого Платона, совершенно справедливо считающагося, съ формальной стороны, отцомъ и родоначальникомъ этого высокаго ученія, вы не разъ наблюдаете странную непослѣдовательность въ мысляхъ и аргументаціи, объясняемую единственно лишь тѣмъ, что онъ былъ еще далекъ отъ той «чистоты» идеалистическаго возрѣнія, до котораго доросло наше время. Въ его разсужденіяхъ еще такъ явственны слѣды антропоморфическаго пониманія божества, что даже современный студентъ, чуть-чуть лишь посвященный въ глубины нашей науки, не разъ улыбнется въ сознаніи своего превосходства при чтеніи его діалоговъ. Платонъ съ нашей точки зрѣнія еще варваръ, онъ еще

не знаетъ ничего о нашихъ объединяющихъ принципахъ: вѣдь даже Аристотель отдѣлялъ небо отъ земли. Нѣтъ, настоящій, чистый идеализмъ есть продуктъ послѣднихъ двухъ вѣковъ. Онъ явился одновременно съ упрочившейся въ наукѣ тенденціей къ «монистическому» міропониманію.

Современный умъ не выноситъ философіи, предлагающей ему нѣсколько основныхъ принциповъ. Онъ стремится во что бы то ни стало къ монизму—къ объединяющему, какъ у насъ говорятъ, вѣрнѣе—къ единому началу. Онъ даже съ трудомъ уже выноситъ дуализмъ: нести на себѣ два принципа уже ему кажется слишкомъ большимъ бременемъ. И онъ всячески ищетъ себѣ облегченія. онъ готовъ даже въ случаѣ нужды принять на вѣру какую-нибудь тонкую нелѣпость, лишь бы не считаться со сложностью. Духъ и матерія—это такъ много: не лучше ли что-нибудь одно — либо духъ, либо матерія? Или, въ крайнемъ случаѣ, не лучше ли всего признать, что духъ и матерія суть разныя стороны одной и той же сущности? Правда, никто до сихъ поръ не понималъ, какимъ образомъ духъ и матерія могутъ быть «разными сторонами», но въ философіи, особенно новѣйшей, это далеко не единственное объясненіе, котораго никто никогда не понималъ. Даже болѣе того: такими объясненіями, если только они ловко и своевременно прилаживались, она крѣпче всего и держалась. Главное, чтобъ не было лишнихъ принциповъ!..

Въ этомъ смыслѣ наиболѣе всего, конечно, удовлетворяла пантеистическая точка зрѣнія, соотвѣтственнымъ образомъ поддержанная и объясненная,

и ея популярная форма—матеріализмъ, обходящійся, какъ извѣстно, минимумомъ иностранныхъ словъ и отвлеченныхъ понятій. Но иностранныя слова и отвлеченныя понятія пугаютъ только непривычную къ дѣлу большую публику; въ философскихъ же сферахъ они, наоборотъ, пользуются полнымъ довѣріемъ и даже имѣютъ большую притягательную силу. Посвященные люди знаютъ, что съ этими трудностями легко освоиться. Лишній терминъ, новое понятіе, какъ бы они ни были построены, въ концѣ концовъ, не только ничему не мѣшаютъ, но даже въ извѣстныхъ случаяхъ даютъ выходъ изъ затруднительнаго положенія. Они же и подбираются не случайно, а систематически, съ извѣстными, строго опредѣленными цѣлями. Мѣшать можетъ только «принципъ», вводящій за собой въ философскую область множество новыхъ, не приспособившихся къ системѣ и дерзко требующихъ къ себѣ вниманія явленій. Вотъ тутъ-то философу и необходима вся сила убѣжденія, чтобы закрыть входъ назойливому пришельцу. Вотъ тутъ-то и нужна вся высота и непроницаемость идеалистическихъ стѣнъ, надежно ограждающихъ науку отъ жизни. Философія хочетъ быть во что бы то ни стало «наукой», такой же наукой, какъ математика, и если этого нельзя достигнуть никакимъ инымъ путемъ, то во всякомъ случаѣ выручитъ теорія познанія. Она докажетъ, что не обо всемъ можно спрашивать философію, что ее даже и спрашивать совсѣмъ нельзя, а только можно слушать, что́ она говоритъ. На этихъ условіяхъ, только на этихъ условіяхъ она соглашается раскрывать свои тайны жаждущимъ истины, и такъ какъ до сихъ

поръ неоткуда было черпать истину, то къ философіи шли, ее слушали и вспоминали ея ученія, если не въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось рѣшать какой-нибудь трудный жизненный вопросъ, то по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было «учить» другихъ.

Жестоко однако ошибется тотъ, кто захочетъ увидѣть въ задачахъ, поставляемыхъ себѣ теоріей познанія, только одни теоретическія притязанія. Если бы дѣло обстояло такъ, то, по всей вѣроятности, современное міровоззрѣніе и не имѣло бы такого распространенія съ одной стороны—да и не встрѣчало бы столько вражды. Нитше утверждаетъ, что всякая философія есть своего рода мемуары и невольныя признанія философа. Я думаю, что этимъ еще не все сказано. Въ философской системѣ, кромѣ исповѣди, вы въ послѣднемъ счетѣ непремѣнно найдете еще нѣчто, несравненно болѣе важное и значительное: самооправданіе ея автора, а вмѣстѣ съ нимъ и обвиненіе, обвиненіе всѣхъ тѣхъ, которые своей жизнью такъ или иначе возбуждаютъ сомнѣнія въ безусловной справедливости данной системы и высокихъ нравственныхъ качествахъ ея творца. Безкорыстное исканіе истины, которымъ когда-то такъ любили похваляться люди — мы въ него уже не вѣримъ, и не можемъ вѣрить. Да и какъ въ него вѣрить, когда для всѣхъ теперь очевидно, что мы собственно не знаемъ, чего мы хотимъ, когда говоримъ, что хотимъ истины. Можетъ быть желать истины—значитъ желать покоя, можетъ быть это значитъ желать новаго стимула для борьбы, а можетъ быть это значитъ желать найти какую-нибудь особенно оригинальную,

никому еще въ голову не приходившую «точку зрѣнія». Все можетъ быть! Но если, съ формальной стороны, всякая система стремится положить конецъ безконечнымъ «почему», такъ ловко изобрѣтаемымъ нашимъ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ столь мало изобрѣтательнымъ умомъ, то съ внутренней стороны, по своему содержанію, всякая философія, повторяю, непремѣнно и безусловно преслѣдовала цѣли самооправданія, хотя бы она себѣ въ этомъ и не давала отчета. И идеализму эта цѣль была всегда присуща. Онъ ставилъ людямъ задачи и возносилъ тѣхъ, которые соглашались принимать на себя эти задачи; тѣхъ же, которые отъ нихъ отказывались, онъ предавалъ проклятію и позору, никогда не имѣя ни терпѣнія, ни охоты справляться о причинахъ, въ силу которыхъ его ученіе въ извѣстныхъ случаяхъ (и такъ часто!) отвергалось. У него заранѣе было готово объясненіе для всѣхъ случаевъ своей неудачи; тамъ, гдѣ его не принимали, онъ утверждалъ, что наталкивался на безуміе или злую волю. Онъ обзавелся категорическимъ императивомъ, дававшимъ ему право считать себя самодержавнымъ монархомъ и законно видѣть во всѣхъ, отказывавшихъ ему въ повиновеніи, непокорныхъ бунтовщиковъ, заслуживающихъ пытки и казни. И какую утонченную жестокость проявлялъ категорическій императивъ каждый разъ, когда нарушались его требованія! Тѣмъ, у которыхъ плохое воображеніе и малый опытъ въ этихъ дѣлахъ, я рекомендую перечесть Шекспировскаго «Макбета». Онъ пояснитъ довѣрчивымъ людямъ, чего добивался идеализмъ и, главное, какими средствами! Можетъ быть человѣческая душа и точно слишкомъ упорный мате-

ріалъ, можетъ быть нужно было на ряду съ прочими «бичами» ниспослать бѣднымъ смертнымъ и идеализмъ. Но вѣдь это все однѣ оптимистическія догадки, а съ точки зрѣнія гуманнаго и строго научнаго современнаго ума—даже и не догадки, а чистѣйшая, незаслуживающая никакого довѣрія миѳологія. Кто серьезно признаетъ, что бичи бичуютъ не въ силу механическихъ законовъ, а ради какихъ-либо высшихъ цѣлей? А если такъ, то нечему удивляться, что среди испытавшихъ на себѣ ихъ воспитательные пріемы людей не всѣ соглашались цѣловать карающую руку...

2.

У насъ, да и не только у насъ, а и въ Европѣ (теперь вѣдь уровень идей во всѣхъ странахъ одинъ и тотъ же, какъ уровень воды въ сообщающихся сосудахъ) давно уже художественное творчество принято считать безсознательнымъ душевнымъ процессомъ. Повидимому, этими взглядами была вызвана къ жизни такъ называемая литературная критика. Художники недостаточно сознательно дѣлаютъ свое дѣло, нужно, чтобъ кто-нибудь ихъ провѣрилъ, объяснилъ, въ сущности—дополнилъ. Литературные критики сами приблизительно такъ понимали свою роль и изъ силъ выбивались, чтобъ связать какъ-нибудь свое сознательное мышленіе съ безсознательнымъ творчествомъ подлежавшихъ ихъ обсужденію художественныхъ произведеній. Иногда эта задача оказывалась гораздо болѣе трудной, чѣмъ можно было ожидать. Художественное произведеніе не вязалось ни съ одной изъ тѣхъ всѣми признанныхъ идей, безъ которыхъ рѣшительно

немыслимо никакое «сознательное» отношеніе къ жизни. Въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось имѣть дѣло съ художникомъ второстепеннымъ или даже бездарнымъ, критики не задумывались. Отсутствіе идеи ставилось на счетъ недостаточности таланта, даже болѣе того—приводилось какъ причина недостаточнаго дарованія, и такимъ образомъ какъ будто бы подтверждалась «вѣчная» истина, что поэты, сами того не подозрѣвая, должны преслѣдовать тѣ же цѣли, которыя имѣютъ и критики, если только хотятъ, чтобъ ихъ трудъ не пропадалъ безплодно. Въ концѣ концовъ получалось, что поэтическое безсознательное творчество все же служитъ и должно служить тому же, чему служитъ и сознательное творчество критиковъ—и опасный моментъ проходилъ благополучно.

Но бывало и такъ, что критику попадалось въ руки произведеніе значительнаго художника, звѣзды первой величины. Критикъ заранѣе расположенъ къ автору и готовъ предъявить къ нему самыя снисходительныя требованія. Онъ проститъ ему отсутствіе политическаго идеала—хотя бы ему очень хотѣлось найти именно у этого художника поддержку своей партіи. Онъ проститъ ему, скрѣпя сердце, и равнодушіе къ общественнымъ задачамъ, служенію которымъ, по его мнѣнію, должны быть посвящены всѣ силы страны. Но онъ убѣжденъ, что найдетъ въ новомъ произведеніи по крайней мѣрѣ невольно (безсознательно) высказанныя симпатіи къ вѣковѣчнымъ нравственнымъ идеаламъ. По крайней мѣрѣ это, хотя бы только это. Пусть поэтъ воспѣваетъ добро, истину и красоту—если это у него будетъ, критика позаботится обо всемъ остальномъ. Но если и того не

будетъ? Если художникъ забудетъ о красотѣ, посмѣется надъ истиной и пренебрежетъ добромъ? Мнѣ скажутъ, что этого не бываетъ. Но я предложу изъ области отвлеченныхъ разговоровъ перейти на частный примѣръ. Одинъ, конечно, примѣръ. Предисловіе—слишкомъ узкія рамки для того, чтобы вмѣстить въ себѣ значительный литературный матеріалъ. Но надѣюсь, что этотъ примѣръ напомнитъ тѣмъ, которые перестали бояться вспоминать, и многіе другіе въ томъ же родѣ.

Я говорю о «Героѣ нашего времени» Лермонтова. Какъ извѣстно, Бѣлинскій написалъ объ этомъ романѣ большую, очень страстную и горячую статью, доказывавшую, что Печоринъ оттого пустился на свои злодѣйскія дѣла, что не находилъ въ Россіи начала прошлаго вѣка настоящаго приложенія своимъ громаднымъ силамъ. Я не помню сейчасъ точно, написана ли эта статья по поводу перваго или второго изданія «Героя нашего времени», но, такъ или иначе, самъ Лермонтовъ тоже счелъ необходимымъ дать объясненіе своему роману, что̀ и сдѣлалъ въ предисловіи ко второму изданію его. Предисловіе короткое—меньше двухъ страницъ. Но оно несомнѣнно свидѣтельствуетъ объ одномъ обстоятельствѣ: Лермонтовъ, когда хотѣлъ, умѣлъ удивительно «сознательно» относиться къ своимъ произведеніямъ и проводить «идеи» не хуже любого критика. Въ своемъ предисловіи онъ прямо заявляетъ, что, вопреки распространившимся толкамъ, въ Печоринѣ авторъ вовсе не изображалъ и ни хотѣлъ изображать ни себя самого и даже ни героя вообще, а имѣлъ лишь цѣлью представить «пороки» нашего времени. Зачѣмъ?—спросите вы. И на это есть

отвѣтъ. Обществу необходимо прежде всего понять себя, дать себѣ отчетъ въ своихъ недостаткахъ. «Будетъ уже и того, кончаетъ онъ свое объясненіе, что болѣзнь указана, а какъ ее излѣчить — уже Богъ знаетъ». Какъ видите, Лермонтовъ въ предисловіи почти сходится съ Бѣлинскимъ. Печоринъ—болѣзнь и ужасная болѣзнь общества. Только въ его объясненіи нѣтъ горячности и страсти, да обнаруживается одно странное обстоятельство: болѣзнь общества его крайне интересуетъ, до лѣченія же ему почти нѣтъ, а то и прямо нѣтъ никакого дѣла...

Отчего же у человѣка, такъ умѣвшаго открыть и описать болѣзнь, нѣтъ никакого желанія лѣчить ее? И, вообще, отчего предисловіе такъ спокойно, хотя и сильно написано?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ вы найдете въ романѣ: тамъ съ первыхъ же страницъ вы убѣдитесь, что если Печоринъ и болѣзнь, то это одна изъ тѣхъ болѣзней, которыя автору дороже всякаго здоровья. Печоринъ—больной, но кто же здоровый? Штабсъ-капитанъ Максимъ Максимычъ, Грушницкій съ его пріятелями или, наконецъ, если брать въ разсчетъ женщинъ, милая княжна Мери или дикарка Белла? Поставьте только такой вопросъ и вы сразу поймете, зачѣмъ написанъ «Герой нашего времени», а также для чего было потомъ сочинено предисловіе. Печоринъ изображенъ въ романѣ побѣдителемъ. Предъ нимъ всѣ, рѣшительно всѣ остальныя дѣйствующія лица уничтожаются. Нѣтъ даже, какъ въ пушкинскомъ «Онѣгинѣ», Татьяны, которая хотя бы разъ за все время напомнила герою, что на свѣтѣ существуетъ нѣчто болѣе священное, нежели его, Печорина, воля,

что есть долгъ, идея или что-нибудь въ такомъ родѣ. На пути своемъ Печоринъ встрѣчаетъ силу и хитрость, но и ту, и другую побѣждаетъ умомъ и непреклонностью своего характера. Попробуйте судить Печорина; у него нѣтъ никакихъ недостатковъ, кромѣ одного - жестокости. Онъ смѣлъ, благороденъ, уменъ, глубокъ, образованъ, красивъ, даже богатъ (и это— достоинство!), а что касается жестокости, то онъ, хотя и знаетъ за собою этотъ порокъ и говоритъ о немъ часто, но увы!—когда столь высоко одаренный человѣкъ и проявляетъ какой-нибудь недостатокъ, этотъ недостатокъ ему къ лицу, болѣе того—начинаетъ самъ по себѣ казаться качествомъ, и прекраснымъ качествомъ. Самъ Печоринъ по поводу своей жестокости сравниваетъ себя съ рокомъ! Да и что съ того, если куча разной мелюзги становится жертвой великаго человѣка?!. «Главное, чтобы болѣзнь была указана, а какъ лѣчить ее—Богъ знаетъ». Эта маленькая ложь, заключающая собою короткое предисловіе къ длинному роману, чрезвычайно характерна. Вы ее не у одного Лермонтова найдете. Почти у всякаго большого поэта, не исключая и Пушкина, отъ времени до времени, когда описаніе «болѣзни» становится слишкомъ соблазнительнымъ, она наскоро, между дѣломъ выбрасывается читателю, какъ дань, отъ которой не свободны и привилегированнѣйшіе умы. И у Пушкина тоже: вспомните его самозванцевъ, сказку Пугачева объ орлѣ и воронѣ и отвѣтъ Гринева. Тамъ, гдѣ критики отмѣчаютъ болѣзнь, «безсознательное» творчество тоже видитъ своего рода ненормальность, нѣчто такое, что имѣетъ свои страшныя и загадочныя стороны. Но критика ничего, кромѣ болѣзни, не

видитъ и спѣшитъ quand-même изыскивать способъ лѣченія. Художникъ же объ этомъ не думаетъ и только для приличія смягчаетъ свое сужденіе общепринятой фразой... Изъ всего этого слѣдуетъ, что если уже употреблять выраженіе «безсознательное творчество», то его слѣдуетъ отнести не къ художникамъ, а именно къ критикамъ, всегда стремившимся пристегнуть къ изображаемымъ въ поэтическихъ произведеніяхъ жизненнымъ событіямъ какія-нибудь готовыя, на вѣру принятыя идеи. У художниковъ не было «идей», это—правда. Но въ этомъ и сказывалась ихъ глубина—и задача искусства отнюдь не въ томъ, чтобъ покориться регламентаціи и нормировкѣ, придумываемымъ на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ разными людьми, а въ томъ, чтобы порвать цѣпи тяготѣющія надъ рвущимся къ свободѣ человѣческимъ умомъ. «Печорины — болѣзнь, а какъ ее излѣчить, знаетъ лишь одинъ Богъ». Перемѣните только форму и подъ этими словами вы найдете самую задушевную и глубокую мысль Лермонтова: какъ бы ни было трудно съ Печориными—онъ не отдастъ ихъ въ жертву серединѣ, нормѣ. Критикъ точно хочетъ лѣчить. Онъ вѣритъ или обязанъ вѣрить въ современныя идеи — въ будущее счастье человѣчества, въ миръ на землѣ, въ монизмъ, въ необходимость уничтоженія всѣхъ орловъ, питающихся живымъ мясомъ, выражаясь языкомъ Пугачева, ради сохраненія воронья, живущаго падалью. Орлы и орлиная жизнь, это—«ненормальность»...

Ненормальность! Вотъ страшное слово, которымъ люди науки пугали и до сихъ поръ продолжаютъ пугать всякаго, кто еще не отказался отъ умирающей

надежды найти въ мірѣ что-нибудь иное, кромѣ статистики и «желѣзной необходимости»! Всякій, кто пытается взглянуть на жизнь иначе, нежели этого требуетъ современное міровоззрѣніе, можетъ и долженъ ждать, что его зачислятъ въ ненормальные люди. Зачислятъ—было бы еще ничего, можетъ быть даже знакомъ отличія! Весь ужасъ въ томъ, что никто, рѣшительно никто изъ нынѣ живущихъ, повидимому, самъ не въ силахъ долго выносить мысль о возможности иного міропониманія. Каждый разъ, когда ему приходитъ на умъ, что современныя истины—все же суть только истины своего времени и что наши «убѣжденія» могутъ быть столь же ложны, какъ и вѣрованія самыхъ отдаленныхъ предковъ нашихъ — ему самому начинаетъ казаться, что онъ покинулъ единственно правильный путь и прямо идетъ къ ненормальности. Разительный примѣръ тому — графъ Толстой. Какъ ненавистенъ, какъ противенъ былъ ему весь строй современной мысли! Еще съ молодыхъ лѣтъ онъ ко всему, къ чему наука говорила «да», говорилъ «нѣтъ», не останавливаясь даже передъ опасностью сказать нелѣпость. Онъ готовъ былъ вѣрить безграмотному мужику, глупой бабѣ, ребенку, мѣщанину въ сермягѣ, толстому купцу—только бы они говорили иначе, чѣмъ люди науки! А между тѣмъ онъ кончилъ тѣмъ, что въ главномъ принялъ все, чему учитъ наука, и такъ же держится „положительныхъ“ идеаловъ, какъ и большинство реформаторовъ въ Европѣ. Его христіанство есть идеалъ устроеннаго человѣчества. Отъ искусства онъ требуетъ проповѣди добрыхъ чувствъ, отъ науки — совѣтовъ мужику. Онъ не понимаетъ, зачѣмъ поэты тоскуютъ и стремятся выра-

зить тончайшіе оттѣнки своихъ настроеній, ему кажутся странными эти безпокойные искатели, шатающіеся по сѣверному полюсу или проводящіе безсонныя ночи въ наблюденіи звѣзднаго неба. Зачѣмъ всѣ эти стремленія къ неизвѣстному, неизвѣданному? Все это безполезно, значитъ—ненормально. Страшный призракъ „ненормальности“ все время давилъ и давитъ этотъ колоссальный умъ и заставляетъ его мириться съ посредственностью, въ себѣ самомъ искать посредственности. Его страхъ понятенъ: хотя современность и выдвинула вновь идею о родствѣ геніальности и безумія, но мы всѣ попрежнему больше смерти боимся сумасшествія. Какое бы тамъ ни было родство—геніальность есть геніальность, безуміе—безуміе. И скорѣй безумный скомпрометируетъ своимъ обществомъ генія, чѣмъ геній оправдаетъ безуміе. Мы можемъ сомнѣваться въ чемъ угодно—но это для насъ аксіома, и всякаго рода опыты надъ собой мы кончаемъ тамъ, гдѣ намъ начинаетъ грозить безуміе. Изслѣдованія Ломброзо не освѣтили ни однимъ лучемъ того мрака, который наша слѣпота и современная положительность сгустили надъ безуміемъ. Правда, Ломброзо былъ неподходящій человѣкъ для такого дѣла. Онъ тоже въ концѣ концовъ эксперименталистъ и судитъ только по внѣшнимъ признакамъ о чуждыхъ ему душевныхъ состояніяхъ. Можетъ быть результаты его изысканій были бы болѣе плодотворны, если бы въ немъ самомъ была бы хоть одна искра генія или немного безумія. Но ни того, ни другого у него не было. Онъ даровитый позитивистъ и только. Теорія не заставитъ человѣка перейти черту, за которой его ждетъ безуміе —и гр. Толстой вернулся къ положительнымъ идеаламъ.

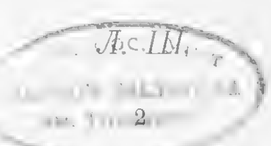
Есть область человѣческаго духа, которая не видѣла еще добровольцевъ: туда люди идутъ лишь поневолѣ.

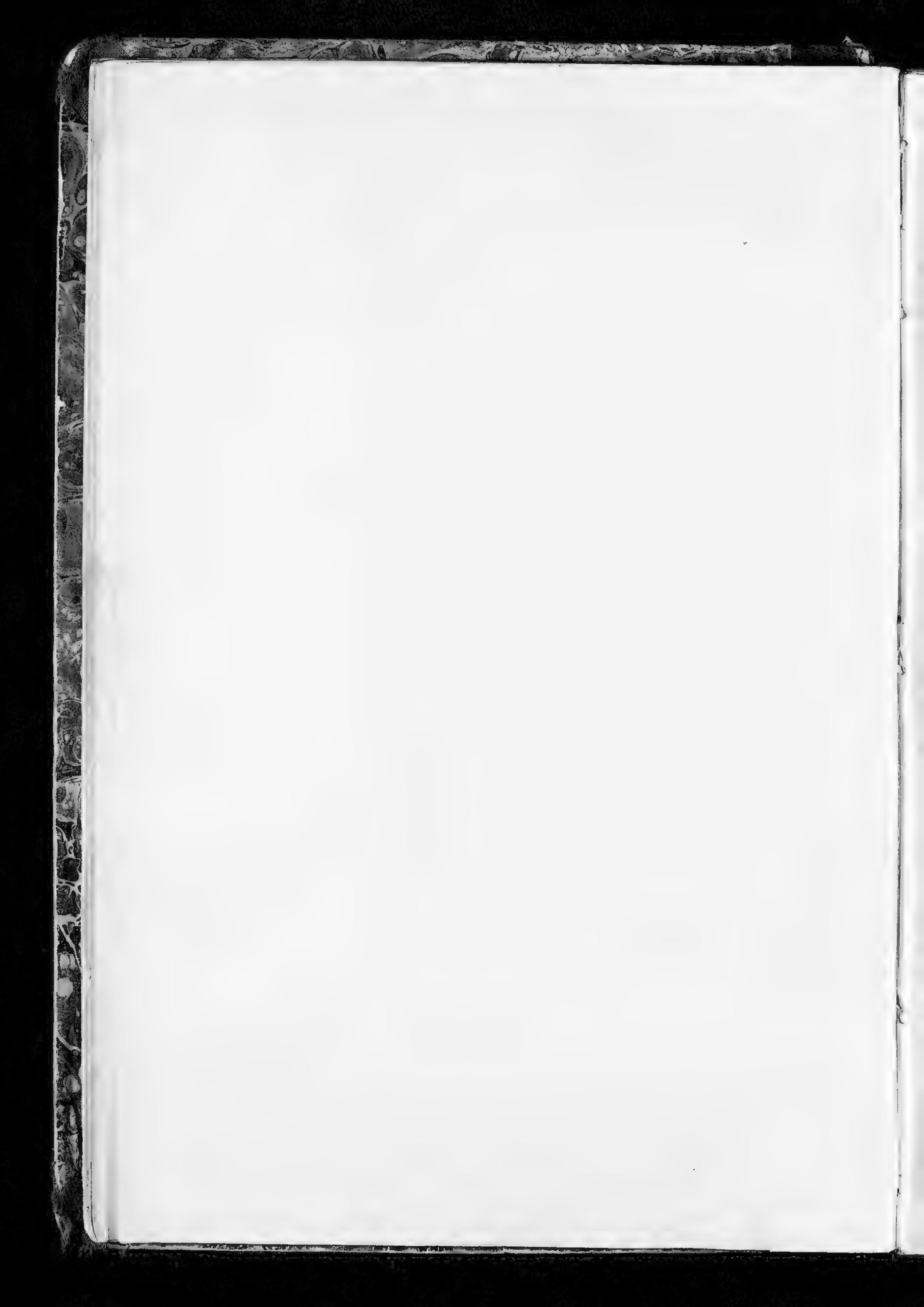
Это и есть область трагедіи. Человѣкъ, побывавшій тамъ, начинаетъ иначе думать, иначе чувствовать, иначе желать. Все, что дорого и близко всѣмъ людямъ, становится для него ненужнымъ и чуждымъ. Онъ еще, правда, связанъ до нѣкоторой степени со своей прежней жизнью. Въ немъ сохранились еще кой-какія вѣрованія, къ которымъ его пріучили съ дѣтства, въ немъ еще отчасти живы старыя опасенія и надежды. Можетъ быть не разъ въ немъ просыпается мучительное сознаніе ужаса своего положенія и стремленіе вернуться къ своему спокойному прошлому. Но „прошлаго не вернешь". Корабли сожжены, всѣ пути назадъ заказаны—нужно идти впередъ къ неизвѣстному и вѣчно страшному будущему. И человѣкъ идетъ, почти уже не справляясь о томъ, что̀ его ждетъ. Ставшія недоступными ему мечты молодости начинаютъ казаться ему лживыми, обманчивыми, противоестественными. Съ ненавистью и ожесточеніемъ онъ вырываетъ изъ себя все, во что̀ когда-то вѣрилъ, что̀ когда-то любилъ. Онъ пытается разсказать людямъ о своихъ новыхъ надеждахъ, но всѣ глядятъ на него съ ужасомъ и недоумѣніемъ. Въ его измученномъ тревожными думами лицѣ, въ его воспаленныхъ, горящихъ незнакомымъ свѣтомъ глазахъ люди хотятъ видѣть признаки безумія, чтобы пріобрѣсть право отречься отъ него. Они зовутъ на помощь весь свой идеализмъ и свои испытанныя теоріи познанія, которыя такъ долго давали имъ возможность спокойно жить среди загадочной таинственности происходящихъ на ихъ глазахъ ужасовъ. Вѣдь помогъ же идеализмъ

забыть многое, неужели его сила и очарованіе исчезли и онъ долженъ будетъ уступить предъ натискомъ новаго врага? И съ раздраженіемъ, смѣшаннымъ съ плохо скрытою тревогой, они повторяютъ старый вопросъ: да кто же, наконецъ, такіе всѣ эти Достоевскіе и Нитше, что говорятъ какъ власть имѣющіе? И чему они насъ учатъ?..

Но они ничему насъ не „учатъ". Нѣтъ бо̀льшаго заблужденія, чѣмъ распространенное въ русской публикѣ мнѣніе, что писатель существуетъ для читателя. Наоборотъ—читатель существуетъ для писателя. Достоевскій и Нитше говорятъ не затѣмъ, чтобъ распространить среди людей свои убѣжденія и просвѣтить ближнихъ. Они сами ищутъ свѣта, они не вѣрятъ себѣ, что то, что̀ имъ кажется свѣтомъ, есть точно свѣтъ, а не обманчивый блуждающій огонекъ или, хуже того—галлюцинація ихъ разстроеннаго воображенія. Они зовутъ къ себѣ читателя, какъ свидѣтеля, они отъ него хотятъ получить право думать по-своему, надѣяться—право существовать. Идеализмъ и теорія познанія прямо возвѣщаютъ имъ: вы безумцы, вы безнравственные, осужденные, погибшіе люди. И они апеллируютъ къ послѣдней возможной инстанціи, въ надеждѣ, что этотъ страшный приговоръ будетъ отмѣненъ.. Можетъ быть большинство читателей не хочетъ этого знать, но сочиненія Достоевскаго и Нитше заключаютъ въ себѣ не отвѣтъ, а вопросъ. Вопросъ: имѣютъ ли надежды тѣ люди, которые отвергнуты наукой и моралью, т.-е. возможна ли философія трагедіи?

... Aimes-tu les damnés?
Dis moi, connais-tu l'irrémissible?
Ch. Baudelaire.

I.

«Мнѣ очень трудно было бы разсказать исторію перерожденія своихъ убѣжденій, тѣмъ болѣе, что это, быть можетъ, и не такъ любопытно»,—говоритъ Достоевскій въ своемъ дневникѣ писателя за 1873 г. [1]. Трудно-то навѣрное. Но чтобъ было не любопытно — съ этимъ едва ли кто-нибудь согласится. Исторія перерожденія убѣжденій — развѣ можетъ быть во всей области литературы какая-нибудь исторія, болѣе полная захватывающаго и всепоглощающаго интереса? Исторія перерожденія убѣжденій—вѣдь это прежде всего исторія ихъ рожденія. Убѣжденія вторично рождаются въ человѣкѣ — на его глазахъ, въ томъ возрастѣ, когда у него достаточно опыта и наблюдательности, чтобы сознательно слѣдить за этимъ великимъ и глубокимъ таинствомъ своей души. Достоевскій не былъ бы психологомъ, если бы такой процессъ могъ бы пройти для него незамѣченнымъ. И онъ не былъ бы писателемъ, если бы не подѣлился съ людьми своими наблюденіями. Очевидно, вторая половина приведенной фразы сказана такъ себѣ, для приличія, требующаго отъ писателя хотя бы внѣш-

[1] Соч. Достоевскаго. т. 9, стр. 342 (изданія Маркса).

няго пренебреженія къ своей особѣ. На самомъ дѣлѣ Достоевскій слишкомъ хорошо зналъ, какое рѣшающее значеніе можетъ имѣть для насъ вопросъ о рожденіи убѣжденій; зналъ онъ также, что хоть сколько-нибудь выяснить этотъ вопросъ можно лишь однимъ путемъ: разсказавъ собственную исторію. Помните слова героя «Записокъ изъ подполья»? «О чемъ можетъ говорить порядочный человѣкъ съ наибольшимъ удовольствіемъ?.. Отвѣтъ: о себѣ. Ну, такъ я буду говорить о себѣ» [1]). Сочиненія Достоевскаго въ значительной степени осуществляютъ эту программу. Съ годами, по мѣрѣ того, какъ зрѣетъ и развивается его дарованіе, онъ все смѣлѣе и правдивѣе говоритъ о себѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, до конца своей жизни онъ продолжаетъ всегда болѣе или менѣе прикрываться вымышленными именами героевъ своихъ романовъ. Правда, тутъ уже дѣло идетъ не о литературномъ или житейскомъ приличіи. Подъ конецъ своей дѣятельности Достоевскій не побоялся бы нарушить и болѣе серьезныя требованія междучеловѣческихъ отношеній. Но ему постоянно приходится говорить черезъ своихъ героевъ такія вещи, которыя и въ его сознаніи, быть можетъ, не отлились бы въ столь рѣзкой и опредѣленной формѣ, если бы онѣ не являлись ему въ обманчивомъ видѣ сужденій и желаній не собственнаго я, а несуществующаго героя романа. Въ примѣчаніи къ «Запискамъ изъ подполья» вы это чувствуете особенно сильно. Тамъ Достоевскій настаиваетъ на томъ, что «авторъ записокъ, какъ и сами записки вымышлены», и что онъ лишь поставилъ себѣ задачей изобразить «одного изъ представителей доживающаго поколѣнія». Такого рода пріемы, конечно, достигаютъ прямо противо-

[1]) Т. 3-й, ч. 2-я, стр. 74.

положныхъ цѣлей. Читатель съ первыхъ же страницъ убѣждается, что вымышлены не записки и ихъ авторъ, а объяснительное къ нимъ примѣчаніе. И если бы Достоевскій въ своихъ дальнѣйшихъ произведеніяхъ держался все той же системы примѣчаній—его творчество не давало бы столько поводовъ къ самымъ разнообразнымъ толкованіямъ. Но примѣчаніе для него не было лишь пустой формой. Ему самому страшно было думать, что «подполье», которое онъ такъ ярко обрисовывалъ, было не нѣчто ему совсѣмъ чуждое, а свое собственное, родное. Онъ самъ пугался открывшихся ему ужасовъ и напрягалъ всѣ силы души своей, чтобъ закрыться отъ нихъ хоть чѣмъ-нибудь, хоть первыми попавшимися идеалами. Такимъ образомъ и создались фигуры князя Мышкина и Алеши Карамазова. Отсюда и неистовыя проповѣди, которыми переполненъ его «Дневникъ писателя». Все это лишь хочетъ напомнить намъ, что Раскольниковы, Иваны Карамазовы, Кирилловы и другія дѣйствующія лица романовъ Достоевскаго говорятъ сами за себя и ничего общаго съ ихъ авторомъ не имѣютъ. Все это лишь новая форма примѣчанія къ «Запискамъ изъ подполья».

Къ сожалѣнію, примѣчаніе на этотъ разъ такъ тѣсно сплетено съ текстомъ, что нѣтъ уже возможности чисто механически отдѣлить дѣйствительныя переживанія Достоевскаго отъ измышленныхъ имъ «идей». Правда, возможно до нѣкоторой степени указать, въ какомъ направленіи слѣдуетъ производить дѣленіе. Такъ, напримѣръ, всѣ банальности и общія мѣста ничего намъ не говорятъ о самомъ Достоевскомъ. Все это—заимствованія. Не трудно даже угадать источники, изъ которыхъ ихъ черпалъ Достоевскій, правду сказать, довольно щед-

рой рукой. Второй признакъ — форма изложенія. Какъ только въ рѣчи Достоевскаго послышится истерика, необычайно высокія ноты, неестественный крикъ—вы съ несомнѣнностью можете заключить, что это начинается «примѣчаніе». Достоевскій уже самъ не вѣритъ своимъ словамъ и пытается недостатокъ вѣры замѣнить «чувствомъ», краснорѣчіемъ. Такое отчаянное, захлебывающееся краснорѣчіе, можетъ быть, и дѣйствуетъ неотразимо на грубое ухо. Но болѣе опытному слуху оно говоритъ о совсѣмъ иномъ.

Само собою разумѣется, что указанные признаки далеко не даютъ математически правильнаго пріема для разрѣшенія занимающаго насъ здѣсь вопроса. И съ ними остается достаточно простора для сомнѣній, неясностей. Возможны, конечно, ошибки въ истолкованіи отдѣльныхъ мѣстъ сочиненій Достоевскаго, даже цѣлыхъ романовъ. На что же надѣяться въ такомъ случаѣ? На критическое чутье?! Но читатель недоволенъ такимъ отвѣтомъ. Отъ него отдаетъ миѳологіей, старостью, плѣсенью, ложью—даже умышленной ложью. Ну, что-жъ? Тогда остается одно: произволъ. Можетъ быть это слово своей откровенной правдивостью болѣе расположитъ къ себѣ слишкомъ требовательныхъ людей, заподозрившихъ права критическаго чутья—въ особенности, если они догадаются, что après tout, этотъ произволъ будетъ не совсѣмъ уже произвольнымъ.

Такъ или иначе задача наша опредѣлена. Намъ нужно выполнить намѣченное, но невыполненное самимъ Достоевскимъ дѣло: разсказать исторію перерожденія его убѣжденій. Замѣчу лишь здѣсь, что перерожденіе было дѣйствительно необыкновенное. Отъ прошлыхъ убѣжденій Достоевскаго, отъ того, во что онъ вѣро-

валъ въ молодости, когда впервые вошелъ въ кружокъ Бѣлинскаго, не осталось ни слѣда. Обыкновенно люди считаютъ поверженныхъ кумировъ все же богами и оставленные храмы — храмами. Достоевскій же не то что сжегъ—онъ втопталъ въ грязь все, чему когда-то поклонялся. Свою прежнюю вѣру онъ уже не только ненавидѣлъ—онъ презиралъ ее. Такихъ примѣровъ въ исторіи литературы немного. Новѣйшее время, кромѣ Достоевскаго, можетъ назвать только Нитше: Съ Нитше была точно такая же исторія. Его разрывъ съ идеалами и учителями молодости былъ не менѣе рѣзкимъ и бурнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣзненно мучительнымъ. Достоевскій говоритъ о перерожденіи своихъ убѣжденій, у Нитше идетъ рѣчь о переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей. Въ сущности оба выраженія—лишь разныя слова для обозначенія одного и того же процесса. Если взять во вниманіе это обстоятельство, то, пожалуй, теперь не покажется страннымъ, что Нитше имѣлъ такое высокое мнѣніе о Достоевскомъ. Вотъ его подлинныя слова: «Достоевскій, это—единственный психологъ, у котораго я могъ кой-чему научиться; знакомство съ нимъ я причисляю къ прекраснѣйшимъ удачамъ моей жизни» [1]). Нитше призналъ въ Достоевскомъ своего родного человѣка.

И точно, если людей сближаетъ, роднитъ не общность происхожденія, не совмѣстное жительство или сходство характеровъ, а одинаковость внутренняго опыта, то Нитше и Достоевскій безъ преувеличенія могутъ быть названы братьями, даже братьями близнецами. Я думаю, что если бы они жили вмѣстѣ, то ненавидѣли бы другъ друга той особенной ненавистью, которую

[1]) Nietzsche's Werke. T. VIII, 158.

стали питать одинъ къ другому Кирилловъ и Шатовъ (въ «Бѣсахъ») послѣ совмѣстнаго американскаго путешествія, во время котораго имъ пришлось впроголодь пролежать вмѣстѣ четыре мѣсяца въ сараѣ. Но Нитше узналъ Достоевскаго только по его книгамъ и тогда, когда его уже не было въ живыхъ. Мертвому же можно все простить—даже и то, что онъ знаетъ тайну, открывшуюся Кириллову и Шатову въ сараѣ. Онъ не выдастъ...

Однако, Нитше ошибся. Никто въ такой мѣрѣ не можетъ выдать его, какъ именно Достоевскій. Правда, и обратно: многое, что было темно въ Достоевскомъ, разъясняется сочиненіями Нитше. На первый разъ отмѣтимъ одно поразительное обстоятельство. Достоевскій, какъ извѣстно, любилъ пророчествовать. Охотнѣе всего онъ предсказывалъ, что Россіи суждено вернуть Европѣ забытую тамъ идею всечеловѣческаго братства. Однимъ изъ первыхъ русскихъ людей, пріобрѣвшимъ вліяніе на европейцевъ, былъ самъ Достоевскій. И что же, привилась его проповѣдь? О ней поговорили, ей даже удивлялись — но ее забыли. Первый даръ, который Европа съ благодарностью приняла отъ Россіи, была «психологія» Достоевскаго, т.-е. подпольный человѣкъ, съ его разновидностями, Раскольниковыми, Карамазовыми, Кирилловыми. Не правда ли, какая глубокая иронія судьбы? Но судьба охотнѣе всего смѣется надъ идеалами и пророчествами смертныхъ—и, нужно думать, въ этомъ сказывается ея великая мудрость.

II.

Литературная дѣятельность Достоевскаго можетъ быть раздѣлена на два періода. Первый начинается

«Бѣдными людьми» и кончается «Записками изъ мертваго дома». Второй начинается съ «Записокъ изъ подполья» и заканчивается Пушкинской рѣчью, этимъ мрачнымъ апоѳеозомъ всего творчества Достоевскаго. Изъ записокъ подпольнаго человѣка, находящихся такимъ образомъ на рубежѣ двухъ періодовъ, читатель внезапно и совершенно неожиданно для себя узнаетъ. что пока писались другіе романы и статьи, въ Достоевскомъ происходилъ одинъ изъ ужаснѣйшихъ кризисовъ, которые только способна уготовить себѣ и вынести человѣческая душа. Что было тому причиной? Каторга? Повидимому—нѣтъ; по крайней мѣрѣ не непосредственно. Послѣ каторги Достоевскій написалъ цѣлый рядъ статей, въ которыхъ не только не отказывался отъ своихъ прошлыхъ убѣжденій, но возвѣщалъ ихъ съ такой силой таланта и дарованія, о которой онъ не смѣлъ и мечтать въ молодые годы. Вѣдь послѣ каторги написаны «Записки изъ мертваго дома» — романъ, который всѣ единодушно, даже враги новаго направленія Достоевскаго, до сихъ поръ восхваляютъ, какъ «особенно» достойное произведеніе, вѣрнѣе, какъ произведеніе, стоящее особо отъ всѣхъ прочихъ позднѣйшихъ его романовъ. Здѣсь еще цѣликомъ тотъ Достоевскій, первой повѣстью котораго такъ горячо зачитывались въ кружкѣ Бѣлинскаго. По «идеѣ», по «убѣжденіямъ» «Записки изъ мертваго дома» несомнѣнно принадлежатъ вѣрному ученику «неистоваго» Виссаріона, Жоржъ Зандъ и французскихъ идеалистовъ первой половины истекшаго столѣтія.

Здѣсь то же почти, что и въ «Бѣдныхъ людяхъ». Правда, здѣсь есть и кой-что новое: есть чутье дѣйствительности, готовность увидѣть жизнь такой, какова

она на самомъ дѣлѣ. Но кто же могъ думать, что чутье дѣйствительности грозитъ хоть отчасти убѣжденіямъ и идеаламъ? Всѣ, въ томъ числѣ и самъ Достоевскій, менѣе всего допускали такое предположеніе. Дѣйствительность, конечно, мрачна и неприглядна, особенно дѣйствительность каторги, а идеалы ясны и свѣтлы. Но эта противоположность вѣдь и была той почвой, на которой выростали идеалы: она не только не опровергала — она ихъ оправдывала. Оставалось только подгонять и пришпоривать дѣйствительность до тѣхъ поръ, пока разстояніе между ней и идеалами не дойдетъ до безконечно малой величины, до нуля. Соотвѣтственно этому и изображеніе мрачной дѣйствительности преслѣдовало одну единственную цѣль — борьбу съ ней и ея уничтоженіе въ далекомъ, но казавшемся близкимъ будущемъ.

Въ этомъ смыслѣ «Бѣдные люди» и «Записки изъ мертваго дома» вышли изъ одной школы и имѣютъ одну и ту же задачу; разница лишь въ мастерствѣ автора, успѣвшаго за 15 лѣтъ значительно усовершенствоваться въ искусствѣ писанія. Въ «Бѣдныхъ людяхъ», такъ же какъ въ «Двойникѣ» и «Хозяйкѣ», вы имѣете дѣло съ неловкимъ еще, хотя и даровитымъ ученикомъ, вдохновенно популяризирующимъ великаго мастера, Гоголя, объясненнаго ему Бѣлинскимъ. Читая названные разсказы, вы вспоминаете, конечно, «Шинель», «Записки сумасшедшаго», «Страшную месть» и, вѣроятно, думаете про себя, что не было нужды популяризировать. Читатель, пожалуй, немного потерялъ бы, если бы первые разсказы Достоевскаго навсегда остались въ головѣ ихъ автора. Но писателю они нужны были. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ Достоевскій, словно

предчувствуя свою будущую задачу, упражняется въ изображенiи мрачныхъ и тяжелыхъ картинъ. Пока онъ копируетъ—но придетъ его время, онъ покинетъ своего учителя и будетъ писать за свой страхъ. Конечно, странно видѣть въ юношѣ пристрастіе къ сѣрымъ и темнымъ краскамъ, а Достоевскій вѣдь никогда не зналъ другихъ. Неужели, спрашиваете вы себя, онъ не смѣлъ идти къ свѣту, къ радости? Неужели въ ранней уже молодости онъ инстинктивно чувствовалъ потребность принести всего себя въ жертву своему дарованію? Но это—такъ: талантъ есть privilegium odiosum—онъ рѣдко даетъ своему обладателю земныя радости.

До сорока лѣтъ Достоевскій терпѣливо несетъ на себѣ бремя своего таланта. Ему кажется, что бремя это легко, что такое иго — благо. Съ какимъ восторгомъ вспоминаетъ онъ въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» о своихъ первыхъ литературныхъ опытахъ. По его словамъ, онъ испыталъ высшее счастье не тогда, когда произведеніе его было напечатано, и не тогда даже, когда онъ впервые услышалъ о немъ необычайно лестные отзывы изъ устъ лучшихъ писателей и знатоковъ литературы того времени. Нѣтъ, счастливѣйшими часами своей жизни онъ считаетъ тѣ, когда, еще никому невѣдомый, онъ въ тишинѣ работалъ надъ своей рукописью, обливаясь слезами надъ вымысломъ—надъ судьбой загнаннаго и забитаго чиновничка, Макара Дѣвушкина. Я не знаю, вполнѣ ли здѣсь искрененъ Достоевскій и точно ли онъ испыталъ наибольшее счастье тогда, когда обливался слезами надъ вымысломъ. Можетъ быть, въ этомъ и есть нѣкоторое преувеличеніе. Но если даже и такъ, если Достоевскій, дѣлая такое признаніе, только отдаетъ дань

господствовавшей въ его время и раздѣлявшейся имъ самимъ точкѣ зрѣнія, то и тогда его слова своей странностью могутъ и должны возбудить въ насъ тревожное и подозрительное чувство. Что это за человѣкъ, что это за люди, которые вмѣняютъ себѣ въ обязанность такъ безумно радоваться по поводу измышленныхъ ими злоключеній несчастнаго Макара Дѣвушкина? И какъ можно совмѣстить «счастіе» со слезами, которыми они же сами, по ихъ словамъ, обливаются надъ своимъ ужаснымъ вымысломъ? Замѣтьте, что «Униженные и оскорбленные» написаны въ такомъ же стилѣ, какъ и «Бѣдные люди». Промежутокъ въ 15 лѣтъ нисколько не «исправилъ» въ этомъ отношеніи Достоевскаго. Прежде онъ обливался слезами надъ Дѣвушкинымъ, теперь — надъ Натаней. Что же касается восторговъ творчества, то они, какъ извѣстно, никогда не оставляютъ писателя.

Казалось бы на первый взглядъ, что ничего не можетъ быть противоестественнѣе и—простите слово—отвратительнѣе, нежели всѣ эти соединенія слезъ съ восторгами. Откуда, съ чего взялись восторги? Человѣку нужно разсказать, что Макара Дѣвушкина или Натану обидѣли, истерзали, уничтожили; кажется—радоваться нечего. Но онъ проводитъ за своими разсказами цѣлые мѣсяцы, годы и потомъ публично, открыто, не стѣсняясь, болѣе того — очевидно гордясь, заявляетъ, что это—лучшіе моменты его жизни. Отъ публики, читающей такого рода произведенія, требуютъ такихъ же настроеній. Требуютъ, чтобъ и она обливалась слезами и чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ она не забывала радоваться. Правда, эти требованія имѣютъ свои основанія. Предполагается, что такимъ образомъ пробуждаются доб-

рыя чувства: «сердце захватываетъ, познается, что самый забитый, послѣдній человѣкъ есть тоже человѣкъ и называется братъ твой» [1]). И вотъ, чтобы распространить среди читателей эту идею, нуженъ особый классъ людей, которые въ теченіе всей своей жизни занимаются главнымъ образомъ тѣмъ, что, созерцая въ своей фантазіи всевозможные ужасы и уродства, существующіе въ такомъ огромномъ разнообразіи на землѣ, изображаютъ ихъ въ своихъ книгахъ. Картины должны быть яркія, живыя, захватывающія, потрясающія; онѣ должны съ невѣдомой силой ударять по сердцамъ. Иначе ихъ осудятъ, иначе—онѣ не произведутъ желательнаго дѣйствія...

Оставимъ въ сторонѣ читателей съ ихъ сердцами и добрыми чувствами. Но каково должно быть положеніе писателя, взявшаго на себя печальную обязанность будить чужую совѣсть изображеніемъ разнаго рода ужасовъ? Хорошо, если ему удается собственную совѣсть хотя на время такъ заворожить, чтобъ картины, предназначенныя дѣйствовать на другихъ людей, проходили безслѣдно для нея самой.

Это будетъ, конечно, противоестественно, но, какъ мы видѣли, психологически это возможно. Если Достоевскій и преувеличенно передаетъ о своихъ первыхъ бесѣдахъ съ Музой, то во всякомъ случаѣ въ его разсказѣ есть и несомнѣнная правда. Навѣрное много сладкихъ часовъ принесъ ему бѣдный Макаръ Дѣвушкинъ. Молодость, неопытность, примѣръ старшихъ, завѣдомо лучшихъ людей—изъ такихъ элементовъ можетъ составиться какая угодно несообразность. Вспомните,

[1]) Униженные и оскорбленные, стр. 29.

на какія только дѣла ни рѣшались люди, когда впереди, хоть издалека, сверкнетъ бывало предъ ними въ своемъ блестящемъ ореолѣ «идея». Все забывалось, все приносилось ей въ жертву—не только сочиненный Макаръ Дѣвушкинъ, съ которымъ еще лишь нужно «сжиться, какъ будто съ роднымъ и дѣйствительно существующимъ», — а настоящіе, живые люди, даже родные, покидались, когда заходила рѣчь о служеніи идеѣ. Удивительно ли, что можно было чувствовать себя счастливымъ, имѣя предъ собой фантастическое лицо оплеваннаго чиновника?! Но какъ бы то ни было и что̀ бы тутъ ни было замѣшано, роль изобразителя мрачной дѣйствительности тѣмъ опаснѣе и страшнѣе, чѣмъ искреннѣй и полнѣй ей отдаются и чѣмъ даровитѣй человѣкъ, взявшій ее на себя. Талантъ есть, повторяю, privilegium odiosum, и Достоевскій, какъ и Гоголь, рано или поздно долженъ былъ почувствовать, какъ тяжело его бремя.

III.

«Познается, что самый забитый, послѣдній человѣкъ есть тоже человѣкъ и называется братъ твой». Этими словами вполнѣ исчерпывается та идея, ради которой вступилъ впервые на литературное поприще Достоевскій. Новизной, какъ видите, она не блещетъ. Не блистала она этимъ качествомъ и въ то время, когда начиналъ писать Достоевскій. Она не имъ была впервые возвѣщена. Въ пятидесятыхъ годахъ и долго еще впослѣдствіи она властвовала надъ умами всѣхъ лучшихъ русскихъ людей. Въ то время наиболѣе замѣчательнымъ выразителемъ ея былъ Бѣлинскій, къ которому она въ свою очередь пришла подъ обаятельнымъ тогда

именемъ гуманности съ Запада. Хотя по своимъ литературнымъ обязанностямъ Бѣлинскій былъ критикомъ, но по своему душевному складу онъ скорѣй можетъ быть названъ великимъ проповѣдникомъ. И дѣйствительно, всѣ наиболѣе крупныя произведенія литературы онъ видѣлъ въ свѣтѣ одной нравственной идеи. Его статьи о Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ—на три четверти сплошной гимнъ гуманности. Бѣлинскій стремился, по крайней мѣрѣ въ литературѣ, если нельзя было этого сдѣлать въ иныхъ, болѣе широкихъ, но недоступныхъ его вліянію сферахъ, провозгласить ту торжественную декларацію правъ человѣка, которая въ свое время произвела такой колоссальный переворотъ во Франціи, откуда, какъ извѣстно, главнымъ образомъ и приходили къ намъ новыя идеи. Вмѣстѣ съ декларацiей правъ человѣка предъ обществомъ занесена была къ намъ, какъ ея дополненіе и — такъ думали тогда—какъ ея необходимое предположеніе, и идея объ естественной объяснимости міровога порядка.

Естественная объяснимость дѣйствительно сыграла на Западѣ свою освободительную роль. Для того, чтобы развязать себѣ руки, реформаторамъ нужно было объявить весь прежній общественный строй результатомъ слѣпой игры силъ. У насъ, конечно, тоже на это разсчитывали. Но тогда за истиной не умѣли признавать служебное значеніе. Истина—прежде всего истина. И естественная необходимость была введена въ догму наравнѣ съ гуманностью. Трагизмъ объединенія этихъ двухъ идей тогда никому еще не бросался прямо въ глаза (исключая, отчасти, самого Бѣлинскаго, но объ этомъ — ниже). Никто еще не чувствовалъ, что на ряду съ декларацiей правъ человѣка предъ обществомъ

(гуманностью), къ намъ занесли и декларацію его безправія — передъ природою. И менѣе всего подозрѣвалъ это Достоевскій. Со всѣмъ пыломъ молодого и увлекающагося человѣка онъ набросился на новыя идеи. Бѣлинскаго онъ зналъ еще раньше по его журнальнымъ статьямъ. Личное же знакомство съ нимъ еще болѣе укрѣпило Достоевскаго въ его вѣрѣ. Впослѣдствіи, черезъ много лѣтъ, онъ разсказываетъ въ «Дневникѣ писателя»: «Бѣлинскій меня не взлюбилъ, но я страстно принялъ тогда его ученіе» [1]. Достоевскій не объясняетъ подробно, отчего Бѣлинскій не взлюбилъ его. Онъ ограничивается лишь нѣсколькими общаго характера, хотя и знаменательными словами: «мы разошлись отъ разнообразныхъ причинъ—весьма, впрочемъ, неважныхъ во всѣхъ отношеніяхъ» [2]. Насколько извѣстно, и въ самомъ дѣлѣ никакихъ крупныхъ недоразумѣній у нихъ не происходило. Но, съ другой стороны, засвидѣтельствованъ и тотъ фактъ, что Достоевскій никогда не чувствовалъ себя хорошо въ кружкѣ Бѣлинскаго. Его тамъ всѣ—и самъ Бѣлинскій — обижали. И, нужно думать, эти обиды дѣйствовали чрезвычайно сильно на уже тогда болѣзненно воспріимчиваго юношу. Онѣ такъ глубоко запали въ его душу, что впослѣдствіи, черезъ 25 лѣтъ послѣ смерти Бѣлинскаго, онъ пользуется первымъ случаемъ, чтобы расквитаться за нихъ. Въ томъ же номерѣ «Гражданина», изъ котораго взяты приведенныя выше слова Достоевскаго, вы встрѣчаете цѣлый рядъ ядовитѣйшихъ, выношенныхъ долго въ душѣ замѣчаній по

[1] Соч. т. 9-й, стр. 175.
[2] Ib. 172.

адресу Бѣлинскаго. Видно крѣпко заныли старыя раны, больно вспомнились невымещенныя обиды,— если нужно было вылить столько яду на давно уже умершаго учителя.

Но Достоевскій былъ правъ. Есть вещи, которыя человѣку не дано прощать, а стало быть есть обиды, которыя нельзя забыть. Нельзя примириться съ тѣмъ, что учитель, отъ котораго съ такой радостью, такъ безраздѣльно, такъ безудержно принялъ вѣру — оттолкнулъ тебя и насмѣялся надъ тобой. А у Достоевскаго съ Бѣлинскимъ было именно такъ. Когда молодой и пылкій ученикъ являлся въ гости къ учителю, чтобъ еще послушать разсужденій на тему о «забитомъ, последнемъ человѣкѣ»—учитель игралъ въ преферансъ и велъ посторонніе разговоры. Это было больно переносить такому мягкому и вѣрующему человѣку, какимъ былъ въ то время Достоевскій. Но и Бѣлинскому его ученикъ былъ въ тягость. Знаете ли вы, что для иныхъ учителей нѣтъ бо̀льшихъ мукъ въ мірѣ, чѣмъ слишкомъ вѣрующіе и послѣдовательные ученики? Бѣлинскій уже кончалъ литературную дѣятельность, когда Достоевскій только начиналъ свою. Какъ человѣкъ, искушенный опытомъ, онъ слишкомъ глубоко чувствовалъ, сколько опасности кроется во всякомъ чрезмѣрно страстномъ увлеченіи идеей. Онъ зналъ уже, что въ глубинѣ идеи таится неразрѣшимое противорѣчіе, и потому старался держаться ея поверхности. Онъ понималъ, что естественный порядокъ вещей смѣется надъ гуманностью, которая, въ свою очередь, можетъ лишь покорно опустить голову предъ непобѣдимымъ врагомъ. Вы помните, конечно, знаменитое письмо Бѣлинскаго, въ которомъ онъ требуетъ отчета

3

за «каждаго брата по крови». Это значило, что противорѣчіе ему уже вполнѣ выяснилось и что гуманность его больше не удовлетворяла. Достоевскій же этого не понималъ, не могъ понять и со всѣмъ жаромъ неофита въ своихъ разговорахъ и писаніяхъ постоянно возвращался къ «послѣднему человѣку».—Можете себѣ представить, каково было Бѣлинскому слушать своего молодого друга—тѣмъ болѣе, что и самому себѣ нельзя было открыто признаться въ своихъ чувствахъ и мысляхъ!..

Въ результатѣ ученикъ безъ «важныхъ причинъ» покидаетъ учителя, которому уже даже «Бѣдные люди» надоѣли и который слѣдующее произведеніе Достоевскаго назвалъ «нервической чепухой». Исторія, какъ видите, не изъ веселыхъ. Но на ловца и звѣрь бѣжитъ. Оба друга унесли съ собой тяжелыя воспоминанія о своемъ кратковременномъ знакомствѣ. Бѣлинскій вскорѣ умеръ, а Достоевскому еще болѣе тридцати лѣтъ пришлось носить въ себѣ воспоминанія объ отвергнувшемъ его учителѣ, да биться съ тѣмъ мучительнымъ противорѣчіемъ, которое досталось ему въ наслѣдіе вмѣстѣ съ гуманностью отъ неистоваго Виссаріона. Замѣчу здѣсь, что въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ Достоевскій употреблялъ слово «гуманность» только иронически и всегда бралъ его въ кавычки. Не дешево оно, значитъ, ему стоило! Могъ ли онъ повѣрить этому, когда радовался на своего Дѣвушкина и обнимался съ Бѣлинскимъ, Некрасовымъ и Григоровичемъ?

Разрывъ съ Бѣлинскимъ былъ первой пробой, которую пришлось выдержать Достоевскому. И онъ выдержалъ ее съ честью. Онъ не только не измѣнилъ своей вѣрѣ, но, наоборотъ, онъ какъ будто еще страстнѣе

предался ей, хотя съ самаго начала у него уже было столько страстности, что, пожалуй, сравнительная степень здѣсь и неумѣстна. Вторымъ испытаніемъ былъ арестъ по дѣлу Петрашевскаго. Достоевскаго приговорили къ смертной казни, которая потомъ была замѣнена каторгой. Но и тутъ онъ остался твердъ и непоколебимъ— не только наружно, но, какъ видно изъ его собственныхъ воспоминаній, даже въ глубинѣ души его не было никакихъ сомнѣній. Его свидѣтельство относится къ 1873 году, т.-е. къ тому времени, когда онъ вспоминалъ о своемъ прошломъ съ отвращеніемъ и негодованіемъ, когда онъ готовъ былъ даже клеветать на него. Поэтому оно имѣетъ особенную цѣнность и мы приведемъ его здѣсь цѣликомъ: «Приговоръ смертной казни разстрѣляніемъ, прочтенный намъ всѣмъ, предварительно, прочтенъ былъ вовсе не въ шутку; почти всѣ приговоренные были увѣрены, что онъ будетъ исполненъ, и вынесли по крайней мѣрѣ десять ужасныхъ, безмѣрно страшныхъ минутъ ожиданія смерти. Въ эти послѣднія минуты нѣкоторые изъ насъ (я знаю это положительно) инстинктивно углублялись въ себя и, провѣряя мгновенно всю свою столь юную еще жизнь—можетъ быть и раскаивались въ иныхъ тяжелыхъ дѣлахъ своихъ (изъ тѣхъ, которыя у каждаго человѣка всю жизнь лежатъ втайнѣ на его совѣсти); но то дѣло, за которое насъ осудили, тѣ мысли, тѣ понятія, которыя владѣли нашимъ духомъ—представлялись намъ не только не требующими раскаянія, но даже чѣмъ-то насъ очищающимъ, мученичествомъ, за которое многое намъ простится! И такъ продолжалось долго. Не годы ссылки, не страданія сломили насъ. Наоборотъ, ничто не сломило насъ, и наши убѣжденія лишь поддерживали

нашъ духъ сознаніемъ исполненнаго долга [1]). «Такъ вспоминаетъ человѣкъ о своемъ прошломъ черезъ четверть вѣка. Значитъ, близокъ былъ его сердцу «послѣдній человѣкъ», значитъ, кровной была его связь съ идеями Бѣлинскаго, и распространившееся въ послѣднее время мнѣніе, что Достоевскій лишь по недоразумѣнію былъ причисленъ кружкомъ Бѣлинскаго къ своимъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ уже въ ранней молодости «душой» принадлежалъ къ иному міру, лишено всякихъ основаній. И для чего, къ слову спросить, понадобилось такое измышленіе? Къ чести, что ли, Достоевскаго? Но какая въ томъ честь? Развѣ уже такъ необходимо, чтобъ человѣкъ еще въ пеленкахъ имѣлъ цѣликомъ заготовленныя на всю жизнь «убѣжденія»? На мой взглядъ — въ томъ необходимости нѣтъ. Человѣкъ живетъ и учится у жизни. И тотъ, кто, проживъ до старости, не увидѣлъ ничего новаго, скорѣй способенъ вызвать въ насъ удивленіе своей невоспріимчивостью, чѣмъ внушить къ себѣ уваженіе. Впрочемъ, я здѣсь менѣе всего хочу хвалить Достоевскаго за его воспріимчивость. Вообще, здѣсь не мѣсто оцѣнивать его духовныя качества. Несомнѣнно, что писатель былъ изъ ряду вонъ выходящей личностью — по крайней мѣрѣ въ глазахъ того, кто рѣшается изучать его и говорить о немъ чрезъ столько лѣтъ послѣ его смерти. Но именно потому менѣе всего нужно еще приписывать, присочинять ему особыя душевныя качества. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, нужно умѣть держать въ уздѣ личныя симпатіи и антипатіи и не наѣзжать на читателя своими убѣжденіями, какъ бы благородны

[1]) Т. 9-й, стр. 342.

и возвышенны они ни были. Для насъ Достоевскій—психологическая загадка. Найти ключъ къ ней можно только однимъ способомъ—держась возможно строго истины и дѣйствительности. И если онъ самъ открыто засвидѣтельствовалъ фактъ «перерожденія своихъ убѣжденій», то попытки пройти молчаніемъ это важнѣйшее событіе его жизни изъ боязни, что оно обяжетъ насъ къ какимъ-либо неожиданнымъ и непривычнымъ выводамъ, заслуживаютъ самаго суроваго порицанія. Здѣсь «боязнь» неумѣстна. Или, иначе говоря, нужно найти въ себѣ силы побѣдить ее. Новая, впервые открывающаяся истина всегда отвратительна и безобразна, какъ новорожденный ребенокъ. Но въ такомъ случаѣ нужно отвернуться отъ всей жизни, отъ всей дѣятельности Достоевскаго, ибо его жизнь есть невольное и непрерывное исканіе того «безобразнаго», о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Вѣдь не даромъ же человѣкъ провелъ десятки лѣтъ въ подпольѣ и каторгѣ, вѣдь не даромъ же съ ранней юности онъ не видитъ свѣта Божьяго и знается лишь съ Дѣвушкиными, Голядкиными, Наташами, Раскольниковыми, Карамазовыми. Видно, нѣтъ иного пути къ истинѣ, какъ черезъ каторгу, подземелье, подполье... Но развѣ всѣ пути къ истинѣ—подземны? И всякая глубина—подполье? Но о чемъ же иномъ, если не объ этомъ, говорятъ намъ сочиненія Достоевскаго?

IV.

По выходѣ изъ каторги Достоевскій тотчасъ же съ жаромъ принялся за писаніе. Первымъ значительнымъ плодомъ его новаго творчества былъ разсказъ «Село Степанчиково и его обитатели». Въ этомъ произведеніи

самый зоркій глазъ не отыщетъ и намековъ на то, что его авторъ—каторжникъ. Наоборотъ, въ разсказчикѣ вы чувствуете благодушнаго, добраго и остроумнаго человѣка. До того благодушнаго, что допускаетъ самую счастливую развязку запутанныхъ обстоятельствъ. Дядюшка, вдоволь, конечно, намучившись и натерпѣвшись отъ Ѳомы Опискина и матушки-генеральши, въ рѣшительную минуту проявляетъ безпримѣрную энергію и, кстати сказать, еще болѣе безпримѣрную физическую силу. Ѳома Опискинъ отъ одного удара дядюшки летитъ черезъ закрытую дверь на крыльцо, а съ крыльца на дворъ, и такъ долго терзавшій всѣхъ «тиранъ» оказывается сразу низверженнымъ. Но и этого мало Достоевскому. Ему не хочется даже и тирана слишкомъ больно наказывать. Ѳома вскорѣ возвращается въ гостепріимное Степанчиково, но уже, конечно, не безобразничаетъ, какъ прежде, хотя немножко пилить окружающихъ ему все же дозволяется, чтобъ не слишкомъ ему было обидно. Всѣ необычайно довольны и дядюшка женится на Настенькѣ. Такого благодушія Достоевскій не проявлялъ ни разу, ни въ одномъ изъ своихъ произведеній—ни до, ни послѣ каторги. Его героевъ постигаетъ какая хотите участь; они сами рѣжутъ людей или ихъ рѣжутъ, они сходятъ съ ума, вѣшаются, заболѣваютъ бѣлой горячкой, умираютъ въ чахоткѣ, идутъ въ каторгу—но того, что произошло въ селѣ Степанчиковѣ, гдѣ и глава такая есть въ концѣ: «Ѳома Ѳомичъ создаетъ всеобщее счастье», нигдѣ больше въ его романахъ не повторялось. А заключеніе—такъ просто пастушеская идиллія... Невольно съ удивленіемъ спрашиваешь себя: неужто такъ безслѣдно прошла для человѣка каторга? Неужто есть такіе не-

исправимые идеалисты, которые, что съ ними ни дѣлай, продолжаютъ носиться со своими идеалами и всякій адъ умѣютъ обращать въ рай? Чего только ни насмотрѣлся Достоевскій въ каторгѣ! А въ сочиненіи своемъ до того наивенъ, что, точь въ точь какой-нибудь 20-лѣтній юноша, устраиваетъ еще побѣду добра надъ зломъ... Доколѣ еще бить человѣка?

Какъ это ни странно, но по выходѣ изъ каторги Достоевскій испытывалъ лишь одно чувство и одно желаніе. Чувство свободы и желаніе забыть всѣ вынесенные ужасы. Что за дѣло до того, что тамъ, гдѣ онъ былъ, теперь есть кто-либо другой? Съ него снята тягость и онъ торжествуетъ, радуется и снова бросается въ объятія той жизни, которая когда-то такъ сурово оттолкнула его отъ себя. Вы видите, что не одно и то же «вымыселъ» и «дѣйствительность». Надъ вымысломъ можно обливаться слезами и изъ Макара Дѣвушкина дѣлать предметъ поэзіи; но изъ каторги надо бѣжать. Съ грустными образами фантазіи можно проводить цѣлыя ночи напролетъ въ томъ блаженномъ состояніи, которое называется художественнымъ вдохновеніемъ. Здѣсь чѣмъ глубже изображена обида, чѣмъ безысходнѣе описано горе, чѣмъ безотраднѣе прошедшее и чѣмъ безнадежнѣе будущее — тѣмъ больше чести и дѣла писателю. Вѣдь высшая похвала художнику въ словахъ: «онъ схватилъ и передалъ истинно трагическій моментъ». Но передаватели трагическихъ моментовъ боятся дѣйствительной трагедіи, трагедіи въ жизни, не меньше, чѣмъ всѣ прочіе люди...

Я это говорю не къ тому, чтобъ обвинять Достоевскаго. И вообще я былъ бы очень благодаренъ читателю, если бы онъ разъ навсегда запомнилъ, что мои цѣли

лежать внѣ области обвиненій и оправданій. Это избавило бы меня отъ излишнихъ, всегда досадныхъ оговорокъ. Здѣсь рѣчь идетъ хотя и по поводу Достоевскаго, но не о немъ, по крайней мѣрѣ не только о немъ. Для меня важно установить лишь слѣдующее несомнѣнное положеніе. Достоевскій, какъ и всякій человѣкъ, не хотѣлъ себѣ трагедіи и избѣгалъ ее всячески; если же не избѣгъ, то противъ своей воли, въ силу внѣшнихъ, отъ него независящихъ обстоятельствъ. Онъ все сдѣлалъ, чтобъ забыть каторгу—но каторга не забыла его. Онъ всей душой хотѣлъ примириться съ жизнью, но жизнь не захотѣла мириться съ нимъ. Это видно не только изъ повѣсти, о которой шла рѣчь выше,—это сказывается во всемъ, чтò онъ писалъ въ первые годы по выходѣ изъ каторги. Изъ своего новаго опыта онъ вынесъ лишь сознаніе, что есть на землѣ великіе ужасы и глубочайшія трагедіи и—для писателя это немного—что отъ этихъ ужасовъ нужно спасаться всякому, кто можетъ. Точь въ точь, какъ на идущемъ ко дну кораблѣ: sauve qui peut. Во время уединенныхъ размышленій, о которыхъ онъ такъ краснорѣчиво разсказываетъ въ «Запискахъ изъ мертваго дома», чтò окрыляетъ его, чтò даетъ ему вѣру, бодрость, силы? Сознаніе, что ему не суждено раздѣлить участь товарищей-арестантовъ, что его ждетъ новая жизнь. Онъ принимаетъ то, что съ нимъ происходитъ, онъ покоряется судьбѣ, ибо ждетъ много. Вотъ его собственныя слова: ..«какими надеждами забилось тогда мое сердце. Я думалъ, я рѣшилъ, я клялся себѣ, что уже не будетъ въ моей будущей жизни ни тѣхъ ошибокъ, ни тѣхъ паденій, которыя были прежде. Я начерталъ себѣ программу всего будущаго и положилъ

твердо слѣдовать ей. Во мнѣ возродилась слѣпая вѣра, что я все это исполню и могу исполнить... Я ждалъ, я звалъ поскорѣй свободу, я хотѣлъ себя испробовать вновь, на новой борьбѣ. Порой захватывало меня судорожное нетерпѣніе» [1]).

Такъ отозвался Достоевскій на свою каторгу. Онъ хотѣлъ и могъ видѣть въ ней только временное испытаніе и цѣнилъ его лишь постольку, поскольку оно было связано съ новой, великой надеждой. Въ этомъ освѣщеніи новой надежды онъ видитъ и всю каторжную жизнь. Оно-то и придаетъ «Запискамъ изъ мертваго дома» тотъ мягкій колоритъ, благодаря которому онѣ находятся на особомъ счету у критики и пользуются расположеніемъ даже тѣхъ читателей, которые въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Достоевскаго усматриваютъ лишь проявленіе неумѣренной, ненужной жестокости. Въ «Запискахъ изъ мертваго дома» жестокости вложено въ мѣру, ровно столько, сколько нужно— нужно, разумѣется, читателямъ. Есть, конечно, и здѣсь ужасныя, потрясающія описанія и безудержа арестановъ, и безсердечія острожнаго начальства. Но всѣ они имѣютъ «нравственный смыслъ». Съ одной стороны людямъ напоминается, что арестантъ—«тоже человѣкъ и называется братъ твой». Для этой цѣли на ряду съ разсказами о звѣрствѣ каторжныхъ имѣются захватывающія картины, въ которыхъ рисуются добрыя чувства обитателей мертваго дома. Рождественскій театръ, покупка гнѣдка, острожныя животныя— козелъ и молодой орелъ,—всѣ эти идиллическіе моменты, съ такимъ искусствомъ и искренностью вос-

[1]) Зап. изъ мертваго дома, 289.

произведенные Достоевскимъ, дали ему заслуженную славу большого художника и человѣка великаго сердца. Если въ каторгѣ не зачерствѣла его душа, если онъ среди невыносимыхъ физическихъ и нравственныхъ мукъ могъ сохранить въ себѣ такую отзывчивость ко всему человѣческому—значитъ таились въ немъ великія силы! И еще отсюда дѣлался философскій выводъ, что глубокаго, истиннаго убѣжденія не можетъ побѣдить никакая каторга... За всѣми этими восторгами и заключеніями забывался и послѣдній человѣкъ, оставшійся доживать свои дни въ «мертвомъ домѣ» или гдѣнибудь въ иномъ острогѣ, въ кандалахъ, на цѣпи, подъ вѣчнымъ присмотромъ солдатъ, тотъ безсрочнокаторжный, котораго самъ же Достоевскій сравнивалъ (талантливое сравненіе, неправда ли?) съ заживо погребеннымъ; забывали, вмѣстѣ съ тѣмъ, и справиться о томъ, что именно предохранило отъ ржавчины сердце Достоевскаго? Точно оно было изъ чистаго золота— или тутъ замѣшалась иная причина? Вопросъ любопытный конечно. Никогда не мѣшаетъ провѣрить легенду о золотыхъ сердцахъ, хотя бы затѣмъ, чтобъ имѣть лишнее доказательство ея истинности.

Уже приведенная выше выписка возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе въ читателѣ: слишкомъ многаго ждетъ для себя золотое сердце! Но ожиданіе новой жизни всегда сопровождало и утѣшало въ каторгѣ Достоевскаго. Въ «Запискахъ изъ мертваго дома» о «новой жизни» вспоминается каждый разъ, какъ только лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ, почему-либо особенно сильно чувствуетъ свое тяжелое положеніе. Такъ, напримѣръ, въ ночь послѣ перваго представленія въ театрѣ Горянчиковъ случайно просы-

пается. «Въ испугѣ, разсказываетъ онъ, я приподнимаю голову и оглядываю спящихъ товарищей при дрожащемъ свѣтѣ шестериковой казенной свѣчи. Я смотрю на ихъ блѣдныя лица, на ихъ бѣдныя постели, на всю эту непроходимую голь и нищету—и точно мнѣ хочется увѣриться, что все это не продолженіе безобразнаго сна, а дѣйствительная правда» [1]). И какъ справляется Достоевскій съ этимъ ужаснымъ видѣніемъ? Вѣдь отличный случай облиться слезами: никакой вымыселъ не сравнится съ тѣмъ, что̀ онъ увидѣлъ. Но въ каторгѣ—не плачутъ. Объ этомъ мы еще узнаемъ подробнѣе отъ Достоевскаго же. А пока вотъ его непосредственный отвѣтъ: «не навсегда же я здѣсь, а только на нѣсколько лѣтъ, думаю я, и склоняю опять голову на подушку». Слышите? Только такой отвѣтъ годится на такъ заданный вопросъ: надѣюсь, вы замѣтили вопросъ. Ссылка на театръ, козла, гнѣдка здѣсь не принимается. Не вспоминаются и гуманныя разсужденія, встрѣчающіяся въ другихъ мѣстахъ «записокъ». Примириться можно на одномъ—что каторга не навсегда, а на время. Достоевскій ни на минуту не забывалъ этого, пока былъ арестантомъ. «Я еще хотѣлъ жить и послѣ острога» [2]), говоритъ онъ.

V.

Правильному пониманію «Записокъ изъ мертваго дома» много мѣшало предисловіе. Какая была въ немъ нужда? Зачѣмъ было Достоевскому разсказывать вы-

[1]) Т. 3, 168.
[2]) Ib., 232.

мышленную исторію, будто записки принадлежатъ дворянину Александру Петровичу Горянчикову, сосланному въ каторгу за убійство жены? Для цензуры? Но вѣдь въ «Запискахъ» нисколько не скрывается, что Горянчиковъ попалъ въ каторгу по политическому дѣлу. Такъ, когда ему вздумалось присоединиться къ претензіи арестантовъ, другіе политическіе ссыльные напоминаютъ ему, что онъ своимъ участіемъ можетъ лишь все дѣло испортить: «вспомните, говорятъ они ему, за что мы сюда пришли.» И еще по инымъ поводамъ дѣлаются весьма прозрачные намеки на то, что авторъ записокъ не уголовный, а политическій преступникъ. Словомъ, цензуру предисловіе обмануть не могло. Если оно обмануло кого, то читателя, представивъ ему въ ложномъ свѣтѣ самого Горянчикова, ведущаго разсказъ. По предисловію судя, мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, безвозвратно погибшимъ для жизни. Онъ ни съ кѣмъ не разговариваетъ, ничего даже не читаетъ и доживаетъ въ глуши Сибири послѣдніе дни, выходя изъ своей каморки лишь за тѣмъ, чтобы добыть уроками жалкіе гроши. И умираетъ онъ одиноко, всѣми забытый и всѣхъ забывшій. Конечно, бываютъ такіе заживо погребенные люди и на волѣ, не только въ тюрьмахъ. Но такіе люди не пишутъ своихъ воспоминаній — а если и пишутъ, то уже навѣрное не въ тонѣ «Записокъ изъ мертваго дома.» Гдѣ взяли бы они глаза, чтобы видѣть арестантскія забавы и развлеченія? Гдѣ взяли бы они жизненности, чтобъ умиляться надъ разнаго рода «добромъ», отысканнымъ въ каторгѣ Достоевскимъ? Горянчиковъ могъ бы описать (если бы сталъ описывать: повторяю, такіе люди рѣдко пишутъ) безпросвѣтный вѣчный адъ. У него

нѣтъ надежды--развѣ это не значитъ, что надежда погибла для всего міра? Это я не какъ принципъ хочу ввести,—читателю еще нечего протестовать—я пока только «психологически» говорю. Самъ Достоевскій въ пору составленія записокъ и во все время своего пребыванія въ каторгѣ былъ прямой противоположностью Горянчикова. Онъ былъ прежде всего человѣкомъ надежды—и великой надежды, и потому его способъ пониманія міра, его философія была тоже философіей надежды. Это и предохранило его сердце отъ ржавчины, это и было причиной, почему онъ вынесъ изъ каторги нетронутой всю ту «гуманность», которую онъ туда принесъ съ собой. Если бы на его душѣ лежало вѣчное проклятіе, какъ на душѣ Горянчикова, помогла ли бы ему гуманность? Поддержали ли бы его духъ «убѣжденія», какъ онъ самъ разсказываетъ или, наоборотъ, «убѣжденія» сами нуждались, несмотря на всю возвышенность, въ поддержкѣ? Этотъ вопросъ именно здѣсь умѣстенъ. Горянчиковъ бы не написалъ «Записокъ изъ мертваго дома»—а Достоевскій написалъ. Если же въ этомъ романѣ слышится отъ времени до времени рѣзкій диссонансъ, если порой вы встрѣчаете отдѣльныя сцены и замѣчанія, неожиданно нарушающія общую гармонію «гуманнаго» настроенія, то это нужно отнести на счетъ измѣнчивости и непостоянства надежды. Вѣдь она самое капризное существо: она приходитъ и уходитъ, какъ ей вздумается. Навѣрное, во время пребыванія Достоевскаго въ каторгѣ не разъ покидала она его—и надолго. И вотъ въ эти-то минуты, когда онъ чувствовалъ себя дѣйствительно навѣки, навсегда сравненнымъ съ послѣднимъ человѣкомъ, въ немъ зарождались тѣ новые и

страшные душевные элементы, которымъ суждено было впослѣдствіи развиться совсѣмъ въ иную философію, въ настоящую философію каторги, безнадежности, въ философію подпольнаго человѣка. Со всѣмъ этимъ намъ еще не разъ придется имѣть дѣло. Но пока это еще скрыто; пока «гуманность» держится непоколебимо, пока Достоевскій хочетъ лишь одного: вернуться къ прежней жизни, дѣлать прежнее дѣло, только лучше, чище, безъ отступленій, слабости, уступокъ. Пока о «перерожденіи» убѣжденій еще не можетъ быть рѣчи. Естественный порядокъ вещей еще не возвышаетъ своего голоса, и гуманность торжествуетъ.

Въ этомъ отношеніи очень важны и интересны публицистическія статьи Достоевскаго, относящіяся къ описываемому періоду. Ихъ немного. Онѣ печатались въ журналѣ «Время» за 1861 годъ. Несмотря на то, что онѣ большей частью носятъ полемическій характеръ, спокойствіе тона, уважительное отношеніе къ противнику, на ряду съ чувствомъ собственнаго достоинства и соотвѣтствующей ему энергіей языка и мысли, — поистинѣ неслыханныя. Не то что неслыханныя для Достоевскаго, полемика котораго (напр., его возраженія проф. Градовскому) иногда бывала просто неприличной, но неслыханныя во всей литературѣ. Обыкновенно, какъ начинается полемика, такъ тотчасъ же забывается даже самый предметъ спора. Противники лишь стараются перещеголять другъ друга остроуміемъ, находчивостью, діалектикой, ученостью. Въ статьяхъ же Достоевскаго нѣтъ ничего подобнаго. Онъ не хочетъ меча—онъ хочетъ мира. Мира—и съ Добролюбовымъ, въ которомъ онъ, несмотря на крайности его воззрѣній, цѣнитъ талантливаго писателя, мира и съ славянофилами, кото-

рыхъ онъ укоряетъ за ихъ фанатическое пренебреженіе къ заслугамъ всей неславянофильской литературы. Въ этомъ знаменательно и то, что Достоевскій ищетъ примиренія,—тотъ Достоевскій, который, послѣ Пушкинской рѣчи, такъ горячо звавшей къ объединенію всѣ партіи, не выдержалъ и перваго возраженія и сразу же сбросилъ маску «натасканнаго» на себя всечеловѣчества; но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ забывать—особенно тѣмъ, кто цѣнитъ въ немъ пророческій даръ—его возраженія славянофиламъ, по поводу начавшейся тогда издаваться газеты «День». Впрочемъ. пожалуй, наоборотъ: скорѣй слѣдуетъ имъ совсѣмъ позабыть полемику съ «Днемъ» ибо она рѣшительно компрометируетъ пророческія способности Достоевскаго. Ну, что это за пророкъ, если онъ не могъ предугадать собственное будущее — и очень недалекое? Если въ 1861 году онъ такъ серьезно и искренно упрекалъ славянофиловъ за то, что они не умѣютъ оцѣнить заслуги западниковъ и такъ горячо защищалъ западниковъ, въ которыхъ впослѣдствіи будетъ самъ видѣть только хихикающихъ либераловъ? Человѣку. даже примѣчательному, даже геніальному дозволительно ошибаться; но вѣдь пророкъ потому только и пророкъ, что онъ всегда безошибочно знаетъ будущее. Статья, о которой здѣсь идетъ рѣчь, мало извѣстна. Потому будетъ не лишнимъ привести двѣ-три выдержки изъ нея. Онѣ окончательно убѣдятъ читателя, что Достоевскій въ каторгѣ не забылъ своей вѣры. Вотъ первая (я беру почти безъ выбора—вся статья написана въ такомъ духѣ): «скажемъ прямо: предводители славянофиловъ извѣстны, какъ честные люди. А если такъ, то какъ можно сказать о всей ли-

тературѣ (т.-е. собственно западнической литературѣ), что она «равнодушна къ скорбямъ народнымъ». Какъ смѣть сказать: «о порицаніи нашей народности не въ силу негодующей пылкой любви (подчеркнуто у Достоевскаго), но въ силу внутренняго нечестія, инстинктивно враждебнаго всякой святынѣ чести и долга»? Что за фанатизмъ вражды! Кто могъ сказать это, кромѣ человѣка въ послѣдней степени фанатическаго изступленія!... Да тутъ пахнетъ кострами и пытками» [1]). Подчеркнутая фраза взята Достоевскимъ изъ статьи «Дня». Она приводитъ его въ негодованіе. онъ ее забыть не можетъ и дальше, снова выписывая ее, восклицаетъ: «какъ поднялась у васъ рука написать ее!» Впослѣдствіи у Достоевскаго подымалась рука и не такія фразы писать. Кто, говоря о западникахъ и объ ихъ борьбѣ съ дореформенными порядками, сомнѣвался въ томъ, чтобы у нихъ подъ видимымъ смѣхомъ были невидимыя слезы?! А развѣ славянофилы подъ «внутреннимъ нечестіемъ» понимали что-либо иное? Но пока Достоевскій еще не подозрѣваетъ, до чего ему придется договориться впослѣдствіи. Пока онъ «убѣжденно «держитъ сторону западниковъ: «Будто бы въ западникахъ не было того же чутья русскаго духа и народности (подчеркнуто мной), какъ и въ славянофилахъ? Было, но западники не хотѣли по факирски заткнуть глазъ и ушей предъ нѣкоторыми непонятными для нихъ явленіями; они не хотѣли оставить ихъ безъ разрѣшенія и во что бы то ни стало отнестись къ нимъ враждебно, какъ дѣлали славянофилы; не закрывали глазъ для свѣта и хотѣли дойти до правды умомъ,

[1]) Т. 9-й, стр. 154.

анализомъ, понятіемъ... Западничество обратилось къ реализму, тогда какъ славянофильство до сихъ поръ стоитъ на смутномъ и неопредѣленномъ идеалѣ своемъ»... И еще, «западничество шло путемъ безпощаднаго анализа и за нимъ шло все, что только могло идти въ нашемъ обществѣ. Реалисты не боятся результатовъ своего анализа. Пусть ложь въ этой массѣ, пусть въ ней сбродъ всѣхъ лжей, которыя вы съ такимъ наслажденіемъ перечитываете. Мы не боимся этого злораднаго исчисленія нашихъ болѣзней. Пусть это лжи, но движетъ насъ правда. Мы въ это вѣруемъ»... [1]). И т. д —вся статья написана въ такомъ родѣ. По содержанію она не представляетъ собой ничего примѣчательнаго. Такими статьями были полны журналы шестидесятыхъ годовъ. Здѣсь важно лишь то обстоятельство. что Достоевскій въ это время еще, повидимому, не подозрѣвалъ, какъ далеко придется ему уйти отъ всѣхъ этихъ идей, несмотря на то, что ему уже было сорокъ лѣтъ, что онъ многое уже пережилъ—и ссору съ Бѣлинскимъ, и каторгу, и солдатчину. Онъ не смѣетъ и думать, что вѣра скоро оставитъ его. Онъ страстно прославляетъ реализмъ, анализъ, западничество. А межъ тѣмъ—онъ уже наканунѣ великаго душевнаго переворота. Это послѣднюю дань несетъ онъ гуманности. Еще немного времени—и старый идеалъ рухнетъ, подкошенный невидимымъ врагомъ. Начнется эпоха подполья...

VI.

И когда же она начинается? Фактъ примѣчательный: какъ разъ тогда, когда, повидимому, стали сбы-

[1]) Ib., стр. 157

ваться завѣтнѣйшія надежды поколѣнія пятидесятыхъ годовъ. Крѣпостное право пало. Цѣлый рядъ предполагаемыхъ и выполняющихся реформъ сулитъ осуществить въ жизни ту мечту, которой отдался Бѣлинскій, надъ которой плакала Наташа («Униженные и оскорбленные»), когда Иванъ Петровичъ читалъ ей свою первую повѣсть. До сихъ поръ только въ книгахъ говорили о «послѣднемъ человѣкѣ»—теперь права его признали всенародно. До сихъ поръ «гуманность» была только отвлеченностью — теперь ее призвали хозяйничать въ жизни. Самые крайніе идеалисты въ началѣ 60-хъ годовъ должны были признать, что дѣйствительность, обыкновенно столь медленная и неподвижная, на этотъ разъ не слишкомъ отстаетъ отъ ихъ мечтаній. Въ литературѣ было великое празднество. Одинъ лишь Достоевскій не раздѣляетъ общаго ликованія. Онъ стоитъ въ сторонѣ, точно ничего необычайнаго не произошло. Болѣе того, онъ прячется въ подполье: надежды Россіи—не его надежды. Ему нѣтъ до нихъ дѣла...

Какъ объяснить такое равнодушіе величайшаго русскаго писателя къ тѣмъ событіямъ, которыя въ нашей литературѣ считались полагающими начало новой эры русской исторіи? Ходячее объясненіе просто: Достоевскій былъ большимъ художникомъ, но плохимъ мыслителемъ. Извѣстна цѣна ходячимъ объясненіямъ. Это— стоитъ не больше другихъ, но, какъ и всякое общее мѣсто, оно заслуживаетъ вниманія. Не даромъ явилось оно на свѣтъ Божій. Оно нужно было людямъ, но не затѣмъ, чтобы открыть путь истинѣ, а, наоборотъ, чтобы закрыть ей всѣ пути, чтобъ задушить ее, не дать ей ходу. Дивиться тутъ, впрочемъ, нечему, если вспомнить,

о какой «истинѣ» здѣсь идетъ рѣчь! И какъ было не душить ея, когда она самого Достоевскаго приводила въ ужасъ?! Я приведу здѣсь лишь одинъ небольшой отрывокъ изъ записокъ подпольнаго человѣка. Вотъ что̀ онъ говоритъ пришедшей къ нему за «нравственной поддержкой» женщинѣ изъ публичнаго дома: «...на дѣлѣ мнѣ надо знаешь чего? Чтобъ вы провалились, вотъ чего. Мнѣ надо спокойствія. Да я за то, чтобъ меня не безпокоили, весь свѣтъ сейчасъ за копѣйку продамъ. Свѣту ли провалиться иль мнѣ чаю не пить? Я скажу, что свѣту провалиться, а чтобъ мнѣ чай всегда пить» [1]). Кто это говоритъ такъ? Кому пришло въ голову вложить въ уста своего героя слова такого чудовищнаго цинизма? Тому самому Достоевскому, который еще недавно съ такимъ горячимъ и искреннимъ чувствомъ произносилъ уже нѣсколько разъ цитированныя мною слова о послѣднемъ человѣкѣ. Вы понимаете теперь, какой неслыханной силы ударъ былъ нуженъ для того, чтобъ перебросить его въ такую отдаленную крайность?! Вы понимаете теперь, какая истина должна была ему открыться? О, тысячу разъ были правы наши публицисты, когда подыскивали взамѣнъ такой истины общее мѣсто!

«Записки изъ подполья», это—раздирающій душу вопль ужаса, вырвавшійся у человѣка, внезапно убѣдившагося, что онъ всю свою жизнь лгалъ, притворялся, когда увѣрялъ себя и другихъ, что высшая цѣль существованія, это — служеніе послѣднему человѣку. До сихъ поръ онъ считалъ себя отмѣченнымъ судьбой, предназначеннымъ для великаго дѣла. Теперь же онъ внезапно почувствовалъ, что онъ ничуть не лучше, чѣмъ

[1]) Записки изъ подполья. 171.

другіе люди, что ему такъ же мало дѣла до всякихъ идей, какъ и самому обыкновенному смертному. Пусть идеи хоть тысячу разъ торжествуютъ: пусть освобождаютъ крестьянъ, пусть заводятъ правые и милостивые суды, пусть уничтожаютъ рекрутчину — у него на душѣ отъ этого не становится ни легче, ни веселѣе. Онъ принужденъ сказать себѣ, что если бы взамѣнъ всѣхъ этихъ великихъ и счастливыхъ событій на Россію обрушилось несчастіе, онъ чувствовалъ бы себя не хуже, — можетъ быть даже лучше... Что дѣлать, скажите, что дѣлать человѣку, который открылъ въ себѣ самомъ такую безобразную и отвратительную мысль? Особенно писателю, привыкшему думать, что онъ обязанъ дѣлиться съ читателями всѣмъ, что̀ происходитъ въ его душѣ? Разсказать правду? Выйти на площадь и открыто, всенародно признаться, что вся прежняя жизнь, всѣ прежнія слова были ложью, притворствомъ, лицемѣріемъ, что въ то время, когда онъ плакалъ надъ Макаромъ Дѣвушкинымъ, онъ нимало не думалъ объ этомъ несчастномъ и только рисовалъ картины на утѣшеніе себѣ и публикѣ? И это въ сорокъ лѣтъ, когда начинать новую жизнь невозможно, когда разрывать съ прошлымъ — значитъ заживо похоронить себя... Достоевскій пытается продолжать говорить по старому; почти одновременно съ «Записками изъ подполья» онъ пишетъ своихъ «Униженныхъ и оскорбленныхъ», въ которыхъ усиленно натаскиваетъ на себя идею самоотреченія, несмотря на то, что валится подъ ея тяжестью. Но гдѣ взять силъ для такого систематическаго обмана и самообмана? Онъ уже съ трудомъ выдерживаетъ тонъ въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ». И тамъ есть страницы, въ которыхъ прорывается зловѣщій свѣтъ новаго откровенія.

Ихъ, правда, немного. Подпольный человѣкъ тамъ виденъ только въ разговорѣ князя (ночью въ ресторанѣ) съ Иваномъ Петровичемъ,—но этого достаточно, чтобы понять, какая гроза собирается въ душѣ Достоевскаго Князь все время нахальнѣйшимъ образомъ смѣется надъ «идеалами» и «Шиллеромъ», а бѣдный Иванъ Петровичъ сидитъ, точно въ воду опущенный, и не умѣетъ не только защититься, но даже держать себя хоть съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Позволить, хотя бы въ романѣ, кому-либо такъ ѣдко насмѣхаться надъ своей святыней - значитъ сдѣлать первый шагъ къ ея отрицанію. Правда, Достоевскій только одинъ разъ далъ торжествовать князю—и то на минутку. Затѣмъ, на дальнѣйшихъ страницахъ всѣ дѣйствующія лица словно щеголяютъ другъ предъ другомъ своимъ благородствомъ и самоотверженностью. Но одна ложка дегтю портитъ цѣлую бочку меда. Тѣмъ болѣе, что и медъ-то не настоящій, а искусственный, поддѣльный. Паѳосъ Достоевскаго изсякъ. Добро, служеніе идеѣ не вдохновляютъ его больше.

«Записки изъ подполья» есть публичное—хотя и не открытое—отреченіе отъ своего прошлаго. «Не могу, не могу больше притворяться, не могу жить въ этой лжи идей, а другой правды нѣтъ у меня; будь, что будетъ»—вотъ что̀ говорятъ эти записки, сколько бы Достоевскій ни открещивался отъ нихъ въ примѣчаніи. Ни разу, ни у одного русскаго писателя его «слово» не звучало такой безнадежностью, такимъ отчаяніемъ. Этимъ-то и объясняется то неслыханное дерзновеніе (графъ Толстой сказалъ бы «наглость»—вѣдь говорилъ онъ такъ о Нитше), съ которымъ Достоевскій позволяетъ себѣ оплевывать самыя дорогія и святыя чело-

вѣческія чувства. Я замѣтилъ уже, что въ «Запискахъ изъ подполья» Достоевскій разсказываетъ свою собственную исторію. Эти слова, однако, не слѣдуетъ истолковывать въ томъ смыслѣ, что ему самому пришлось на самомъ дѣлѣ такъ безобразно обойтись со своей случайной подругой; нѣтъ, исторія съ Лизой, конечно, выдумана. Но въ томъ-то и весь ужасъ записокъ, что Достоевскому понадобилось хоть мысленно, хоть въ фантазіи продѣлать такое безобразіе. Не Лизу онъ здѣсь выгналъ отъ себя. Я увѣренъ, что въ его душѣ нашлось бы всегда достаточно непосредственнаго чувства состраданія для того, чтобъ воздержаться отъ слишкомъ рѣзкаго проявленія вспышекъ гнѣва и раздраженія. Ему нуженъ былъ образъ Лизы лишь затѣмъ, чтобы оплевать и втоптать въ грязь «идею», ту самую идею, которой онъ служилъ въ теченіе всей своей жизни. Эпиграфомъ къ той главѣ, въ которой разсказывается эта ужасная исторія, взято начало извѣстнаго некрасовскаго стихотворенія: «Когда изъ мрака заблужденья». Вотъ надъ этимъ-то стихотвореніемъ и надъ святыней тѣхъ людей, отъ которыхъ онъ когда-то «страстно принялъ» новое ученіе, такъ безумно и кощунственно ругается теперь Достоевскій. Но это былъ единственный выходъ для него. Онъ не могъ больше молчать. Въ его душѣ проснулось нѣчто стихійное, безобразное и страшное—но такое, съ чѣмъ совладать было ему не по силамъ. Онъ все сдѣлалъ, какъ мы видѣли, чтобъ сохранить свою старую вѣру. Онъ продолжалъ молиться своему прежнему богу даже и тогда, когда въ его душѣ не было почти никакой надежды, что молитва будетъ услышана. Ему все казалось, что сомнѣнія пройдутъ, что это только искушеніе. Въ послѣднія минуты онъ—

уже однѣми губами—продолжалъ шептать свое заклинаніе: «познается, что послѣдній человѣкъ есть тоже человѣкъ и называется братъ твой». Но слова этой молитвы не только не утѣшали его—они были тѣмъ ядомъ, который отравилъ Достоевскаго, хотя въ нихъ видѣли, продолжаютъ до сихъ поръ видѣть безопасныя и даже укрѣпляющія душу слова... Благо тому, кто въ этой фразѣ чувствуетъ только поэзію братства! Но каково справиться съ ней, когда на первый планъ выступаетъ ничтожество и безсмыслица существованія послѣдняго человѣка? Какъ вынести ее, если весь ужасъ такого послѣдняго существованія узнаешь по собственному опыту? Когда поэзія братства будетъ уже предназначаться для новыхъ, входящихъ въ жизнь людей, а тебѣ лично придется взять на себя роль Макара Дѣвушкина, объекта умиленія возвышенныхъ душъ? Что тогда дастъ великая идея гуманности? Надежду на будущее, очень, конечно, отдаленное, мечты объ иномъ, счастливомъ устроеніи человѣчества?.. А пока вѣчная, постылая и лицемѣрная роль жреца всего «прекраснаго и высокаго»... Прекрасное и высокое въ кавычкахъ—не моя выдумка. Это я нашелъ въ «Запискахъ изъ подполья». Тамъ всѣ «идеалы» въ такомъ видѣ представлены. Тамъ и Шиллеръ, тамъ и гуманность, и поэзія Некрасова, и хрустальное зданіе, словомъ все, что когда-то наполняло умиленіемъ и восторгомъ душу Достоевскаго,—все осыпается цѣлымъ градомъ ядовитѣйшихъ и собственнѣйшихъ сарказмовъ. Идеалы и умиленіе по поводу нихъ вызываютъ въ немъ чувство отвращенія и ужаса. Не то, чтобъ онъ оспаривалъ возможность осуществленія идеаловъ. Объ этомъ онъ и не думаетъ, не хочетъ думать. Если когда-нибудь и суждено сбыться велико-

душнымъ мечтамъ его юности—тѣмъ хуже. Если когда-нибудь осуществится идеалъ человѣческаго счастья на землѣ, то Достоевскій заранѣе предаетъ его проклятью. Скажу прямо: до Достоевскаго никто не осмѣливался высказывать такія мысли, хотя бы и съ соотвѣтствующими примѣчаніями. Нужно было великое отчаяніе для того, чтобы такія мысли возникли въ человѣческой головѣ, нужна была сверхчеловѣческая дерзость, чтобъ явиться съ ними предъ людьми.

Вотъ, почему Достоевскій никогда не признавалъ ихъ своими и постоянно имѣлъ въ запасѣ показные идеалы, которые онъ тѣмъ истеричнѣе выкрикивалъ, чѣмъ глубже они расходились съ сущностью его завѣтныхъ желаній и, если хотите, съ желаніями всего его существа. Его позднѣйшія произведенія всѣ до одного почти проникнуты этой двойственностью. Спрашивается — чего намъ искать въ нихъ, что̀ цѣнить? Рвавшіеся ли наружу, вопреки «совѣсти и разуму», говоря излюбленными толстовскими словами, запросы его души или изготовляемые по болѣе или менѣе обычному шаблону рецепты высокой жизни? На какой сторонѣ истина? До сихъ поръ «совѣсть и разумъ» считались послѣдними судьями. Все, что есть у насъ по части идеаловъ и надеждъ, создавалось ими одними. Но теперь, когда обнаруживается судья надъ этими судьями, что̀ намъ дѣлать? Внять ли его голосу, или, оставаясь вѣрными традиціямъ, вновь привести его къ молчанію? Я говорю «вновь», ибо не разъ уже люди слышали этотъ голосъ, но всегда, объятые ужасомъ, заглушали его торжественными кликами въ честь старыхъ судей. И самъ Достоевскій такъ дѣлалъ, хотя въ этомъ смыслѣ его сочиненія напоминаютъ рѣчи

тѣхъ проповѣдниковъ, которые, подъ предлогомъ борьбы съ безнравственностью, рисуютъ завлекательныя картины соблазна... Что бы ни говорили люди традиціи, сомнѣнія уже быть не можетъ. Нужно выслушать человѣка такимъ, каковъ онъ есть. Отпустимъ ему заранѣе всѣ его грѣхи—пусть лишь говоритъ правду. Можетъ быть — кто знаетъ? — можетъ быть, въ этой правдѣ, столь отвратительной на первый взглядъ, есть нѣчто много лучшее, чѣмъ прелесть самой пышной лжи? Можетъ быть всю силу скорби и отчаянія должно направить совсѣмъ не на то, чтобъ изготовлять людямъ годные для ихъ обыденной жизни ученія и идеалы, какъ дѣлали до сихъ поръ учителя человѣчества, всегда ревниво скрывавшіе отъ постороннихъ глазъ свои собственныя сомнѣнія и несчастія? Можетъ быть нужно бросить и гордость, и красоту умиранія, и всѣ внѣшнія украшенія и опять попытаться увидѣть такъ оклеветанную истину? Что, если старое предположеніе, что дерево познанія не есть дерево жизни—ложно? Стоитъ провѣрить этотъ предразсудокъ, на ряду съ обусловливающей его теоріей естественнаго развитія! Оскорбленная во всемъ святомъ для нея душа, быть можетъ, найдетъ въ себѣ силы для новой борьбы...

VII.

Таковъ первый моментъ рожденія убѣжденій: исчезла надежда на новую жизнь, о которой столько мечталось въ каторгѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ погибла вѣра въ ученіе, казавшееся доселѣ незыблемымъ и вѣчно истиннымъ. Сомнѣнія быть не можетъ: не надежда держа-

лась ученіемъ, а наоборотъ,—ученіе держалось надеждой. Съ этимъ сознаніемъ кончается для человѣка тысячелѣтнее царство «разума и совѣсти»; начинается новая эра — «психологіи», которую у насъ въ Россіи впервые открылъ Достоевскій. Между прочимъ, прямой антагонизмъ между «разумомъ и совѣстью» съ одной стороны и «психологіей» — съ другой, до сихъ поръ мало кто рѣшается признать открыто. Большинство предполагаетъ возможнымъ сохранить старую іерархію, при которой психологіи приходится занимать подчиненное положеніе. Ея дѣло — лишь доносить о томъ, что происходитъ въ человѣческой душѣ, верховныя же законодательныя права попрежнему остаются за совѣстью и разумомъ, которымъ дано рѣшать, чему «должно быть» и чему быть не должно. Такое предположеніе раздѣляется даже людьми, наиболѣе способствовавшими успѣхамъ психологіи. Такъ, напримѣръ, гр. Толстой, своими произведеніями по крайней мѣрѣ настолько же, насколько и Достоевскій, въ теченіе десятковъ лѣтъ подрывавшій въ насъ довѣріе къ законности притязаній всякаго рода безусловностей, до сихъ поръ продолжаетъ превозносить превыше всего «разумъ и совѣсть». Онъ обладаетъ особымъ искусствомъ произносить эти слова такимъ тономъ, что всякое сомнѣніе въ ихъ святости и неприкосновенности начинаетъ казаться возмутительнымъ кощунствомъ. Въ этомъ отношеніи Достоевскій никогда не могъ сравниться съ гр. Толстымъ. Однако, ни тому, ни другому не удалось соединить несоединимое. Ихъ безпокойныя попытки возвратиться къ старымъ «хорошимъ словамъ» свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что дѣло разрушенія не только не менѣе, но много болѣе трудно, чѣмъ дѣло созиданія. Только

тотъ рѣшается разрушать, кто уже иначе жить не можетъ. И если въ этомъ направленіи Достоевскій пошелъ дальше гр. Толстого, то отнюдь не потому, что былъ добросовѣстнѣй, честнѣй или искреннѣй. Нѣтъ — въ такихъ дѣлахъ мѣра рѣшимости опредѣляется совсѣмъ иными законами. Человѣкъ всѣми силами старается сохранить доставшуюся ему въ наслѣдіе вѣру и отказывается отъ своихъ правъ лишь въ случаѣ полной невозможности удержать ихъ за собой. Достоевскій, какъ видно изъ послѣсловія къ «Подростку», мечталъ о творчествѣ въ духѣ гр. Толстого. «Еще Пушкинъ, говоритъ онъ, намѣтилъ сюжетъ будущихъ романовъ своихъ въ «преданіяхъ русскаго семейства», и повѣрьте, что тутъ дѣйствительно все, что у насъ было доселѣ красиваго. По крайней мѣрѣ тутъ все, что было у насъ хоть сколько-нибудь завершеннаго». И затѣмъ далѣе, разсуждая о романистѣ, который бы взялся за намѣченную Пушкинымъ тему, онъ продолжаетъ: «такое произведеніе, при великомъ талантѣ, уже принадлежало бы не столько къ русской литературѣ, сколько къ русской исторіи... Внукъ тѣхъ героевъ, которые были изображены въ картинѣ, изображавшей русское семейство средне-высшаго культурнаго круга въ теченіе трехъ поколѣній сряду и въ связи съ исторіей русской — этотъ потомокъ предковъ своихъ уже не могъ быть изображенъ въ современномъ типѣ своемъ иначе, какъ въ нѣсколько мизантропическомъ, уединенномъ и несомнѣнно грустномъ видѣ. Даже долженъ явиться какимъ-нибудь чудакомъ»... Если вспомнить, что впослѣдствіи Достоевскій, по поводу «Анны Карениной», называлъ гр. Толстого историкомъ средн-высшаго круга, то станетъ вполнѣ ясно,

что въ приведенныхъ цитатахъ рѣчь идетъ о «Войнѣ и мирѣ» и выведенныхъ въ этомъ романѣ типахъ. Красота и законченность толстовскихъ образовъ плѣняетъ Достоевскаго. И ему бы хотѣлось опредѣленности, ясности и полноты жизни; но онъ долженъ признаться, что такое «счастье» уже навсегда поглощено исторіей, что современный человѣкъ можетъ только вспомнить о быломъ, котораго никогда уже не вернуть. Покорный судьбѣ, онъ направляется къ своимъ уединеннымъ и мизантропическимъ чудакамъ. Однако, Достоевскій въ этихъ своихъ сужденіяхъ не совсѣмъ правъ. Ему самому, конечно, нечего дѣлать среди героевъ «Войны и мира». Для него эти люди—исторія и только исторія. Но ихъ творецъ, гр. Толстой, совсѣмъ иначе смотрѣлъ на нихъ и вовсе не желалъ ихъ обращать въ миражъ прошлаго. Наоборотъ, онъ хотѣлъ въ нихъ видѣть вѣчно настоящее, неизмѣнное. Для него Пьеръ Безуховъ, Наташа, Ростовъ, княжна Марья — не давно отжившіе люди, принужденные уступить свое мѣсто новому «уединенному и мизантропическому», т.-е. подпольному человѣку—онъ настаиваетъ на томъ, что всѣ они герои настоящаго дня. Настаиваетъ, правда, иногда преувеличенно, рѣзко, такъ что этимъ уже до нѣкоторой степени выдаетъ себя. «Война и миръ» есть произведеніе человѣка, которому нужно не только многое вспомнить и разсказать, но также кой о чемъ забыть и кой-что замолчать. Здѣсь нѣтъ той естественной прочности и устойчивости, которая чувствуется въ «Капитанской дочкѣ». Гр. Толстой не ограничивается, какъ Пушкинъ, ролью повѣствователя, художника. Онъ постоянно провѣряетъ искренность и правдивость каждаго почти слова своихъ героевъ. Ему нужно знать,

точно ли они вѣрятъ во все, что дѣлаютъ, точно ли они знаютъ, куда идутъ. Онъ тоже психологъ, какъ и Достоевскій, т.-е. онъ тоже ищетъ корней. А вѣдь всѣ корни — глубоко подъ землей, значитъ и гр. Толстому знакома глухая, подземная, подпольная работа. Той гомеровской, патріархальной наивности, которую ему приписываютъ, онъ не достигаетъ, хотя и стремится къ ней всѣми силами. Въ этихъ дѣлахъ «свободная воля» измѣняетъ человѣку. Онъ хочетъ вѣры, а занимается провѣркой, которая всякую вѣру убиваетъ. Только своему колоссальному художественному дарованію гр. Толстой обязанъ тѣмъ, что читающая публика не почувствовала, сколько искусства, я почти готовъ сказать искусственности, потребовалось великому писателю земли русской, чтобъ создать свои замѣчательныя произведенія. И не только творчество, вся жизнь гр. Толстого носитъ на себѣ слѣды вѣчной борьбы съ «психологіей», съ подпольемъ. Но о его жизни еще судить преждевременно. Его же писательская дѣятельность—одно непрерывное стремленіе такъ или иначе—силой, хитростью, обманомъ—побѣдить упорнаго врага, подрывающаго въ самыхъ основахъ возможность счастливаго и свѣтлаго существованія. И это въ значительной степени удается ему. Онъ платитъ свою дань подполью — правильную, постоянную дань, но всегда съ такимъ видомъ, какъ будто бы то была не дань, а добровольныя приношенія, разрѣшаемыя «разумомъ и совѣстью». У Достоевскаго подпольный человѣкъ, отмѣтивъ ложь своей жизни, приходитъ въ ужасъ и сразу порываетъ со всѣмъ своимъ прошлымъ. У гр. Толстого его герои никогда не перестаютъ вѣрить въ «прекрасное и высокое» — даже въ тѣ моменты, когда

предъ ними выясняется во всей полнотѣ несоотвѣтствіе дѣйствительности съ идеалами: они позволяютъ дѣйствительности войти въ свои права, но не перестаютъ ни на минуту чтить идеалы. Такъ, пораженія русскихъ войскъ, сдача Москвы и т. д. ни на кого изъ героевъ «Войны и мира», не принимающихъ непосредственнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, не производятъ слишкомъ удручающаго впечатлѣнія. Гр. Толстой неоднократно отмѣчаетъ это обстоятельство, такъ что, собственно говоря, должно было бы получиться такое впечатлѣніе, какъ и отъ обращенныхъ къ Лизѣ словъ подпольнаго человѣка: «я скажу, чтобъ свѣту провалиться, а чтобъ мнѣ всегда чай пить». Но такого впечатлѣнія не получается. Напримѣръ, Николай Ростовъ бесѣдуетъ съ княжной Марьей и, конечно, въ ихъ разговорѣ злоба дня не обойдена. Но какъ они относятся къ великой трагедіи, разыгрывающейся на ихъ глазахъ? «Разговоръ былъ самый простой и незначительный (!). Они говорили о войнѣ, невольно, какъ и всѣ, преувеличивая свою печаль объ этомъ событіи». Нѣсколько дальше гр. Толстой еще поясняетъ: «видно было, что о несчастіяхъ Россіи она (княжна Марья) могла говорить притворно, но братъ ея былъ предметъ, слишкомъ близкій ея сердцу и она не хотѣла и не могла слегка говорить о немъ». Эти замѣчанія необычайно характерны для «Войны и мира». Гр. Толстой вездѣ, гдѣ только можетъ, напоминаетъ намъ, что для лучшихъ людей 12-го года несчастья Россіи значили меньше, чѣмъ ихъ собственныя, личныя огорченія. Но при этихъ напоминаніяхъ онъ умѣетъ сохранить необыкновенную, на видъ, ясность души, точно ничего особеннаго не произошло, точно и въ самомъ дѣлѣ

разумъ и совѣсть могутъ спокойно глядѣть на проявленіе такого чудовищнаго эгоизма. И дѣйствительно, разумъ и совѣсть остаются спокойными. Очевидно, имъ нуженъ только внѣшній почетъ, нужно умѣть только говорить съ ними въ извѣстномъ тонѣ, какъ съ капризными деспотами, и они дѣлаются совсѣмъ ручными. Какой бы гамъ подняли они, если бы вмѣсто того, чтобы «притворно» огорчаться бѣдствіями Россіи, княжна Марья, напр., прямо заявила, на манеръ подпольнаго человѣка: «Россіи ли погибнуть, или мнѣ чаю не пить? Я скажу — пусть себѣ гибнетъ Россія, а чтобъ мнѣ чай былъ». По существу, у гр. Толстого и княжна Марья, и Николай Ростовъ говорятъ именно такъ. И всѣ другія дѣйствующія лица этого романа (лучшія, конечно — и именно лучшія, худшія не позволяютъ себѣ такой откровенности) немногимъ превосходятъ ихъ въ своемъ патріотизмѣ. Въ концѣ концовъ гр. Толстой окольнымъ путемъ все сводитъ къ проявленію человѣческаго эгоизма. Но тѣмъ не менѣе прекрасное и высокое не попадаетъ въ кавычки и сохраняетъ свое прежнее почетное положеніе. Графъ Толстой находитъ возможнымъ принять безъ ожесточенія жизнь такой, какова она есть. Осторожно, невидимо для читателя, онъ отнимаетъ суверенныя права у разума и совѣсти и дѣлаетъ мѣрою вещей самого себя, т.-е., проще говоря, каждаго человѣка. Но онъ хочетъ полной теоретической побѣды («санкціи истины», какъ говоритъ Достоевскій) и потому не упраздняетъ открыто всѣ прежнія власти, а лишь фактически и исподоволь (гр. Толстой всегда дѣйствуетъ исподоволь) устраняетъ ихъ отъ всякаго вліянія на жизнь. И онъ знаетъ что̀ дѣлаетъ. Ему необходимо еще сохранить въ извѣстныхъ

случаяхъ престижъ и обаяніе старыхъ авторитетовъ. Онъ, конечно, уже имъ служить не будетъ — но они еще послужатъ ему. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ собственными силами не сможетъ бороться, онъ обратится къ ихъ чудесному содѣйствію, и они своимъ властнымъ голосомъ поддержатъ его въ трудныя минуты.

VIII.

Достоевскій, разбирая «Анну Каренину», замѣтилъ между прочимъ: «Анна Каренина совсѣмъ не невинная вещь». Еще бы! Нужно быть самому очень уже невиннымъ человѣкомъ для того, чтобы въ творчествѣ гр. Толстого увидѣть лишь одну поэзію. Любопытно, однако, что нѣсколько раньше, до появленія послѣдней части «Анны Карениной» (вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ), тотъ же Достоевскій назвалъ Левина человѣкомъ «чистой души». Неправда ли въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣдуетъ съ большой осторожностью относиться къ общепринятымъ словамъ?! Вѣдь чистой души человѣкъ, это — та же «невинность»,—а Левинъ — герой «Анны Карениной», въ немъ весь смыслъ романа. Но Достоевскій, выступая въ роли литературнаго критика, считалъ себя обязаннымъ quand-même поддерживать всякаго рода идеалы — поэтому и къ Левину примѣняется столь младенчески нѣжный эпитетъ. На самомъ дѣлѣ Достоевскій хорошо зналъ цѣну Левину, и если имѣлъ сперва намѣреніе держать свое знаніе про себя, то у него была на то важная причина. Появленіе послѣдней части «Анны Карениной», въ которой гр. Толстой позволяетъ себѣ смѣяться надъ увлеченіемъ добровольческимъ движеніемъ, взорвало Достоевскаго и заставило его сказать

больше, чѣмъ то дозволяло его литературное положеніе и обязанности вѣрующаго проповѣдника. Да и гр. Толстой далъ въ «Аннѣ Карениной» слишкомъ много простору «подпольному человѣку». Левинъ, напримѣръ, прямо заявляетъ, что «никакого непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ и не можетъ быть», и встрѣчаетъ въ старомъ князѣ (лицѣ, очень симпатичномъ автору, какъ видно по ходу романа) сильную поддержку. «Вотъ и я, говоритъ князь, никакъ не понималъ, почему всѣ русскіе вдругъ такъ полюбили братьевъ славянъ, а я никакой къ нимъ любви не чувствую... Но, пріѣхавъ сюда, я успокоился; я вижу, что и кромѣ меня есть люди, интересующіеся только Россіей, а не братьями славянами. Вотъ и Константинъ». Такія разсужденія въ устахъ положительныхъ героевъ толстовскаго романа Достоевскій считаетъ неумѣстными. Все это можно высказать, но съ соотвѣтствующими примѣчаніями, по крайней мѣрѣ хоть въ такой формѣ, въ какой это высказывалось въ «Войнѣ и мирѣ». Тамъ люди, если и чувствовали себя равнодушными къ судьбамъ своей страны, то по крайней мѣрѣ притворялись горячо заинтересованными войной, и такимъ образомъ какъ бы сознавались въ своей «винѣ». Здѣсь же Левинъ напрямикъ объявляетъ, что не хочетъ знать ни о какихъ страданіяхъ славянъ. Осталось еще прибавить: было бы только все у меня благополучно. Но на такую дерзость и гр. Толстой не пошелъ, такъ что Достоевскому пришлось уже отъ себя заставить Левина произнести нѣсколько словъ въ этомъ родѣ [1]).

Столкновеніе двухъ великихъ писателей земли русской по вопросу о сочувствіи страданіямъ славянъ—

[1]) Т. 11-й, стр. 264.

высоко знаменательно. Какъ это случилось, что «разумъ и совѣсть», столь непогрѣшимые и поднесь восхваляемые гр. Толстымъ судьи, подсказали столь разныя рѣшенія двумъ одинаково примѣчательнымъ людямъ? Достоевскій больно почувствовалъ всю обиду, заключающуюся въ возможности такого столкновенія, и съ горечью кончаетъ свою статью: «такіе люди, какъ авторъ Анны Карениной, есть учителя общества, наши учителя, а мы лишь ученики ихъ. Чему же они насъ учатъ?

И тѣмъ не менѣе, столкновеніе пророковъ было дѣломъ чистаго случая! Если бы не славянскія дѣла, Достоевскій могъ бы найти въ «Аннѣ Карениной» и всѣ тѣ элементы, которые его плѣняли въ «Войнѣ и мирѣ», и читатели такъ бы и не узнали, что «разумъ и совѣсть не всегда говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ. Достоевскій, повидимому, напрасно погорячился. Пусть Левинъ нѣсколько рѣзче, чѣмъ нужно было, высказалъ свое равнодушіе къ судьбѣ славянъ, пусть онъ разболталъ «тайну пѣвца»—зато онъ при случаѣ, а то и безъ всякаго случая, куритъ ѳиміамъ инымъ, очень высокимъ и совсѣмъ не чуждымъ Достоевскому идеаламъ. Отреченіе отъ славянъ вовсе не знаменуетъ у него готовности посягнуть на суверенитетъ «совѣсти и разума». Наоборотъ, по своему обыкновенію, гр. Толстой если и рѣшается на что-либо необыкновенное, то лишь съ ихъ всемилостивѣйшаго согласія и разрѣшенія. Вспомните, напримѣръ, разговоръ Левина съ женой въ III-й главѣ 6-й части романа. Левинъ и «недоволенъ собой», и чувствуетъ себя «виноватымъ» и «плохимъ въ сравненіи съ другими»,—даже съ Сергѣемъ Ивановичемъ Кознышевымъ (котораго въ душѣ онъ ненавидитъ и всячески

старается презирать)—словомъ, самая требовательная совѣсть и самый строгій разумъ должны быть удовлетворены его вѣрноподданническими чувствами. Необыкновенное умиленіе и размягченіе души Левина граничитъ въ этой сценѣ уже почти съ областью комическаго. Его заигрываніе съ «добромъ» напоминаетъ ухаживаніе гоголевскаго дьяка за Солохой. Но гр. Толстой не иронизируетъ надъ своимъ героемъ. Нѣтъ—онъ серьезенъ, хотя, кажется, и чувствуетъ въ глубинѣ души, сколько дерзости кроется въ такомъ отношеніи къ идеаламъ. Чѣмъ больше его Левинъ замыкается въ узкую сферу своихъ личныхъ интересовъ, тѣмъ «наглѣе» (о Нитше и Достоевскомъ сказано это слово: справедливость требуетъ примѣнить его и къ Левину) становится онъ въ восхваленіи добра...

О, «Анна Каренина» совсѣмъ не невинная вещь! Левинъ отчаивается, Левинъ видитъ себя на пути къ вѣчному подполью, къ каторгѣ на волѣ, къ гибели—и спасается, не разбирая способовъ спасенія. «Чистой души человѣкъ!» Не даромъ его похвалилъ Достоевскій: воронъ почувствовалъ запахъ тлѣнья и не можетъ скрыть своей радости! Вдумайтесь только хорошенько въ жизнь Левина и вы убѣдитесь, что не только лгалъ онъ добру, когда выражалъ ему свою глубокую признательность, но обманывалъ и «счастье», когда увѣрялъ себя и Кити, что онъ счастливъ. Все—неправда, отъ перваго до послѣдняго слова. Левинъ никогда не былъ счастливъ—ни тогда, когда онъ былъ женихомъ Кити, ни тогда, когда онъ на ней женился. Онъ только притворялся счастливымъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ годится такая божья коровка (кто хочетъ—можетъ эпитетъ опустить), какъ Кити, въ подруги жизни для Левина? Развѣ могъ

онъ полюбить ее? И вообще. развѣ семейная жизнь — подходящая для Левина атмосфера? Сцены, въ которыхъ изображается эта странная пара, несмотря на то, что онѣ выписаны съ необыкновеннымъ стараніемъ и талантомъ, рисуютъ намъ въ Левинѣ человѣка, рѣшившагося продѣлать все, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ продѣлываютъ счастливые и любящіе люди. Канунъ свадьбы—и Левинъ цѣлую ночь не спитъ, доходитъ въ безтолковости, какъ и слѣдуетъ жениху, до крайней степени, собирается обнять всѣхъ людей и т. д. Кити беременна—Левинъ оберегаетъ каждый шагъ ея, суетится, дрожитъ. Наконецъ, пріѣзжаетъ въ гости Васенька Весловскій и счастливый супругъ, точно насилу дождавшись случая, устраиваетъ женѣ нелѣпѣйшую сцену ревности съ блестящими глазами, сжатыми кулаками и всѣмъ, чему въ такихъ случаяхъ быть полагается. Апоѳеозъ всему это — изгнаніе Васеньки. Христіански-кроткій Левинъ, не желающій обижать турокъ, не задумываясь, буквально выталкиваетъ въ шею гостя. И при этомъ не только не раскаивается, но радуется: не смѣлости своей, о которой онъ и не вспоминаетъ. Онъ радуется тому, что можетъ, какъ и всѣ люди, ревновать и въ ревности своей переходить черезъ всякія границы. Въ одномъ изъ своихъ писемъ гр. Толстой говоритъ, что съ отвращеніемъ работалъ надъ «Анной Карениной». Я полагаю, что этому можно повѣрить, если имѣть въ виду, какую задачу ему задалъ Левинъ. Что можетъ быть постылѣй, нежели необходимость во что бы то ни стало изобразить счастливымъ и «добрымъ» человѣка, который былъ такъ же чуждъ добру, какъ и далекъ отъ счастья! А между тѣмъ въ этомъ именно и было все дѣло гр. Толстого. Ему нужно

было во что бы то ни стало пристроить Левина къ обыденной жизни, т.-е. дать ему занятіе, семью и т. д. На губернскихъ выборахъ у Левина происходитъ незначущій на видъ, но заслуживающій вниманія разговоръ съ знакомымъ помѣщикомъ:

— Вы женаты, я слышалъ?—спросилъ помѣщикъ.

— Да,—съ гордымъ удовольствіемъ отвѣтилъ Левинъ.

Съ гордымъ удовольствіемъ! Чѣмъ тутъ гордиться? Человѣкъ женился, заслуга не изъ большихъ. Но для Левина женитьба не была просто женитьбой, какъ для всѣхъ людей. Она была для него доказательствомъ, что онъ не хуже, чѣмъ другіе. Оттого-то онъ, вопреки своему обыкновенію, не столько провѣряетъ свою любовь къ Кити, сколько подыскиваетъ для нея соотвѣтствующія внѣшнія выраженія. Оттого-то онъ прощаетъ Кити ея прошлое и соглашается ступать sur les brisées, какъ выражается въ «Войнѣ и мирѣ» князь Андрей Болконскій, Вронскаго. Отказаться отъ семьи значило для Левина обречь себя на capitis diminutio maxima, значило потерять одинъ изъ всѣми признанныхъ жизненныхъ устоевъ, а это было для него всего страшнѣй. И онъ женился на Кити, какъ женился бы на Долли или на какой хотите не слишкомъ непріятной для него женщинѣ его круга, достаточно приличной, чтобъ придать жизни внѣшне благообразный характеръ. А его любовь, заботливость, ревность—это одни лишь нервы, играющіе комедію для чужихъ и собственныхъ глазъ.

Само собою разумѣется, что такой бракъ возбуждаетъ въ человѣкѣ чувство гордости: и у меня, говоритъ онъ себѣ, есть почва подъ ногами. И все, рѣшительно все, что дѣлаетъ Левинъ — имѣетъ одну цѣль:

убѣдить себя и другихъ, что онъ прочно, съ корнями, вросъ въ землю, такъ что никакая буря уже не повалитъ его. Задача Левина вмѣстѣ съ тѣмъ и задача гр. Толстого. А между тѣмъ великій писатель знаетъ, что есть и падающіе и *упавшіе* люди, которымъ уже никогда не подняться. Онъ часто говоритъ о нихъ, онъ выдумываетъ теоріи, примиряющія насъ съ паденіемъ. Но самому попасть въ категорію падшихъ, принять на себя capitis diminutio maxima, потерять право на покровительство человѣческихъ и божескихъ законовъ? На это онъ добровольно ни за что не согласится. Все лучше, чѣмъ это. Лучше жениться на Кити, лучше заниматься хозяйствомъ, лучше лицемѣрить предъ добромъ, лучше обманывать себя, лучше быть такимъ, какъ всѣ—только бы не оторваться отъ людей, только не оказаться «заживо погребеннымъ». Совсѣмъ такъ, какъ у Достоевскаго. Разница въ томъ, что у гр. Толстого была еще чисто внѣшняя возможность вернуться къ людямъ, а Достоевскій уже не имѣлъ ея. Достоевскому уже было «все равно» («сонъ смѣшного человѣка»), онъ зналъ, что не уйдетъ отъ судьбы. Гр. Толстой еще имѣетъ надежду и до конца своей жизни борется съ страшнымъ призракомъ безнадежности, никогда не оставлявшимъ его на долгое время въ покоѣ.

IX.

Эта борьба опредѣляетъ собою все творчество гр. Толстого, въ лицѣ котораго мы имѣемъ единственный примѣръ геніальнаго человѣка, во что бы то ни стало стремящагося сравниться съ посредственностью, самому стать посредственностью. Конечно, это ему не удается.

Сколько онъ ни оберегаетъ себя отъ запросовъ своей природы, она каждый разъ сказывается въ немъ бурными и нетерпѣливыми вспышками. Казалось, что въ «Войнѣ и мирѣ» онъ уже подвелъ окончательный итогъ выводамъ и наблюденіямъ своей жизни. Все, что онъ видѣлъ, закрѣплено опредѣленно и прочно, на своемъ мѣстѣ. И, главное, такъ размѣщено, что въ общемъ получается ободряющая и радующая взоры картина, несмотря на то, что въ ней ничего не забыто изъ тѣхъ ужасовъ жизни, которые подрываютъ довѣріе людей къ ближнимъ и Творцу. Князь Андрей умеръ мучительной смертью послѣ мучительной жизни, Петѣ Ростову французы прострѣлили голову, старая графиня на нашихъ глазахъ обращается въ полуидіотку, графъ Илья Андреевичъ, разоривъ дѣтей, незамѣтно стушевывается, Соня становится приживалкой и т. д. Но все это такъ расположено на картинѣ, что не только не ослабляетъ, но еще усиливаетъ общее бодрящее впечатлѣніе. Достоевскій никогда не могъ постигнуть тайны этой стороны толстовскаго искусства. Онъ воображалъ, что грозный окрикъ, повелительный тонъ, рѣшительность въ утвержденіи, нѣсколько добродѣтельныхъ и святыхъ словъ всегда способны справиться съ живущей въ его собственномъ и вообще въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ безпокойствомъ. Такъ, напримѣръ, въ «Идіотѣ», гдѣ роль миротворящаго духа играетъ князь Мышкинъ, встрѣчается слѣдующій характернѣйшій діалогъ. Послѣ ночного чтенія въ саду, обреченный на смерть Ипполитъ встрѣчаетъ въ саду князя Мышкина и задаетъ ему «вопросъ». «Скажите мнѣ прямо, спрашиваетъ онъ, какъ по-вашему, какъ мнѣ лучше всего умереть? Чтобы вышло всего добродѣтельнѣе, то-есть? Ну, говорите?»

Какъ вамъ нравится такой «вопросъ»?! По смыслу романа князю Мышкину полагается всегда отличаться; онъ долженъ умѣть *все* понимать и изъ самыхъ трудныхъ положеній выходить побѣдителемъ. Но, въ такомъ случаѣ, нужно думать, что Достоевскій, устраивая ему встрѣчу съ Ипполитомъ, просто рѣшилъ посмѣяться надъ своимъ героемъ. Развѣ можно съ иными цѣлями задавать такіе вопросы, на которые, сколько ни бейся, никогда не отвѣтишь не то, что толково, но даже хоть сколько-нибудь удовлетворительно? И форма-то вопроса какова: «чтобы вышло все добродѣтельнѣе то-есть!» Кажется будто Достоевскому, по старой привычкѣ подпольнаго человѣка, вдругъ неудержимо захотѣлось показать языкъ своей собственной мудрости. И точно, если вопросъ Ипполита дерзокъ, то отвѣтъ князя Мышкина возмутителенъ. Вотъ онъ: «пройдите мимо насъ и простите намъ наше счастье, проговорилъ князь тихимъ (!) голосомъ». Ипполитъ расхохотался ему прямо въ глаза. У Достоевскаго не хватило рѣшительности заставить бѣднаго мальчика преклониться предъ безпардонною святостью князя. И тихій голосъ, всегда въ такихъ случаяхъ особенно сильно дѣйствующій, не произвелъ никакого эффекта, равно какъ и магическое слово «простите»... О, нѣтъ, Достоевскій не зналъ, совсѣмъ не зналъ, какъ нужно пользоваться темными красками. Онъ воображалъ, что достаточно придумать благочестивое названіе для картины и ея сюжетъ будетъ оправданъ. Или, лучше сказать, онъ хотѣлъ добиться настоящаго отвѣта на вопросъ Ипполита, а не только дать публикѣ художественное произведеніе. Гр. Толстой дѣло иное. Онъ глубоко убѣжденъ, что отвѣта нѣтъ, а стало быть нужно не только читателей, но и

самого себя отдѣлить отъ дѣйствительности художественнымъ вымысломъ. «Война и миръ» въ этомъ смыслѣ является шедевромъ. Тамъ все разсчитано: тамъ и малое и значительное имѣетъ свое мѣсто. Дерзкіе вопросы не забыты, но они не только не смущаютъ читателя, но даже кажутся, при чтеніи, разрѣшенными. Къ умирающему князю Андрею никто не приходитъ тихимъ голосомъ докладывать о своей проникновенности въ тайны міра. Наоборотъ, окружающіе молчатъ и только молчатъ, испуганные и уничтоженные таинственностью и грозностью событія. Князю Андрею отдаются всѣ почести, какихъ только можетъ желать себѣ уходящій въ иной міръ и никто не дерзаетъ еще раздражать его своей требовательностью. И вѣдь это единственно истинный, вѣрный способъ основательно, навсегда похоронить безвременно умирающаго человѣка. Гр. Толстой перенялъ его у обыкновенной житейской практики. Побольше скорби, покорности, слезъ, торжественности — все это открываетъ путь къ новой жизни, все это въ концѣ концовъ примиритъ съ какой угодно потерей Но гр. Толстому и этого мало. Онъ своихъ мертвецовъ такъ выпроваживаетъ въ иной міръ, чтобы они уже не могли имѣть совсѣмъ никакого значенія для оставшихся въ живыхъ. Для этой цѣли онъ даже не брезгаетъ пользоваться шопенгауеровской философіей, чуть-чуть только измѣненной сообразно съ требованіями художественнаго творчества. Князь Андрей, умирая, не обращается въ «ничто» — нѣтъ; онъ лишь возвращается обратно въ то лоно, откуда онъ вышелъ. Теряется только индивидуальность, но зато настолько теряется, что еще за нѣкоторое время до смерти все живое, даже собственный сынъ, стано-

вится ему совершенно чуждымъ и безразличнымъ. Это чисто шопенгауеровское «безсмертіе души» въ изображеніи гр. Толстого необычайно успокоительно и ободряюще дѣйствуетъ на остающихся въ живыхъ. Смерть есть пробужденіе отъ жизни... «И относительно продолжительности жизни оно не казалось ему (князю Андрею) болѣе медленно, чѣмъ пробужденіе отъ сна относительно продолжительности сновидѣнія». Приведенныя строки взяты гр. Толстымъ почти буквально изъ «міра, какъ воля и представленіе», какъ и вся теорія о смерти. Это странно. Гр. Толстой, вообще говоря, не любитъ заимствованій, но на этотъ разъ дѣлаетъ исключеніе. Взглядъ Шопенгауера показался очень уже соотвѣтствующимъ нуждамъ минуты. Онъ обѣщаетъ, конечно, не настоящее безсмертіе, т.-е. безсмертіе не для умирающаго, а для остающихся въ живыхъ. Но кто станетъ думать о мертвецахъ! Пусть себѣ мирно покоятся въ гробахъ—а живые пусть пользуются жизнью. Потому и смерть нужно разсматривать не съ точки зрѣнія уходящихъ, а съ точки зрѣнія остающихся на землѣ. Въ этомъ смыслѣ изображеніе гр. Толстого—верхъ совершенства. Кажется, будто дошелъ до предѣловъ человѣческаго познанія, кажется, что еще шагъ — и великая тайна жизни раскроется предъ тобой. Но это оптическій обманъ. На самомъ дѣлѣ какъ разъ наоборотъ: здѣсь сдѣлано все, чтобы тайна навсегда осталась нераскрытой. Смерть представлена, какъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ жизнь, и потому для живыхъ совершенно непостижимое Князь Андрей, умирая, теряетъ свою человѣческую индивидуальность, которая, постепенно растворяясь и расплываясь, тонетъ въ чемъ-то совсѣмъ иномъ, нежели

все, что мы можемъ представить себѣ. Это-то иное, эта Ding an sich или «воля» во всякомъ случаѣ нѣчто кантово-шопенгауерскаго происхожденія и есть ожидающее человѣка «безсмертіе». Для живыхъ такой грандіозный горизонтъ представляется интереснымъ зрѣлищемъ. Умирающій же за такое безсмертіе не дастъ ничего. Послѣднія пѣсни Гейне, къ слову сказать, любимаго поэта гр. Толстого, могутъ на этотъ счетъ многое выяснить любопытствующему человѣку: великій нѣмецкій лирикъ умѣлъ быть очень правдивымъ и искреннимъ. Но гр. Толстой не хочетъ смѣшивать себя съ людьми, не имѣющими земныхъ надеждъ. Дѣло князя Андрея—не его собственное дѣло. Князя Андрея только нужно приличнымъ образомъ выпроводить изъ жизни. Нужно зарыть его поглубже въ землю и на могилу еще навалить огромный камень, чтобы мертвецъ не могъ встать и обезпокоить ночной сонъ живыхъ — или, еще лучше, нужно его обратить въ Ding an sich. Въ этомъ задача толстовскаго искусства, въ этомъ смыслъ кантовской идеалистической философіи: всѣ тревожные вопросы жизни нужно тѣмъ или инымъ путемъ перевести въ область непознаваемаго. Тогда лишь наступитъ на землѣ то спокойствіе, которое люди, однажды испуганные призракомъ, цѣнятъ выше всего въ жизни. У Канта это еще не такъ замѣтно, его тревога носила все-таки чисто теоретическій, отвлеченный характеръ. Его призракомъ былъ только скептицизмъ Юма, грозившій подорвать вѣру въ аподиктичность науки. Но гр. Толстой столкнулся съ инымъ скептицизмомъ: предъ нимъ раскрылась пропасть, грозившая поглотить его, онъ видѣлъ торжество смерти на землѣ, онъ себя самого видѣлъ живымъ трупомъ. Охваченный

ужасомъ, онъ проклялъ всѣ высшіе запросы своей души, сталъ учиться у посредственности, у середины, у пошлости, вѣрно почувствовавши, что только изъ этихъ элементовъ возможно воздвигнуть ту стѣну, которая, если не навсегда, то хоть надолго скроетъ отъ глазъ страшную «истину». И онъ нашелъ свою «Ding an sich» и свои синтетическія сужденія a priori, то-есть узналъ, какъ отдѣлываются отъ всего проблематическаго и создаются твердые принципы, по которымъ можно жить человѣку. Полагаю, что законность этого «то-есть» никто не станетъ оспаривать: вѣдь въ апріорныхъ сужденіяхъ существенно не ихъ происхожденіе, а ихъ аподиктичность, т.-е. всеобщность и необходимость. А о Ding an sich еще будетъ рѣчь впереди.

X.

Нитшевскій Заратустра говоритъ ученикамъ своимъ: «дабы никто не могъ заглянуть въ мою глубину и узнать мою послѣднюю волю, я изобрѣлъ себѣ долгое и свѣтлое молчаніе. Много умныхъ людей видалъ я: они закрывали свои лица и мутили свою воду, дабы ничей взглядъ не могъ насквозь увидѣть ихъ. Но къ нимъ приходили болѣе умные и недовѣрчивые разгадчики и вылавливали у нихъ наилучше скрытую рыбу... Свѣтлые, смѣлые, прозрачные люди—самые умные молчальники: ибо такъ глубоко дно ихъ, что и самая прозрачная вода не выдаетъ ихъ». Самъ Нитше не былъ такимъ умнымъ молчальникомъ: онъ мутилъ свою воду; но къ гр. Толстому эти слова могутъ быть примѣнены цѣликомъ. Онъ — свѣтелъ, прозраченъ, смѣлъ, — кто можетъ думать, что нужно еще спускаться на дно его

души, и что на этомъ днѣ живутъ чудовища? Онъ и самъ любитъ называть свою жизнь «исключительно счастливой въ мірскомъ смыслѣ». И когда въ молодости читаешь его произведенія, съ какой радостью глядишь на эту свѣтлую, ясную, прозрачную глубину! Кажется, что гр. Толстой — все знаетъ и понимаетъ, кажется, что смущающая людей загадочность и противорѣчивость жизни—только соблазнительная приманка для человѣка, а непрочность всего существующаго, только обманчивая видимость. Непрочность—для гр. Толстого нѣтъ такого слова. Вспомните, напримѣръ, эпилогъ къ «Войнѣ и миру». Развѣ есть такія сомнѣнія, которыя не были бы разрѣшены въ уютной столовой Николая Ростова, за чайнымъ столомъ, собравшимися вмѣстѣ довольными и радостными членами большой семьи? Правда, Пьеръ привезъ изъ Петербурга горсточку идей, грозящихъ какъ будто нарушить мирное благоденствіе обитателей Лысыхъ горъ. Но гр. Толстой вѣдь отказался писать «Декабристовъ», а написалъ «Войну и миръ». Декабристы, вслѣдъ за Андреемъ Болконскимъ, выпровожены въ область Ding an sich, куда по теоріи Канта и полагается направлять всѣ антиноміи человѣческаго сознанія. А для жизни оставлены апріорныя сужденія, выразителемъ которыхъ избирается наиболѣе подходящій для такихъ дѣлъ человѣкъ — Николай Ростовъ. Угодно ли вамъ послушать языкъ апріорности. Пьеръ Безухій, шамкая и шепелявя, начинаетъ разсказывать что-то о своихъ петербургскихъ сношеніяхъ. «Въ судахъ воровство, въ арміи - одна палка: шагистика, поселеніе—мучатъ народъ, просвѣщеніе душатъ. Что молодо, честно — то губятъ! Всѣ видятъ, что это не можетъ такъ долго идти. Все слишкомъ натянуто—и скоро лопнетъ,—

говорилъ Пьеръ (какъ съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ правительства, вглядѣвшись въ дѣйствія какого бы то ни было правительства, всегда говорятъ люди). Это, вы понимаете, рѣчи скептицизма Юма. Дайте имъ просторъ,—и всѣ усилія, потраченныя на «войну и миръ» окажутся потраченными даромъ. Необходимо, значитъ, измѣнить направленіе разговора. И вотъ, слово предоставляется Николаю Ростову. Въ качествѣ человѣка апріорнаго онъ доказательствъ не любитъ и уважаетъ лишь всеобщность и необходимость. Онъ такъ прямо и заявляетъ Пьеру: «Доказать я тебѣ не могу. Ты говоришь, что у насъ все скверно; я этого не вижу... И вели мнѣ Аракчеевъ идти на васъ (т.-е. на Пьера съ его петербургскими друзьми) съ эскадрономъ и рубить — ни на секунду не задумаюсь и пойду»... Неправда ли чудесно сказано?! Да развѣ, въ самомъ дѣлѣ, Пьеру возможно что-нибудь доказать? И, затѣмъ, развѣ Кантъ не правъ, развѣ намъ можно существовать безъ апріорныхъ сужденій, т.-е. безъ такихъ, которыя поддерживаются не учеными соображеніями, всегда противорѣчивыми и неустойчивыми, а силой, никогда себѣ неизмѣняющей, иначе говоря — необходимостью? Графъ Толстой незадолго до «Войны и мира» продѣлалъ цѣлый рядъ опытовъ съ «совѣстью», не кантово-ростовской совѣстью, имѣющей принципы, а со своей собственной совѣстью геніальнаго человѣка. Вы знаете что̀ изъ этого вышло: не только апріорныхъ — почти никакихъ сужденій не осталось. А какъ жить человѣку безъ сужденій, безъ убѣжденій? Великій писатель земли русской увидѣлъ, наконецъ, какъ *рождаются* убѣжденія и понялъ, какое великое преимущество имѣютъ Ростовы предъ Болконскимъ. Болконскаго и жить оставить нельзя.

Куда съ нимъ дѣнешься? А Ростовъ—хоть сто лѣтъ жизни ему дай, не заведетъ тебя на неизвѣстный, ложный путь (неизвѣстный и ложный въ данномъ случаѣ, какъ извѣстно, синонимы). И посмотрите, какое глубокое уваженіе питаетъ гр. Толстой къ Ростову. «Долго, разсказываетъ онъ намъ, послѣ его (Николая) смерти въ народѣ хранилась набожная память о его управленіи». Набожная память! Долго хранилась! Пересмотрите все, что писалъ гр. Толстой: ни объ одномъ изъ своихъ героевъ онъ не говорилъ съ такимъ чувствомъ благодарности и умиленія. По за что же? спросите вы. Чѣмъ заслужилъ этотъ обыкновенный человѣкъ такую признательность? А вотъ именно своей обыкновенностью: Ростовъ зналъ, какъ жить и былъ потому всегда твердъ. Во всю же свою писательскую дѣятельность гр. Толстой ничего такъ не цѣнилъ, какъ опредѣленное знаніе и твердость, ибо у себя не находилъ ни того, ни другого. Онъ могъ только подражать Ростову и, само собою разумѣется, былъ принужденъ расточать хвалу своему высокому образцу. Эта «набожная память», какъ и весь эпилогъ къ «Войнѣ и миру»—дерзкій, сознательно дерзкій вызовъ, брошенный гр. Толстымъ всѣмъ образованнымъ людямъ, всей, если хотите, совѣсти нашего времени. И именно сознательный вызовъ: гр. Толстой понималъ, слишкомъ хорошо понималъ что̀ онъ дѣлаетъ. «Я преклоняюсь предъ Ростовымъ, а не предъ Пушкинымъ или Шекспиромъ, и открыто всѣмъ заявляю это»—вотъ смыслъ эпилога къ «Войнѣ и миру». Замѣтьте, что въ эпоху яснополянскихъ журналовъ и первыхъ своихъ литературно-публицистическихъ опытовъ, когда тоже отрицались Шекспиръ и Пушкинъ, имъ по крайней мѣрѣ противоставлялся не интеллигентный же помѣщикъ, а весь

русскій народъ. Это еще не казалось столь страннымъ. Русскій народъ все же большая «идея», коверъ-самолетъ, на которомъ не одинъ читатель или писатель свершалъ свое заоблачное путешествіе. Но Ростовъ—вѣдь въ немъ ничего даже похожаго на идею нѣтъ; это — чистѣйшая матерія, косность, неподвижность. И къ нему рѣшиться примѣнить эпитетъ «набожная память»! Какъ только. послѣ этого, могли повѣрить, что гр. Толстой наивенъ. невиненъ, что его глубина прозрачна и его дно видно?! Видно, у Достоевскаго чутье было лучше, чѣмъ у другихъ читателей гр. Толстого: «Анна Каренина»—совсѣмъ не невинная вещь...

Послѣ спора Пьера съ Николаемъ, гр. Толстой вводитъ насъ еще на нѣсколько минутъ въ спальни своихъ счастливыхъ паръ. Въ спальняхъ разговоры у гр. Толстого ведутся совсѣмъ на особый манеръ. Супруги такъ хорошо сжились межъ собой, такъ близки, такъ связаны, что понимаютъ одинъ другого съ полуслова, съ намека. Тамъ только улавливается основная мелодія семейнаго счастья: wir treiben jezt Familienglück, was höher lockt, das ist vom Übel». Но гр. Толстой опять-таки чуть ли не набожно рисуетъ всю эту идиллію. «Пусть себѣ Шекспиры изображаютъ трагедію—я же ничего подобнаго не хочу знать»—можетъ быть у него была такая мысль, когда онъ провожалъ въ спальни свои пары. Но открыто онъ этого не сказалъ. Открыто устраивается торжественный апоѳеозъ этому семейному счастью, признающему, что все «болѣе высокое» происходитъ отъ дьявола. Впрочемъ, одна капля ироніи есть въ этомъ апоѳеозѣ — гр. Толстой не удержался. Но, увы! Иронія относится не къ Ростову, а къ Пьеру, и не по поводу его семейныхъ, домашнихъ дѣлъ, а по поводу

петербургскихъ замысловъ. Но и то иронія чуть-чуть замѣтна: всего два раза, словно невзначай, брошено по адресу Пьера словечко «самодовольство»...

Въ спальнѣ же Ростовыхъ — все чудесно. Графиня Марья даетъ читать мужу благочестивую литературу своего сочиненія, и мужъ, читая дневникъ жены, сознаетъ свое ничтожество предъ ея душевной высотой. Сверхъ того, графиня Марья, по поводу спора Пьера съ Николаемъ, предлагаетъ въ защиту апріорности новый аргументъ, который съ удовольствіемъ принимается Николаемъ, несмотря на то, что, собственно говоря, ему никакіе аргументы не нужны и что именно въ этомъ его высшее качество... Графиня Марья говоритъ: «по-моему, ты совершенно правъ. Я такъ и сказала Наташѣ. Пьеръ говоритъ, что всѣ страдаютъ, мучаются, развращаются и что нашъ долгъ — помочь бѣднымъ. Разумѣется (это «разумѣется» великолѣпно!), онъ правъ—говорила княжна Марья; но онъ забываетъ, что у насъ есть другія обязанности ближе, которыя самъ Богъ указалъ намъ, и что мы можемъ рисковать собой, а не дѣтьми». Вотъ какъ пишется исторія! Но это еще не все. Апріорный человѣкъ, ухватившись за аргументъ графини Марьи, сразу отъ дѣтей переходитъ къ разговорамъ о дѣлахъ, имѣніи, выкупахъ, платежахъ, о своемъ богатствѣ. Графинѣ Марьѣ такой переходъ показался неестественно рѣзкимъ: «ей хотѣлось сказать ему (мужу), что не о единомъ хлѣбѣ будетъ сытъ человѣкъ, что онъ слишкомъ много приписываетъ важности этимъ дѣламъ (подчеркнуто у гр. Толстого), но она знала, что этого говорить не нужно и безполезно. Она только взяла его за руку и поцѣловала. Онъ принялъ этотъ жестъ за одобреніе и подтвержденіе его

мыслей»... Неправда ли, какая чудесная дерзость?! Укажите, кто изъ писателей, кромѣ гр. Толстого, смѣлъ такъ открыто играть въ такую опасную игру! Графиня Марья, «всегда стремившаяся къ безконечному, вѣчному и совершенному», какъ ни въ чемъ не бывало соглашается на самое крайнее лицемѣріе, какъ только инстинктъ подсказываетъ ей, что грозитъ опасность прочности ея «духовнаго» союза съ мужемъ. Вѣдь еще шагъ и лицемѣріе возводится въ законъ, въ законъ—страшно сказать—совѣсти. Если хотите—никакого шага больше не нужно, онъ *уже* сдѣланъ въ словахъ графини Марьи. Но, что любопытнѣе всего, гр. Толстой и виду не подаетъ, что понимаетъ, черезъ какую пропасть онъ только-что перескочилъ. Онъ по обыкновенію ясенъ, свѣтелъ, прозраченъ.

Какую бы «психологію» сдѣлалъ изъ этого Достоевскій! Но гр. Толстой уже искушенъ. Онъ знаетъ, что каждый разъ, когда приближается антиномія, нужно дѣлать святое, невинное, дѣтски простодушное лицо,—иначе прощай навсегда всякія апріори, всеобщность, необходимость, прочность, почва, устои!.. И нѣтъ равнаго ему въ этомъ дипломатическомъ искусствѣ. Тутъ, можетъ быть, сказывается «порода», происхожденіе—десятокъ поколѣній «служившихъ» предковъ, всегда нуждавшихся въ парадномъ лицѣ... Гр. Толстой такимъ способомъ достигаетъ двойной цѣли: онъ сказалъ «правду»—и правда не подорвала жизни. До гр. Толстого идеализмъ не зналъ такихъ тонкихъ пріемовъ. Ему для своихъ эффектовъ всегда требовалась и грубая ложь, и «горячее» чувство, и краснорѣчіе, и мишура, и даже лубочныя краски.

Если бы Достоевскій вспомнилъ эпилогъ къ «Войнѣ

и миру», онъ бы понялъ, что сердиться на Левина за его безучастное отношеніе къ бѣдствіямъ славянъ есть анахронизмъ. Сердиться нужно было раньше—за «Войну и миръ». Если же «Война и миръ» принята, то приходится принять и «Анну Каренину», цѣликомъ, безъ всякихъ ограниченій, съ послѣдней частью. Вѣдь въ сущности и славянскія дѣла—большая путаница. Въ нихъ скрывается одна изъ антиномій—убивать или не убивать. Такъ отчего бы не отнести ихъ къ Ding an sich? Отчего бы не предоставить ихъ, какъ предлагаетъ Левинъ, въ исключительное вѣдѣніе правительства, памятуя примѣръ предковъ, передавшихъ всѣ дѣла правленія нарочито призваннымъ заморскимъ князьямъ?

Вся дѣятельность гр. Толстого, включая его послѣднія философски-публицистическія статьи и даже романъ «Воскресеніе» (одно изъ немногихъ, почти единственное относительно неудачное его произведеніе - въ немъ гр. Толстой словно собираетъ крохи отъ своего собственнаго, когда-то роскошнаго стола), не выходитъ за предѣлы указанной мною задачи. Онъ во что бы то ни стало хочетъ приручить тѣхъ бѣшеныхъ звѣрей, которые называются иностранными словами скептицизмъ и пессимизмъ. Онъ не скрываетъ ихъ отъ нашихъ глазъ, но держитъ въ крѣпчайшихъ и надежнѣйшихъ на видъ клѣткахъ, такъ что и самый недовѣрчивый человѣкъ начинаетъ ихъ считать не опасными, навѣки усмиренными. Послѣдняя формула гр. Толстого, которой подводится итогъ всей его неустанной многолѣтней борьбѣ, и которую онъ особенно торжественно возвѣстилъ въ своей книгѣ «Что такое искусство», гласитъ: «добро, братская любовь—есть Богъ». Говорить о ней здѣсь я не буду, такъ какъ имѣлъ случай въ другомъ

мѣстѣ подробно объяснить ея смыслъ и значеніе [1]). Я хочу только напомнить, что и это «убѣжденіе», которое, по настойчивому увѣренію гр. Толстого, имѣетъ своими родителями чистѣйшій разумъ и правдивую совѣсть, совсѣмъ не такого уже благороднаго происхожденія. Его породилъ все тотъ же страхъ предъ Ding an sich, все то же стихійное почти стремленіе «назадъ къ Канту» (какъ еще недавно восклицали хоромъ представители новѣйшей нѣмецкой философіи), въ силу которыхъ выпроваживался князь Андрей, возвеличивался Ростовъ, поэтизировалась княжна Марья и т. д. Оттого-то, какъ мы увидимъ ниже, положеніе, представляемое гр. Толстымъ какъ величайшая и возвышеннѣйшая истина, могло казаться кощунственной, безобразной и отвратительной ложью Достоевскому.

XI.

Итакъ, одинъ изъ способовъ борьбы съ пессимизмомъ и скептицизмомъ есть созданіе апріорныхъ сужденій и Ding an sich, короче—идеализмъ, который гр. Толстой формулируетъ въ словахъ «добро есть Богъ». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ предыдущаго слѣдуетъ, что идеализмъ нуждается во внѣшней опорѣ. Левину необходимо было жениться на Кити, повести хозяйство, ходить на охоту и пр., и пр. Одного «разума» оказалось недостаточно для возведенія этой воздушной постройки. Потребовалось «матеріальное», очень матеріальное основаніе. Но — основаніе лежитъ глубоко подъ землей; его никто не видитъ. Это всегда много помогало торжеству всего «высокаго» на землѣ. Вспомните хотя бы родо-

[1]) «Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Нитше».

начальниковъ европейскаго идеализма—Сократа и Платона съ ихъ ученіемъ о добрѣ. Казалось, оно соткано изъ чистѣйшихъ идей, брезгливо сторонящихся отъ всякаго соприкосновенія съ тѣмъ, что̀ не происходитъ отъ разума. Однако, въ чистую область идей контрабанда была все же пронесена—и какая контрабанда! Оказывается, что ученіе о преимуществѣ добра надъ зломъ не можетъ—я почти готовъ сказать *не хочетъ*—держаться одной діалектикой, какъ бы «божественна» она ни была. Для своего закрѣпленія оно нуждается въ такой грубой, такой матеріальной вѣрѣ, какъ вѣра въ воздаяніе. Собственно говоря, чего еще нужно, послѣ того какъ доказано, что испытать несправедливость лучше, чѣмъ причинить ее? Но на самомъ дѣлѣ этого мало. Въ діалогахъ Платона (Горгій, Государство, Федонъ) на поддержку добра призывается самое обыкновенное человѣческое средство. Тамъ объявляется, что злые будутъ наказаны въ свое время (въ будущей жизни), а добрые вознаграждены... Разъ добру принадлежитъ такое несомнѣнное торжество,—то, пожалуй, можно было бы и всякую діалектику оставить въ покоѣ. Самый неразвитой умъ способенъ понять преимущество добра, имѣющаго за собой хотя и далекаго, но совсѣмъ по земному устроеннаго и притомъ всесильнаго защитника. Но странное дѣло! Сократово-Платоновское воздаяніе вы найдете во всѣхъ почти идеалистическихъ системахъ нравственности. Всѣ моралисты считали необходимымъ дѣлать самого Бога покровителемъ добра или даже, какъ гр. Толстой, отождествлять добро съ Богомъ (это въ новѣйшее уже время—время позитивизма, эволюціи и т. д.). Очевидно, добро моралистовъ само по себѣ, an sich, представля-

лось не очень привлекательнымъ, и люди принимали его только изъ боязни возбудить противъ себя гнѣвъ всемогущаго существа. Идеализмъ далеко не такъ идеаленъ, какъ можно было ожидать въ виду той торжественности, съ которой выступали его провозвѣстники. Въ концѣ концовъ онъ живетъ самыми земными надеждами и его a priori и Ding an sich—только высокія стѣны, которыми онъ ограждаетъ себя отъ болѣе трудныхъ запросовъ дѣйствительной жизни. Въ этомъ смыслѣ идеализмъ подобенъ восточной деспотіи: снаружи все блестяще, красиво, вѣчно; внутри же—ужасы. Въ этомъ и причина того непонятнаго явленія, что такое невинное на первый взглядъ ученіе такъ часто дѣлалось предметомъ самой ожесточенной ненависти со стороны людей, менѣе всего заслуживающихъ подозрѣнія въ «природной» склонности къ злу. Но можно съ увѣренностью сказать, что всякій непримиримый врагъ идеализма былъ самъ когда-то, какъ Достоевскій или Нитше, крайнимъ идеалистомъ, и что «психологія», такъ пышно расцвѣтшая въ новое время, есть дѣло рукъ отступниковъ идеализма. И въ самомъ дѣлѣ, съ чего бы человѣку начать лазить въ глубину своей души, зачѣмъ провѣрять вѣрованія, несомнѣнно блестящія, красивыя, интересныя? Декартово de omnibus dubitandum тутъ, конечно, ни при чемъ: изъ-за методологическаго правила человѣкъ ни за что не согласится терять подъ собой почву. Скорѣй наоборотъ—потерянная почва полагаетъ начало всякому сомнѣнію. Вотъ, когда оказывается, что идеализмъ не выдержалъ напора дѣйствительности, когда человѣкъ, столкнувшись волей судебъ лицомъ къ лицу съ настоящей жизнью, вдругъ, къ своему ужасу, видитъ, что всѣ

красивыя апріори были ложью, тогда только впервые овладѣваетъ имъ тотъ безудержъ сомнѣнія, который въ одно мгновеніе разрушаетъ казавшіяся столь прочными стѣны старыхъ воздушныхъ замковъ. Сократъ, Платонъ, добро, гуманность, идеи—весь сонмъ прежнихъ ангеловъ и святыхъ, оберегавшихъ невинную человѣческую душу отъ нападеній злыхъ демоновъ скептицизма и пессимизма, безслѣдно исчезаетъ въ пространствѣ, и человѣкъ предъ лицомъ своихъ ужаснѣйшихъ враговъ впервые въ жизни испытываетъ то страшное одиночество, изъ котораго его не въ силахъ вывести ни одно самое преданное и любящее сердце. Здѣсь-то и начинается философія трагедіи. Надежда погибла навсегда, а жизнь – есть, и много жизни впереди. Умереть нельзя, хотя бы и хотѣлъ. Ошибался древній русскій князь, когда говорилъ, что мертвые срама не имутъ. Спросите Достоевскаго. Онъ скажетъ вамъ устами Димитрія Карамазова иное: «многое узналъ я въ эту ночь. Узналъ, что не только жить, но и умереть подлецомъ невозможно». Понимаете? Всѣ апріори погибли, философія Канта и гр. Толстого кончена, начинается область Ding an sich... Угодно ли вамъ слѣдовать туда за Достоевскимъ и Нитше? Обязательнаго въ этомъ нѣтъ ничего: кто хочетъ – вправѣ уйти «назадъ къ Канту». Вы не убѣждены, что найдете здѣсь то, что вамъ нужно – какую бы то ни было «красоту». Можетъ быть здѣсь ничего кромѣ безобразнаго нѣтъ. Несомнѣнно только одно: тутъ есть дѣйствительность, новая, неслыханная, невиданная или, лучше сказать, не выставленная до сихъ поръ дѣйствительность, и тѣ люди, которые принуждены ее звать своей дѣйствительностью, которымъ не дано

вернуться обратно въ простую жизнь, гдѣ заботы о здоровьѣ Кити, споры съ Кознышевымъ, устроеніе имѣній, сочиненіе книгъ и т. д. вводятъ даже видавшихъ виды Левиныхъ въ обычную колею человѣческаго существованія, тѣ люди будутъ смотрѣть на все иными глазами, чѣмъ мы. Мы можемъ отречься отъ этихъ людей: какое намъ до нихъ дѣло! Мы такъ и поступали, поступаемъ до сихъ поръ.

Н. К. Михайловскій въ своей извѣстной и во многихъ отношеніяхъ примѣчательной статьѣ назвалъ Достоевскаго «жестокимъ талантомъ». Опредѣленіе чрезвычайно мѣткое: я думаю, что оно навсегда удержится за Достоевскимъ. Къ сожалѣнію, критикъ хотѣлъ этими двумя словами не только дать характеристику художника, но также и произнести приговоръ надъ нимъ и всей его дѣятельностью. Жестокій—значитъ исковерканный, изуродованный, а потому и негодный. Н. К. Михайловскому остается только скорбѣть о томъ, что такъ случилось—что Достоевскій, имѣя огромный талантъ, не былъ вмѣстѣ съ тѣмъ жрецомъ гуманности. Это сужденіе критика основывается на томъ предположеніи, что гуманность несомнѣнно выше, лучше жестокости... Несомнѣнно? Но гдѣ же декартовское правило, о которомъ сейчасъ шла рѣчь, гдѣ de omnibus dubitandum? О немъ, конечно, Н. К. Михайловскій былъ освѣдомленъ. Но оно, по своему обыкновенію, осталось бездѣйствовать, отлично зная, что ему всегда нужно приходить послѣднимъ, если оно желаетъ быть bienvenu.

Тотъ же Н. К. Михайловскій, въ другой своей статьѣ, говоря о Прудонѣ, передаетъ цѣлый рядъ фактовъ, доказывающихъ, что знаменитый французъ, съ

именемъ котораго въ Россіи связывали представленіе о лучшемъ борцѣ за высокія идеи, былъ въ жизни «плутоватымъ» человѣкомъ. Свой разсказъ онъ заключаетъ слѣдующими словами: «совсѣмъ не весело подбирать эти тусклыя черты, потому что, подбирая ихъ, приходится отрывать нѣчто отъ сердца». И затѣмъ, непосредственно за этимъ, по странной ассоціаціи идей, прибавляетъ: «это не фраза». Не знаю, какъ поняли другіе читатели, но что касается меня, то я именно подумалъ, что приведенныя слова — фраза. Ничего Н. К. Михайловскому не пришлось отрывать отъ сердца. Это не значитъ, что онъ былъ равнодушенъ къ прудоновскимъ идеямъ. И еще меньше я хотѣлъ бы сказать, что Н. К. Михайловскій склоненъ къ разговорамъ ради разговоровъ: наоборотъ, въ его произведеніяхъ «фраза» встрѣчается такъ же рѣдко, какъ у большинства другихъ писателей серьезная мысль. Но на этотъ разъ фальшь была несомнѣнная, почему и потребовалась оговорка. Очевидно, даже такое неожиданное открытіе, какъ то, что творецъ высокихъ идей былъ въ жизни не совсѣмъ честнымъ человѣкомъ, не могло поразить Н. К. Михайловскаго. Онъ самъ смущенъ своимъ спокойствіемъ и, не умѣя объяснить или не имѣя времени подумать надъ этимъ страннымъ явленіемъ, спѣшитъ замаскировать его шаблонной, залежавшейся въ памяти фразой. Въ этомъ незначущемъ на первый взглядъ психологическомъ фактѣ выразилось очень многое. Для Н. К. Михайловскаго (хотя онъ въ своей статьѣ и утверждаетъ обратное) самъ Прудонъ, повидимому, ничего не значилъ. Прудонъ лишь воплощеніе великой идеи гуманности (да будетъ мнѣ дозволено пользоваться этимъ словомъ въ

его самомъ широкомъ смыслѣ), ну, а развѣ цѣлая армія Прудоновъ-мошенниковъ, даже Прудоновъ-разбойниковъ и убійцъ могла бы набросить хоть тѣнь сомнѣнія на величіе идеи! Гуманность держится не авторитетомъ французскихъ писателей, она—часть души самого Н. К. Михайловскаго, и часть самая прочная. Объ этомъ онъ самъ хорошо говоритъ въ предисловіи къ новому изданію своихъ сочиненій, въ предисловіи, подводящемъ итогъ его многолѣтней литературной дѣятельности: «всякій разъ, какъ мнѣ приходитъ въ голову слово «правда», я не могу не восхищаться его поразительной внутренней красотой. Такого слова нѣтъ, кажется, ни въ одномъ европейскомъ языкѣ. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются однимъ и тѣмъ же словомъ и какъ бы сливаются въ одно великое цѣлое. Правда, въ этомъ огромномъ смыслѣ слова всегда состояла цѣль моихъ исканій... Я никогда не могъ повѣрить и теперь не вѣрю, чтобы нельзя было найти такую точку зрѣнія, съ которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука объ руку, одна другую пополняя». Въ этихъ словахъ—объясненіе того, почему Н. К. Михайловскій остается спокойнымъ, дѣлая свое открытіе о Прудонѣ, хотя онъ и знаетъ, что въ такихъ случаяхъ полагается очень сильно огорчаться. Что̀ Прудонъ, когда есть у человѣка въ душѣ идея, прочная какъ гранитъ, aere perennius, нерукотворная! Вотъ эта-то непоколебимая вѣра въ идею, въ гуманность, въ правду, которая приняла какъ фактъ второстепенной важности открытіе о Прудонѣ (вѣроятно, Н. К. Михайловскій дѣлалъ въ своей жизни не одно такое открытіе и не разъ удивлялся черствости своей души и даже, быть

можетъ, бичевалъ себя за то), помѣшала критику остановиться въ виду необычайнаго случая «жестокаго таланта». Вѣдь не жестокая бездарность—а жестокій талантъ, т.-е. свойство человѣка, по поводу котораго и самые крайніе позитивисты не стѣсняются вспоминать имя Божіе. И вдругъ талантъ оказывается въ услуженіи у жестокости! Но Н. К. Михайловскій одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ избранниковъ, которымъ дано всю жизнь служить идеямъ. Такимъ людямъ и идеи служатъ, оберегая ихъ отъ ужаснѣйшихъ переживаній. Не то было съ Достоевскимъ. Ему не удалось остаться до конца жизни жрецомъ своей молодой вѣры. Онъ былъ обреченъ на участь перебѣжчика, измѣнника, предателя. Такимъ людямъ идеи мстятъ, и мстятъ безжалостно, неумолимо. Нѣтъ позора, невидимаго, внутренняго, нѣтъ униженія, которое бы не выпадало на ихъ долю. Каторга Достоевскаго продолжалась не четыре года, а всю жизнь... Н. К. Михайловскій, конечно, правъ, когда объясняетъ міровоззрѣніе Достоевскаго вынесенными имъ испытаніями. Но вопросъ въ томъ, дѣйствительно ли такія испытанія мѣшаютъ людямъ видѣть «истину»? Не наоборотъ ли? Вѣдь можетъ быть, что обыденная жизнь среди обыденныхъ людей даетъ и философію обыденности! А кто поручится, что именно такая философія нужна людямъ? Можетъ быть, чтобъ обрѣсти истину, нужно прежде всего освободиться отъ всякой обыденности? Такъ что каторга не только не опровергаетъ «убѣжденій», но оправдываетъ ихъ; и настоящая, истинная философія есть философія каторги. . Если все это такъ, то, значитъ, и гуманность, родившаяся среди вольныхъ людей, не вправѣ тащить жестокость къ позорному столбу и попрекать ее ея

темнымъ, каторжнымъ происхожденіемъ, и должна уступить своей униженной противницѣ всѣ несчетныя права и преимущества, которыми она до сихъ поръ пользовалась въ мірѣ, и прежде всего блестящую свиту поэтовъ, художниковъ, философовъ и проповѣдниковъ, которые въ теченіе тысячелѣтій неустанно расточали ей высокія похвалы...

Во всякомъ случаѣ, справедливость требуетъ отъ насъ, чтобы мы по крайней мѣрѣ безпристрастно и внимательно выслушали подпольнаго, жестокаго человѣка, не смущаясь ни страхами гр. Толстого, ни непоколебимой вѣрой въ правду Н. К. Михайловскаго.

XII.

Скептицизмъ и пессимизмъ возбуждаютъ въ подпольномъ человѣкѣ такой же мистическій ужасъ, какъ и въ гр. Толстомъ, но вернуться къ обыденности, даже прилично притвориться предъ собой и другими вернувшимся къ обыденности (онъ бы, можетъ быть, пошелъ на это) ему не дано. Онъ знаетъ, что былое быльемъ поросло, что гранитъ, aere perennius, нерукотворность— все то, словомъ, на чемъ люди основывали до сихъ поръ свою «прочность», всѣ ихъ «апріори» для него безвозвратно погибли. И онъ съ дерзостью не имѣющаго надежды сразу рѣшается перейти за роковую черту, сдѣлать тотъ страшный шагъ, отъ котораго его предостерегали и завѣты прошлаго, и собственный опытъ уже прожитыхъ сорока лѣтъ. Побѣдить идеализмомъ свои несчастія и сомнѣнія — невозможно. Всѣ попытки борьбы въ этомъ направленіи не привели ни къ чему: «это «прекрасное и высокое» сильно-таки надавило мнѣ

затылокъ въ мои сорокъ лѣтъ», говоритъ у Достоевскаго его подпольный человѣкъ. Остается одно: оставить безплодную борьбу и пойти вслѣдъ за скептицизмомъ и пессимизмомъ, посмотрѣть — куда они приведутъ человѣка. Это значитъ сказать себѣ: «все, что цѣнилось, все, что считалось прекраснымъ и высокимъ — въ этой жизни для меня запретный плодъ. Но я живу еще, я буду еще долго жить въ новыхъ, страшныхъ условіяхъ. Такъ создамъ же я себѣ свое прекрасное и высокое». Иначе говоря, начинается «переоцѣнка всѣхъ цѣнностей». Идеализмъ, совершенно неожиданно для себя, обращается изъ безгрѣшнаго судьи въ подсудимаго. Достоевскому стыдно вспомнить, что онъ когда-то самъ былъ идеалистомъ. Онъ хотѣлъ бы отречься отъ своего прошлаго и за невозможностью обмануть себя, старается представить себѣ свою недавнюю жизнь въ иномъ свѣтѣ, придумываетъ себѣ смягчающія вину обстоятельства. «У насъ, русскихъ, вообще говоря, никогда не бывало глупыхъ, надзвѣздныхъ, нѣмецкихъ и особенно французскихъ романтиковъ, на которыхъ ничего не дѣйствуетъ, хоть земля подъ ними трещи, хоть погибай вся Франція на баррикадахъ — они все тѣ же, даже для приличія не измѣняются и все будутъ пѣть свои надзвѣздныя пѣсни, такъ сказать, по гробъ своей жизни, потому что они дураки. У насъ же, въ русской землѣ, нѣтъ дураковъ»... [1]). Ужъ будто у насъ нѣтъ «дураковъ!» А кто по ночамъ воспѣвалъ Макара Дѣвушкина? Кто обливался слезами надъ Наташей даже въ ту пору, когда земля уже трещала подъ ногами? Увы, этихъ страницъ прошлаго не вытравить изъ памяти, сколько ни хитри. Изъ всѣхъ нашихъ романти-

[1]) Записки изъ подполья, 107.

ковъ, Достоевскій былъ самымъ мечтательнымъ, самымъ надзвѣзднымъ, самымъ искреннимъ.

Теперь, когда наступилъ страшный судъ и когда онъ увидѣлъ, что порядокъ на этомъ судѣ иной, чѣмъ обѣщали Сократъ и Платонъ, и что, несмотря на его добродѣтели, его, съ толпой ему подобныхъ, загнали ошую, онъ хочетъ хоть немного оправдаться. Можетъ быть онъ вспомнилъ — въ такихъ случаяхъ, какъ извѣстно, память бываетъ всегда назойливо услужливой — можетъ, онъ вспомнилъ, что вѣдь его и предупреждали. Ему говорили, что цѣлой сотнѣ праведниковъ такъ не обрадуются на судѣ, какъ одному раскаявшемуся грѣшнику. Онъ долженъ былъ бы понять, что праведники, всѣ эти «надзвѣздные романтики», считаются дюжинами и на послѣднемъ судѣ, въ качествѣ дюжинныхъ людей, не могутъ разсчитывать на прощеніе. Но прежде онъ не слышалъ или не понималъ предостерегающаго голоса, а теперь — теперь почти уже поздно, теперь раскаяніе, самобичеваніе — уже ни къ чему. Онъ осужденъ и, конечно, навѣки. На страшномъ судѣ нѣтъ иныхъ приговоровъ. Это не то, что у гр. Толстого въ его дѣлахъ съ совѣстью, налагающей приговоры условные, человѣческіе, въ которыхъ есть и правда, и милость и—главное—обѣщаніе прощенія. Тутъ прощенія нѣтъ. Но, что̀ еще хуже, здѣсь и резиньяція, на которую такъ всегда разсчитываютъ моралисты, не помогаетъ. Вотъ вамъ свидѣтельство свѣдущаго въ этихъ дѣлахъ подпольнаго человѣка:... «передъ стѣной непосредственные люди... искренно пасуютъ. Для нихъ стѣна не отводъ, какъ, напримѣръ, для насъ... не предлогъ воротиться съ дороги. Нѣтъ, они пасуютъ со всей искренностью. Стѣна имѣетъ для нихъ что-то успокои-

тельное, нравственно разрѣшающее и окончательное, пожалуй даже, что-то мистическое» [1]). Языкъ, конечно, иной,—но кто не узнаетъ въ этой стѣнѣ кантовскихъ a priori, поставленныхъ предъ Ding an sich? Философовъ они очень удовлетворяли, но Достоевскій, которому больше всего на свѣтѣ нужно было это «успокоительное, нравственно разрѣшающее и окончательное», сознательно предпочитаетъ лучше расшибить голову о стѣну, чѣмъ примириться съ ея непроницаемостью. «Страшно впасть въ руки Бога живаго!» Вы видите, что «вѣчныя» истины были придуманы мудрецами не столько для нуждающихся въ утѣшеніи, сколько для утѣшителей, т.-е. для себя самихъ. Отъ этой мысли Достоевскій приходитъ въ ужасъ. Вѣдь онъ же всей своей жизнью, всѣмъ своимъ прошлымъ олицетворялъ идею утѣшающаго. Онъ былъ романистомъ, учившимъ людей вѣрить, что ужасная судьба униженныхъ и оскорбленныхъ искупается слезами и добрыми чувствами читателей и писателей. Его счастье, его вдохновеніе питалось «послѣднимъ человѣкомъ», «братомъ»... Лишь тогда, когда человѣкъ воочію убѣждается, что такую безобразную ложь онъ могъ цѣлые годы лелѣять въ душѣ своей и чтить, какъ великую и святую истину, лишь тогда онъ начинаетъ понимать, какъ нельзя вѣрить «идеямъ» и въ какія прекрасныя и соблазнительныя формы могутъ облекаться самыя низменныя побужденія наши, если имъ нужно взять власть надъ нашей душой. И точно, что́ можетъ быть ужаснѣй пѣвца «бѣдныхъ людей», орошающаго свой поэтическій цвѣтникъ слезами Макара Дѣвушкина и Наташи.

---

[1]) Ib., 77.

Теперь ясно, отчего Достоевскій не можетъ возвратиться къ прежнему успокоенію, къ той стѣнѣ, которая заключаетъ въ себѣ столько нравственно разрѣшающаго и окончательнаго для непосредственныхъ людей. Лучше какая угодно правда, чѣмъ такая ложь, говоритъ онъ себѣ—и отсюда у него мужество, съ которымъ онъ глядитъ въ лицо дѣйствительности. Помните почти безсмысленное, но геніальное выраженіе шекспировскаго Лира: «отъ медвѣдя ты побѣжишь, но, встрѣтивъ на пути бушующее море, къ пасти звѣря пойдешь назадъ»? Достоевскій побѣжалъ отъ дѣйствительности, но, встрѣтивъ на пути идеализмъ—пошелъ назадъ: всѣ ужасы жизни не такъ страшны, какъ выдуманныя совѣстью и разумомъ идеи. Чѣмъ обливаться слезами надъ Дѣвушкинымъ—лучше правду объявить: пусть свѣтъ провалится, а чтобъ мнѣ чай былъ. Не легко было Достоевскому принять такую «правду», да и что съ ней дѣлать человѣку, у котораго въ прошломъ—Макаръ Дѣвушкинъ и каторга, а въ настоящемъ—падучая и всѣ прелести жизни изо дня въ день бьющагося, уже не молодого, но почти начинающаго петербургскаго писателя? Когда-то думали, что «истина» утѣшаетъ, укрѣпляетъ человѣка, поддерживаетъ въ немъ бодрость духа. Но истина подполья совсѣмъ иначе устроена, чѣмъ ея великодушныя предшественницы. Она нимало не думаетъ о человѣкѣ, а если, метафорически выражаясь, ей и можно приписать кой-какія намѣренія, то во всякомъ случаѣ никакъ не благожелательныя. Успокаивать—не ея дѣло. Вотъ развѣ посмѣяться, обидѣть—на это она еще способна... «Законы природы постоянно и болѣе всего всю жизнь обижали меня», разсказываетъ подпольный человѣкъ. Удиви-

тельно ли, что у него не можетъ быть нѣжности ни къ истинамъ, ни къ идеаламъ, если тѣ и другіе, то въ формѣ законовъ природы, то въ формѣ высокихъ ученій о нравственности, только и знали, что оскорблять и унижать ни въ чемъ неповинное и ребячески довѣрчивое существо? Чѣмъ можно отвѣтить такимъ властелинамъ? Какое чувство, кромѣ вѣчной, непримиримой ненависти можно питать къ естественному порядку и къ гуманности? Спенсеръ проповѣдывалъ приспособленіе, моралисты—покорность судьбѣ. Но все это хорошо при предположеніи, что приспособиться еще возможно, а покорность принесетъ хотя бы покой. «При предположеніи!» Но психологія уже показала намъ, что всѣ предположенія придуманы только для предполагающихъ и что даже гр. Толстой принялъ участіе въ заговорѣ противъ униженныхъ и оскорбленныхъ.

Въ этомъ причина, почему Достоевскій, къ удивленію его современниковъ, съ такимъ страннымъ упорствомъ отказывался благоговѣть предъ гуманными идеями, такъ безраздѣльно господствовавшими въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ въ нашей литературѣ. Н. К. Михайловскій справедливо видѣлъ въ немъ «злонамѣреннаго» человѣка (какъ только этотъ эпитетъ забрелъ на страницы сочиненій Н. К. Михайловскаго—мы привыкли его встрѣчать въ иныхъ мѣстахъ). Какъ, напримѣръ, подпольный человѣкъ разсуждаетъ о «будущемъ счастьѣ человѣчества», т.-е. о томъ краеугольномъ камнѣ, на которомъ покоились и до сихъ поръ покоятся всѣ «убѣжденія» гуманныхъ людей! «Тогда-то, говоритъ онъ, настанутъ новыя экономическія отношенія, совсѣмъ уже готовыя..., такъ что въ одинъ мигъ исчезнутъ всевозможные вопросы собственно потому, что на нихъ

получатся всевозможные отвѣты. Тогда выстроится хрустальный дворецъ. Ну, словомъ, тогда прилетитъ птица Каганъ». Видно, что говоритъ злонамѣренный человѣкъ, посягающій на спокойствіе и благополучіе своихъ ближнихъ. Но это еще ничего—пока только одна иронія. А дальше слѣдуетъ уже почти «призывъ къ дѣлу». «Я, напримѣръ, продолжалъ онъ, нисколько не удивлюсь, если вдругъ, ни съ того, ни съ сего, среди всеобщаго будущаго благоразумія возникнетъ какой-нибудь джентельменъ съ неблагородной или, лучше сказать, ретроградной и насмѣшливой физіономіей, упретъ руки въ бока и скажетъ намъ всѣмъ: «а что, господа, не столкнуть ли намъ все это благоразуміе съ одного раза, ногой, прахомъ, единственно съ той цѣлью, чтобы всѣ эти логариѳмы отправить къ чорту и чтобы намъ опять на своей волѣ пожить?» [1]). Очевидно, вы имѣете тутъ дѣло не съ діалектикомъ. Достоевскому не до спора, совсѣмъ не до спора. Онъ вѣдь не чужія, а свои собственныя надежды убиваетъ. «Я это говорилъ вовсе не потому, что ужъ такъ люблю мой языкъ выставлять, признается онъ далѣе. Я, можетъ быть, на то только и сердился, что такого зданія, которому бы можно было не выставлять языка, изъ всѣхъ вашихъ зданій до сихъ поръ не находится». Человѣкъ съ ретроградной и насмѣшливой физіономіей тутъ, значитъ, ни при чемъ. Вопросъ идетъ о томъ, можетъ ли примирить хрустальное зданіе Достоевскаго съ его прошлой, настоящей, съ его вѣчной каторгой? И отвѣтъ на него дается рѣзко отрицательный: нѣтъ, не можетъ. Если задача человѣка обрѣсти счастье на землѣ, то, значитъ, все навсегда погибло. Эта задача уже невыполнима,

[1]) Записки изъ подполья, 90.

ибо развѣ будущее счастье можетъ искупить несчастье прошлаго и настоящаго? Развѣ судьба Макара Дѣвушкина, котораго оплевываютъ въ XIX столѣтіи, становится лучше оттого, что въ XXII столѣтіи никому не будетъ дозволено обижать своего ближняго? Не только не лучше, а хуже. Нѣтъ, если уже на то пошло, такъ пусть же навѣки несчастье живетъ среди людей, пусть и будущихъ Макаровъ оплевываютъ. Достоевскій теперь не только не хочетъ пріуготовлять основаніе для будущихъ великолѣпій хрустальнаго дворца,—онъ съ ненавистью, злобой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ тайной радостью заранѣе торжествуетъ при мысли, что всегда найдется какой-нибудь джентельменъ, который не дастъ водвориться на землѣ благополучію. Джентельменъ—лицо, конечно, очень фантастическое; для человѣка вѣрующаго онъ, разумѣется, не доводъ. Но вѣдь здѣсь и не въ доводахъ дѣло. Сущность въ томъ, что Достоевскій не хочетъ всеобщаго счастья въ будущемъ, не хочетъ, чтобъ это будущее оправдывало настоящее. Онъ требуетъ иного оправданія и лучше предпочитаетъ до изнеможенія колотиться головой объ стѣну, чѣмъ успокоиться на гуманномъ идеалѣ. Люди избрали себѣ благой удѣлъ, спасовавши предъ стѣной. Но такая доля уготовлена не для всѣхъ. A priori существуетъ только для непосредственныхъ натуръ. Что̀ же остается Достоевскому?

XIII.

Въ «Запискахъ изъ подполья» Достоевскій отрекается отъ своихъ идеаловъ, отъ тѣхъ идеаловъ, которые, какъ ему казалось, онъ вынесъ нетронутыми

изъ каторги. Я говорю «казалось», ибо на самомъ дѣлѣ то, что онъ принималъ во время своей жизни въ острогѣ и въ первые годы свободы за идеалы, была лишь — надѣюсь теперь это очевидно — обманчивая вѣра, что по окончаніи срока наказанія онъ станетъ прежнимъ вольнымъ человѣкомъ. Какъ и всѣ люди, онъ принималъ собственную надежду за идеалъ и торопился вырвать изъ себя всѣ воспоминанія о каторгѣ или по крайней мѣрѣ приспособить ихъ къ условіямъ новой жизни. Но его старанія ни къ чему или, вѣрнѣе, почти ни къ чему не привели. Каторжныя истины, какъ онъ ихъ ни приглаживалъ и ни прибиралъ, сохранили слишкомъ явные слѣды своего происхожденія. Изъ-подъ пышныхъ уборовъ глядѣли на читателей угрюмыя, клейменыя лица, виднѣлись бритыя головы. Въ шумихѣ громкихъ словъ слышался звонъ цѣпей. Только «Записки изъ мертваго дома» были приняты публикой и критикой, какъ нѣчто свое, обыденное, вольное. И точно, въ этомъ произведеніи Достоевскій проявляетъ — одинъ разъ въ жизни — почти толстовское искусство примиренія дѣйствительности съ принятыми идеалами. Читатель уходилъ отъ «Записокъ изъ мертваго дома» просвѣтленнымъ, возвысившимся, умиленнымъ, готовымъ на борьбу со зломъ, и т. д. — совсѣмъ какъ того требовала современная эстетика. И, кстати, въ своемъ возвышенномъ настроеніи и въ своей готовности считалъ Достоевскаго такимъ же хорошимъ и добрымъ человѣкомъ, какъ и самого себя. А между тѣмъ чуточку вниманія и поменьше восторженности — и въ «Запискахъ изъ мертваго дома» открываются такіе перлы, какихъ и въ подпольѣ не найдешь. Напримѣръ, хотя бы эти заключительныя слова романа: «сколько

въ этихъ стѣнахъ погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо уже все сказать; вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего. Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно»... Кто изъ русскихъ людей не знаетъ этихъ строкъ наизусть? Да и не имъ ли наполовину обязанъ романъ своей славой? Значитъ, умѣлъ же Достоевскій принарядить эту безобразную и отвратительную мысль. Какъ? Лучшіе русскіе люди живутъ въ каторгѣ?! Самый даровитый, самый сильный, необыкновенный народъ, это — убійцы, воры, поджигатели, разбойники? И кто такъ говоритъ? Человѣкъ, жившій съ Бѣлинскимъ, Некрасовымъ, Тургеневымъ, Григоровичемъ, со всѣми тѣми людьми, которые до сихъ поръ считались красой и гордостью Россіи! И имъ предпочесть клейменыхъ обитателей мертваго дома? Но вѣдь это — настоящее безуміе. А между тѣмъ два поколѣнія читателей видѣли въ этомъ сужденіи выраженіе высокой гуманности Достоевскаго. Полагали, что это онъ такъ въ смиреніи своемъ, въ своей любви къ ближнему на новый ладъ воспѣваетъ послѣдняго человѣка. Даже для приличія не замѣтили, что пѣвецъ на этотъ разъ въ своемъ усердіи зашелъ уже слишкомъ далеко. Только въ самое послѣднее время, наконецъ, обратили вниманіе (и то, собственно говоря, случайно) на несообразность такого смиренія. Но все же не осмѣлились открыто упрекнуть Достоевскаго—до того уже укрѣпилась репутація святости за приведеннымъ отрывкомъ. Постарались только ослабить его значеніе соотвѣтствующей интерпретаціей.

Стали указывать на то обстоятельство, что во времена Достоевскаго каторжники собственно не были настоящими преступниками, а были только протестантами — большей частью людьми, возставшими противъ безобразія крѣпостныхъ порядковъ.

Объясненіе, хотя и запоздалое, но, конечно, необходимое. Къ сожалѣнію, оно совершенно лишено какого бы то ни было основанія. Достоевскій протестантовъ въ каторгѣ не очень любилъ, только что переносилъ ихъ. Вспомните, какъ онъ говоритъ о политическихъ преступникахъ. Его восторги относятся къ настоящимъ каторжникамъ, вотъ къ тѣмъ, о которыхъ его товарищъ по заключенію, полякъ М-цкій, всегда говорилъ: je haïs ces brigands — и только къ этимъ. Въ нихъ-то онъ нашелъ и силы, и дарованія, и необыкновенность, ихъ-то онъ поставилъ выше Бѣлинскаго, Тургенева и Некрасова; намъ предоставляется возмущаться такимъ сужденіемъ, смѣяться надъ нимъ, проклинать его — что угодно; но Достоевскій именно это и *только* это хотѣлъ сказать.

Въ противоположность поляку М-цкому, Достоевскій въ этихъ brigands видѣлъ, если «надо уже все сказать», — а вѣдь я думаю, пора уже, — свой «идеалъ», и какъ когда-то отъ Бѣлинскаго, такъ теперь отъ нихъ принялъ все ихъ, хотя и ни въ какихъ книгахъ не записанное, но несомнѣнно очень опредѣленное и отчетливое ученіе о жизни. Принялъ, правда, не съ радостью и съ готовностью, а потому, что иначе не могъ, и не соображаясь съ тѣмъ, что̀ оно принесетъ ему: въ этихъ случаяхъ beneficium inventarii не полагается... Онъ и самъ не хочетъ признаться даже себѣ, что учился у каторжниковъ. Защищая свои новыя воззрѣнія, онъ

все ссылается на народъ. »... Нѣчто другое измѣнило нашъ взглядъ, наши убѣжденія и сердца наши. Это нѣчто другое было непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, братское соединеніе съ нимъ въ общемъ несчастіи, понятіе, что самъ сталъ такимъ же, какъ онъ, съ нимъ сравненъ и даже приравненъ къ низшей ступени его» [1]).

Но какой же это народъ — тѣ люди, съ которыми жилъ Достоевскій? Это — каторжники, это тѣ элементы, которые народъ извергаетъ изъ себя. Жить съ ними значитъ не сойтись, не соприкоснуться съ народомъ, а уйти отъ него такъ далеко, какъ не уходилъ ни одинъ изъ проживающихъ постоянно за границей абсентеистовъ нашихъ. Этого не должно ни на минуту забывать. А если такъ, то, стало быть, и все благоговѣніе Достоевскаго предъ народомъ, которое дало ему столько преданныхъ и страстныхъ поклонниковъ, относилось къ совсѣмъ иному божеству, и русскіе, «вѣрующіе» читатели были жестоко и неслыханно обмануты своимъ учителемъ. Правда, Достоевскій былъ не первымъ учителемъ, обманувшимъ своихъ учениковъ. Но на такую подмѣну не у многихъ хватило бы мужества. Я полагаю, что самъ Достоевскій, несмотря на свою необыкновенную проницательность и чуткость ко всему, что относилось къ идеаламъ и вѣрѣ (онъ авторъ «великаго инквизитора»), въ данномъ случаѣ не вполнѣ давалъ себѣ отчетъ въ томъ, что онъ дѣлалъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить въ каторжниковъ, и если въ приведенномъ отрывкѣ изъ «мертваго дома» возводитъ ихъ на столь недосягаемый пьедесталъ, то лишь въ смутной надеждѣ, что каторжниковъ все еще можно будетъ подчинить

[1]) «Гражданинъ». 1873 г. № 50.

болѣе высокой идеѣ. По крайней мѣрѣ въ своихъ сочиненіяхъ Достоевскій всего одинъ только разъ открыто преклонился предъ своими товарищами по заключенію. И то, вѣроятно, потому, что «Записки изъ мертваго дома» своимъ общимъ колоритомъ устраняютъ всякую возможность подозрѣнія у читателя. Въ нихъ столько умиленія предъ добромъ, столько художественности. Читатель уже давно пересталъ присматриваться къ отдѣльнымъ мыслямъ: говори, что хочешь, все сойдетъ за высокую идею.

А между тѣмъ, всѣ вынесенныя Достоевскимъ въ Сибири испытанія были ничтожны по своему значенію по сравненіи съ этой страшной необходимостью преклониться предъ каторжными. «Знаешь ли ты, мой другъ, слово презрѣніе? И муки твоей справедливости быть справедливымъ къ тѣмъ, кто презираетъ тебя?» спрашиваетъ Нитше. И точно — нѣтъ большихъ мукъ въ жизни. А Достоевскому пришлось узнать ихъ. Каторжники *презирали* его, объ этомъ свидѣтельствуетъ чуть ли не каждая страница «Записокъ изъ мертваго дома», а сознаніе, совѣсть, «справедливость» не давали ему мстить тѣмъ же, отвѣчать на презрѣніе презрѣніемъ. Онъ еще принужденъ былъ, какъ Нитше, взять сторону своихъ неумолимыхъ враговъ, признать въ нихъ—и, повторяю, не за страхъ, не по величію своей снисходящей къ послѣднему человѣку души, а за совѣсть, — учителей своихъ, высшихъ, наиболѣе даровитыхъ людей, которые своимъ существованіемъ оправдываютъ все, что есть безобразнаго, ничтожнаго, ненужнаго въ жизни, т.-е. Достоевскихъ, Тургеневыхъ, Бѣлинскихъ и т. д.

Такое страшное бремя вынесъ Достоевскій изъ своей

каторги. Съ годами оно не только не становилось легче, но все болѣе и болѣе давило его. Свалить его съ себя онъ не могъ до самыхъ послѣднихъ дней своихъ. Нужно было его нести, нужно было его скрывать отъ всѣхъ глазъ и при томъ еще «учить» людей. Какъ справиться съ такой задачей?

XIV.

Отвѣтомъ является вся послѣдующая литературная дѣятельность Достоевскаго. Униженными и оскорбленными отнынѣ онъ уже почти не занимается, развѣ только иногда, между дѣломъ, по старой привычкѣ. Любимая его тема - преступленіе и преступникъ. Предъ нимъ неотступно стоитъ одинъ вопросъ: «что это за люди, каторжники? Какъ случилось, что они показались мнѣ, продолжаютъ казаться правыми въ своемъ презрѣніи ко мнѣ и отчего я невольно чувствую себя предъ ними такимъ уничтоженнымъ, такимъ слабымъ, такимъ, страшно сказать, *обыкновеннымъ.* И неужели это — истина? Этому — нужно учить людей?» Въ томъ, что у Достоевскаго былъ такой вопросъ, сомнѣваться невозможно. Статья Раскольникова ясно говоритъ объ этомъ. Въ ней люди дѣлятся не на добрыхъ и на злыхъ, а на обыкновенныхъ и необыкновенныхъ, причемъ въ разрядъ обыкновенныхъ зачисляются всѣ «добрые», повинующіеся въ своей духовной ограниченности нравственнымъ законамъ; необыкновенные же сами создаютъ законы, имъ — «все позволено». Разумихинъ вѣрно резюмируетъ смыслъ статьи, когда говоритъ Раскольникову: «что̀ дѣйствительно *оригинально* во всемъ этомъ (то-есть въ статьѣ и объяс-

нительныхъ къ ней разсужденіяхъ Раскольникова) и дѣйствительно принадлежитъ одному тебѣ, къ моему ужасу, это—то, что ты все-таки кровь *по совѣсти* разрѣшаешь и, извини меня, съ такимъ фанатизмомъ даже... Въ этомъ стало быть и главная мысль твоей статьи заключается. Вѣдь это разрѣшеніе крови *по совѣсти*, это... это, по-моему, страшнѣе, чѣмъ оффиціальное разрѣшеніе кровь проливать, законное» [1]. (Слова «оригинально» и «по совѣсти» подчеркнуты у самого Достоевскаго). Такимъ образомъ «совѣсть» принуждаетъ Раскольникова стать на сторону преступника. Ея санкція, ея одобреніе, ея сочувствіе уже не съ добромъ, а со зломъ. Самыя слова «добро» и «зло» уже не существуютъ. Ихъ замѣнили выраженія «обыкновенность» и «необыкновенность», причемъ съ первымъ соединяется представленіе о пошлости, негодности, ненужности; второе же является синонимомъ величія. Иначе говоря, Раскольниковъ становится «по ту сторону добра и зла», и это уже 35 лѣтъ тому назадъ, когда Нитше еще былъ студентомъ и мечталъ о высокихъ идеалахъ. Правду сказалъ Разумихинъ — мысль совершенно оригинальная и цѣликомъ принадлежащая Достоевскому. Въ 60-хъ годахъ никому не только въ Россіи, но и въ Европѣ ничего подобнаго и не снилось. Даже Шекспировскій «Макбетъ» принимался тогда, какъ назидательная картина угрызеній совѣсти, ожидающихъ еще на землѣ грѣшника (Брандесъ и теперь еще такъ толкуетъ «Макбета»: fabula docet).

Теперь вопросъ: если мысль Раскольникова столь оригинальна, что рѣшительно никому, кромѣ его творца,

[1]) Преступленіе и наказаніе, стр. 260.

не приходила въ голову, зачѣмъ было Достоевскому вооружаться противъ нея? Для чего копья ломать? Съ кѣмъ борется Достоевскій? Отвѣтъ: съ собой и только съ самимъ собой. Онъ одинъ, во всемъ мірѣ, позавидовалъ нравственному величію преступника — и, не смѣя прямо высказать свои настоящія мысли, создавалъ для нихъ разнаго рода «обстановки». Сперва онъ выразилъ въ «Запискахъ изъ мертваго дома» свое преклоненіе предъ каторжниками въ такой формѣ, что соблазнилъ къ нему самыхъ «добрыхъ» и чуткихъ людей. Потомъ подставилъ подъ понятіе народа каторжниковъ. Потомъ всю жизнь воевалъ съ теоретическими отступниками «добра», хотя во всемірной литературѣ былъ всего одинъ такой теоретикъ — самъ Достоевскій. Вѣдь если бы въ самомъ дѣлѣ задача Достоевскаго сводилась къ борьбѣ со зломъ, то онъ долженъ былъ бы себя превосходно чувствовать. Кто изъ его товарищей по перу не имѣлъ такой же задачи? Но у Достоевскаго была своя, оригинальная, очень оригинальная идея. Борясь со зломъ, онъ выдвигалъ въ его защиту такіе аргументы, о которыхъ оно и мечтать никогда не смѣло. Сама совѣсть взяла на себя дѣло зла!... Мысль, лежащая въ основѣ статьи Раскольникова, развита подробно и въ иной формѣ у Ницше, въ его zur Genealogie der Moral, и еще прежде въ Menschliches Allzumenschliches. Я не хочу сказать, что Ницше заимствовалъ ее у Достоевскаго. Когда онъ писалъ свое «Menschliches Allzumenschliches», въ Европѣ о Достоевскомъ ничего не знали. Но можно съ увѣренностью утверждать, что никогда бы нѣмецкій философъ не дошелъ въ «Genealogie der Moral» до такой смѣ-

лости и откровенности въ изложеніи, если бы не чувствовалъ за собой поддержки Достоевскаго.

Во всякомъ случаѣ, очевидно, что, несмотря на фабулу романа, истинная трагедія Раскольникова не въ томъ, что онъ рѣшился преступить законъ, а въ томъ, что онъ сознавалъ себя неспособнымъ на такой шагъ. Раскольниковъ не убійца; никакого преступленія за нимъ не было. Исторія со старухой процентщицей и Лизаветой — выдумка, поклепъ, напраслина. И Иванъ Карамазовъ впослѣдствіи не былъ причастенъ къ дѣлу Смердякова. И его оклеветалъ Достоевскій. Всѣ эти «герои» — плоть отъ плоти самого Достоевскаго, надзвѣздные мечтатели, романтики, составители проектовъ будущаго совершеннаго и счастливаго устройства общества, преданные друзья человѣчества, внезапно устыдившіеся своей возвышенности и надзвѣздности и сознавшіе, что разговоры объ идеалахъ — пустая болтовня, не вносящая ни одной крупицы въ общую сокровищницу человѣческаго богатства. Ихъ трагедія — въ невозможности начать новую, иную жизнь. И такъ глубока, такъ безъисходна эта трагедія, что Достоевскому не трудно было выставить ее, какъ причину мучительныхъ переживаній своихъ героевъ убійства. Но считать на этомъ основаніи Достоевскаго знатокомъ и изслѣдователемъ преступной души, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Хотя онъ и зналъ каторжниковъ, но онъ ихъ видѣлъ въ тюрьмѣ. Ихъ прошлая вольная жизнь, исторія ихъ преступленій осталась для него такой же тайной, какъ и для всѣхъ насъ. Арестанты обо всемъ этомъ никогда не говорили. А поэтическія фантазіи? — скажутъ мнѣ. Но, на мой взглядъ, по поводу Достоевскаго о ней вспоминать не приходится. Это у древ-

нихъ пѣвцовъ была фантазія. Къ нимъ, точно, по ночамъ прилетали музы и нашептывали имъ дивные сны, которые и записывались на утро любимцами Аполлона. Достоевскому же, подпольному человѣку, каторжнику, россійскому литератору, носившему закладывать въ ссудныя кассы женины юбки, вся эта миѳологія совсѣмъ не къ лицу. Его мысль бродила по пустынямъ собственной души. Оттуда-то она и вынесла трагедію подпольнаго человѣка, Раскольникова, Карамазова и т. д. Эти-то преступники безъ преступленія, эти-то угрызенія совѣсти безъ вины и составляютъ содержаніе многочисленныхъ романовъ Достоевскаго. Въ этомъ — онъ самъ, въ этомъ — дѣйствительность, въ этомъ — настоящая жизнь. Все остальное — «ученіе». Все остальное наскоро сколоченный изъ обломковъ старыхъ построеній жалкій шалашъ. Кому онъ нуженъ? Самъ Достоевскій — необходимо это отмѣтить — придавалъ большое значеніе своему ученію, также какъ и гр. Толстой, какъ Нитше, какъ всѣ почти писатели. Онъ полагалъ, что можетъ сказать людямъ, что̀ имъ дѣлать, какъ имъ жить. Но эта смѣшная претензія, конечно, такъ и осталась навѣкъ претензіей. Люди живутъ и всегда жили не по книгамъ.

Въ концѣ «Преступленія и наказанія» вы читаете слѣдующія многообѣщающія строки: «...Но тутъ уже начинается новая исторія, исторія постепеннаго обновленія человѣка, исторія его перерожденія, постепеннаго перехода изъ одного міра въ другой, знакомства съ новою, доселѣ совершенно невѣдомою дѣйствительностью. Это могло бы составить тему новаго разсказа, но теперешній разсказъ нашъ оконченъ». Не звучатъ ли эти слова торжественнымъ обѣтомъ? И не взялъ ли на себя До-

стоевскій, какъ учитель, обязанности показать намъ эту новую дѣйствительность, новыя возможности для Раскольникова? Но дальше обѣта учитель не пошелъ. Въ предисловіи къ «Братьямъ Карамазовымъ», уже послѣднему произведенію Достоевскаго, мы опять сталкиваемся съ тѣмъ же обѣщаніемъ. Одного романа Достоевскому мало. Чтобъ обрисовать своего настоящаго героя, ему нуженъ еще одинъ романъ, хотя въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», растянувшихся на тысячу страницъ, должно было бы хватить мѣста и для «новой жизни». А вѣдь между «Преступленіемъ и наказаніемъ» и «Братьями Карамазовыми» Достоевскимъ были написаны цѣлыхъ три романа и все громадныхъ: «Идіотъ», «Подростокъ», «Бѣсы»! Но объ обѣтѣ все не вспоминается. «Идіотъ» съ княземъ Мышкинымъ, конечно, въ разсчетъ не можетъ быть принятъ. Если только такое «новое» ждетъ человѣка, если нашимъ «идеаломъ» долженъ служить князь Мышкинъ, эта жалкая тѣнь, это холодное, безкровное привидѣніе, то не лучше ли совсѣмъ не глядѣть въ будущее? Самый скромный и обиженный человѣкъ, даже Макаръ Дѣвушкинъ откажется отъ такихъ «надеждъ» и вернется къ своему бѣдному прошлому. Нѣтъ, князь Мышкинъ одна идея, т.-е. пустота. Да и роль-то его какова! Онъ стоитъ между двухъ женщинъ и, точно китайскій болванчикъ, кланяется то въ одну, то въ другую сторону. Правда, отъ времени до времени Достоевскій даетъ ему хорошо поговорить. Но вѣдь это еще не заслуга: разговариваетъ-то самъ авторъ. Еще князь Мышкинъ, какъ и Алеша Карамазовъ, надѣляется необыкновенной способностью къ предугадыванію, почти граничащей съ ясновидѣніемъ. Но и это—небольшое достоинство въ героѣ романа,

гдѣ мыслями и поступками всѣхъ дѣйствующихъ лицъ управляетъ авторъ. А сверхъ этихъ качествъ князь Мышкинъ — чистѣйшій нуль. Вѣчно скорбя о скорбящихъ, онъ никого не можетъ утѣшить. Онъ отталкиваетъ отъ себя Аглаю, но не успокаиваетъ Настасью Филипповну; онъ сходится съ Рогожинымъ, предвидитъ его преступленіе, но ничего сдѣлать не можетъ. Хотя бы ему дано было понять трагичность положенія близкихъ ему лицъ! Но и этого нѣтъ. Его скорбь—только скорбь по обязанности. Оттого-то онъ такъ легокъ на слова надежды и утѣшенія. Даже Ипполиту онъ предлагаетъ свой литературный бальзамъ, но тутъ-то его встрѣчаютъ или, если хотите, провожаютъ по заслугамъ. Нѣтъ, князь Мышкинъ — выродокъ даже среди высокихъ людей Достоевскаго, хотя всѣ они болѣе или менѣе неудачны. Достоевскій понималъ и умѣлъ рисовать лишь мятежную, борящуюся, ищущую душу. Какъ только же онъ дѣлалъ попытку изобразить человѣка нашедшаго, успокоившагося, понявшаго — онъ сразу впадалъ въ общую банальность. Вспомните хотя бы мечты старца Зосимы о «будущемъ, уже великолѣпномъ соединеніи людей». Развѣ отъ нихъ не отдаетъ самымъ шаблоннымъ Zukunftsmalerei, отъ котораго даже и соціалисты, такъ высмѣиваемые въ подпольѣ, давно уже отказались? Но во всѣхъ такихъ случаяхъ Достоевскому думать—не охота. Неразборчивой рукой онъ беретъ, гдѣ придется: у славянофиловъ, соціалистовъ, въ обыденности буржуазной жизни. Онъ, видно, самъ чувствовалъ, что не въ этомъ его задача и исполнялъ ее съ поразительной небрежностью. Но отказаться отъ морализированія и предсказаній онъ не могъ: только это и связывало его съ остальными людьми. Это въ немъ

лучше всего понимали, это цѣнили, за это его въ пророки возвели. А безъ людей, совсѣмъ безъ людей невозможно жить. «Вѣдь надобно же, чтобы всякому человѣку хоть куда-нибудь можно было пойти. Ибо бываетъ такое время, когда непремѣнно надо хоть куда-нибудь да пойти», говоритъ Мармеладовъ. Вотъ на этотъ случай и требуется общепринятый мундиръ. Вѣдь не явиться же на люди со словами подпольнаго человѣка, съ преклоненіемъ предъ каторгой, со всѣми «оригинальными» мыслями, наполнявшими голову Достоевскаго! Люди такого ближняго не захотятъ слушать, прогонятъ. Людямъ нуженъ идеализмъ, во что бы то ни стало. И Достоевскій швыряетъ имъ это добро цѣлыми пригоршнями, такъ что подъ конецъ и самъ временами начинаетъ думать, что такое занятіе и въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь стоитъ. Но только временами, чтобъ потомъ самому же посмѣяться надъ собой. О комъ идетъ рѣчь въ сказаніи о великомъ инквизиторѣ? Кто этотъ кардиналъ, изъ рукъ котораго народъ принимаетъ свои же собственные хлѣбы? Развѣ эта легенда не символъ пророческой «дѣятельности» самого Достоевскаго? Чудо, тайна, авторитетъ — вѣдь изъ этихъ, и только этихъ, элементовъ составлялась его проповѣдь. Правда, Достоевскій умышленно не досказалъ главнаго. Самъ великій инквизиторъ, дерзновенно взявшійся исправлять дѣло Христа, такъ же слабъ и жалокъ, какъ и тѣ люди, которыхъ онъ третируетъ съ такимъ презрѣніемъ. Онъ страшно ошибся въ оцѣнкѣ своей роли. Онъ смѣетъ сказать только часть истины—и не самую ужасную. Народъ принялъ отъ него, не разбирая, не провѣряя идеалы. Но это лишь потому, что для народа идеалы—одна забава, обстановка, внѣшность. Дѣтская,

наивная, еще не знавшая сомнѣній вѣра его ничего больше не требуетъ себѣ, какъ тѣхъ или иныхъ словъ для своего выраженія. Оттого-то народъ идетъ за всякимъ почти, кто захочетъ вести его за собой, и такъ легко мѣняетъ своихъ кумировъ: le roi est mort, vive le roi. Но старый, измученный долгими думами, надломленный кардиналъ вообразилъ себѣ, что его немощная мысль способна формировать и давать твердое направленіе безпорядочнымъ, хаотическимъ массамъ, что ей дано *благодѣтельствовать* сотни тысячъ и милліоны людей... Какое счастливое и ослѣпительно прекрасное заблужденіе! И вѣдь не одному великому инквизитору въ романѣ Достоевскаго оно свойственно. Во всѣ времена всѣ учителя думали, что ими держится міръ, что они ведутъ своихъ учениковъ къ счастью, къ радости, къ свѣту! На самомъ дѣлѣ пастухи были гораздо меньше нужны стаду, чѣмъ стадо пастухамъ. Что̀ сталось бы съ великимъ инквизиторомъ, еслибъ онъ не имѣлъ гордой вѣры, что безъ него погибло бы все человѣчество? Что̀ сдѣлалъ бы онъ со своей жизнью? И вотъ, глубокій старецъ, проникающій своимъ изощреннымъ умомъ во всѣ тайны нашего существованія, не умѣетъ (можетъ быть, дѣлаетъ видъ, что не умѣетъ) видѣть одного—самаго для него главнаго. Онъ не знаетъ, что не народъ ему, а онъ народу обязанъ вѣрой, той вѣрой, которая хоть отчасти оправдываетъ въ его глазахъ его длинную, унылую, мучительную и одинокую жизнь. Онъ обманулъ народъ своими разсказами о чудесахъ и тайнахъ, онъ принялъ на себя видъ всезнающаго и всепонимающаго авторитета, онъ называлъ себя намѣстникомъ Бога на землѣ. Народъ довѣрчиво принялъ эту ложь, ибо и *не нуждался* въ

правдѣ, не хотѣлъ ее знать; но старикъ кардиналъ, со всѣмъ своимъ почти вѣковымъ опытомъ, съ изощреннымъ пытливой и неустанной мыслью умомъ, не замѣтилъ, что и самъ сталъ жертвой своего обмана, вообразилъ себя благодѣтелемъ человѣчества. Ему этотъ обманъ *нуженъ* былъ, ему неоткуда было получить вѣру въ себя и онъ принялъ ее изъ рукъ презираемой имъ, ничтожной толпы...

XV.

Но самъ Достоевскій не вынесъ этого обмана, не могъ удовлетвориться такой «вѣрой въ себя». Несмотря на то, что онъ такъ красиво и обольстительно умѣлъ разсказывать о «гордомъ одиночествѣ» своего великаго инквизитора, онъ понималъ, что весь пышный маскарадъ высокихъ и громкихъ словъ опять-таки нуженъ не для него самого, а для другихъ, для народа. Гордое одиночество! Да развѣ современный человѣкъ можетъ быть гордымъ наединѣ съ собою? Предъ людьми, въ рѣчахъ, въ книгахъ — дѣло иное. Но когда никто его не видитъ и не слышитъ, когда онъ въ глухую полночь, среди тишины и безмолвія, даетъ себѣ отчетъ въ своей жизни, развѣ смѣетъ онъ употребить хоть одно высокое слово? Хорошо было Прометею — онъ никогда не оставался однимъ. Его всегда слышалъ Зевесъ — у него былъ противникъ, было кого злить и раздражать своимъ непреклоннымъ видомъ и гордыми рѣчами, значитъ, было «дѣло». Но современный человѣкъ, Раскольниковъ или Достоевскій, въ Зевса не вѣритъ. Когда его покидаютъ люди, когда онъ остается наединѣ съ собой, онъ поневолѣ начинаетъ говорить

себѣ правду, и, Боже мой, какая это ужасная правда! Какъ мало въ ней тѣхъ плѣнительныхъ и чудныхъ образовъ, которые мы, по поэтическимъ преданіямъ, считали постоянными спутниками одинокихъ людей! Вотъ, для примѣра, одно изъ размышленій Достоевскаго (собственно Раскольникова, но это какъ мы знаемъ, все равно): «потому я окончательно вошь, прибавилъ онъ, скрежеща зубами,—потому что самъ-то я, можетъ быть, еще сквернѣе и гаже, чѣмъ убитая вошь, и заранѣе предчувствовалъ, что скажу себѣ это уже послѣ того, какъ убью! Да развѣ съ этимъ ужасомъ можетъ что-нибудь сравниться! О, пошлость, о, подлость! О, какъ я понимаю «пророка», съ саблей, на конѣ: велитъ Аллахъ и повинуйся, дрожащая тварь! Правъ, правъ пророкъ, когда ставитъ гдѣ-нибудь поперекъ улицы хор-р-р-ошую батарею и дуетъ въ праваго и виноватаго, не удостоивая даже и объясниться Повинуйся, дрожащая тварь, и не *желай*, потому не твое это дѣло! О, ни за что, ни за что не прощу старушонкѣ» [1]). Какіе унизительные, отвратительные слова и образы! Неправда ли, что Раскольникову необходимо было «для поэзіи» дать хоть старушонку и Лизавету прихлопнуть, чтобъ было приличное объясненіе такихъ настроеній? Но на самомъ дѣлѣ тутъ кровь не была пролита, тутъ уголовщины нѣтъ. Это обычное «наказаніе», ожидающее рано или поздно всѣхъ «идеалистовъ». Рано или поздно для каждаго изъ нихъ пробьетъ часъ и онъ съ ужасомъ и зубовнымъ скрежетомъ воскликнетъ: «правъ, пророкъ; повинуйся, дрожащая тварь!» Еще триста лѣтъ тому назадъ былъ

[1]) Преступленіе и наказаніе, 272.

произнесенъ страшный приговоръ величайшимъ изъ поэтовъ надъ величайшимъ изъ идеалистовъ. Помните безумный крикъ Гамлета: «распалась связь временъ!» Съ тѣхъ поръ эти слова не перестаютъ варьироваться писателями и поэтами на безконечные лады. Но по настоящее время никто не хочетъ прямо сказать себѣ, что нечего и связывать разъ прорвавшіяся звенья, нечего вновь вводить время въ колею, изъ которой оно вышло. Все дѣлаются новыя и новыя попытки возстановить призракъ стараго благополучія. Намъ неустанно кричатъ, что пессимизмъ и скептицизмъ все погубили, что нужно вновь «повѣрить», «вернуться назадъ», стать «непосредственными» и т. д. И неизмѣнно предлагаютъ въ качествѣ скрѣпляющаго цемента старыя «идеи», упорно отказываясь понять, что въ идеяхъ и было все наше несчастье. Что скажете вы Достоевскому, когда онъ заявляетъ вамъ, что онъ «точно ножницами отрѣзалъ себя самъ отъ всѣхъ и всего въ эту минуту?» [1]). Вы пошлете его благодѣтельствовать ближнимъ? Но онъ уже давно испробовалъ этотъ путь и написалъ «великаго инквизитора». Кто можетъ — пускай еще занимается возвышенными истинами и обманами, Достоевскій же знаетъ, что если въ этомъ связь временъ, то она уже навѣки порвана. Онъ говоритъ объ этомъ не въ качествѣ дилетанта, начитавшагося книжекъ, а какъ человѣкъ своими глазами все видѣвшій, своими руками все ощупавшій. Въ пятой книгѣ «Братьевъ Карамазовыхъ» четвертая глава озаглавлена словомъ «бунтъ». Это значитъ, что Достоевскій не только не хочетъ хлопотать о возстановленіи прежней

[1]) Преступленіе и наказаніе, 115.

«связи», но готовъ сдѣлать все, чтобъ показать, что здѣсь нѣтъ и не можетъ уже больше быть никакихъ надеждъ. Иванъ Карамазовъ возстаетъ противъ незыблемѣйшихъ положеній, лежащихъ въ основѣ современнаго нравственнаго міровоззрѣнія. Глава прямо начинается слѣдующими словами: «я тебѣ долженъ сдѣлать одно признаніе, сказалъ Иванъ: я никогда не могъ понять, какъ можно любить своихъ ближнихъ. Именно ближнихъ-то, по-моему, и невозможно любить, а развѣ дальнихъ» [1]). Алеша перебиваетъ брата замѣчаніемъ, долженствующимъ намъ показать, что самъ Достоевскій не раздѣляетъ мнѣнія Ивана. Но мы уже привыкли къ назойливому и однообразному сюсюканью этого младенца, и оно мало насъ смущаетъ, тѣмъ болѣе, что память подсказываетъ намъ другой отрывокъ, на этотъ разъ уже изъ дневника писателя за 1876 годъ; «я объявляю, говоритъ тамъ Достоевскій, что любовь къ человѣчеству даже совсѣмъ немыслима, непонятна и совсѣмъ невозможна безъ совмѣстной вѣры въ безсмертіе души человѣческой» [1]). Дѣло ясное: между словами Ивана Карамазова и самого Достоевскаго нѣтъ никакой разницы. Иванъ Карамазовъ вѣдь все время говоритъ въ томъ предположеніи, что душа не безсмертна. Правда, онъ не приводитъ никакихъ доказательствъ въ пользу своего «предположенія», но вѣдь и Достоевскій свое утвержденіе приводитъ «пока бездоказательно». Такъ или иначе, несомнѣнно, что ни герой романа, ни авторъ не вѣрятъ въ спасительность идеи «любви къ ближнему». Если угодно — Достоевскій идетъ дальше Ивана Карамазова. «Мало того,

[1]) Братья Карамазовы, 280.

пишетъ онъ, я утверждаю, что сознаніе своего совершеннаго безсилія помочь или принести хоть какую-нибудь пользу или облегченіе страдающему человѣчеству, въ то же время при полномъ нашемъ убѣжденіи въ этомъ страданіи человѣчества — можетъ даже обратить въ сердцѣ вашемъ любовь къ человѣчеству въ ненависть къ нему» [1]) (подчеркнуто у Достоевскаго). Неправда ли жаль, что не случилось тутъ Разумихина и некому было напомнить Достоевскому, что его идея чрезвычайно оригинальна? Вѣдь тутъ то же, что и въ статьѣ Раскольникова: *совѣсть* разрѣшаетъ ненависть къ людямъ! Если нельзя помочь ближнему, то и любить его нельзя. Но вѣдь тѣ именно ближніе, которые обыкновенно претендуютъ на нашу любовь, бываютъ большей частью людьми, которымъ невозможно помочь — я уже не говорю обо всемъ человѣчествѣ. Когда-то достаточно было воспѣть страждущаго, облиться надъ нимъ слезами, назвать его братомъ. Теперь этого мало; ему хотятъ во что бы то ни стало помочь, хотятъ, чтобъ послѣдній человѣкъ пересталъ быть послѣднимъ и сталъ первымъ! Если же это неосуществимо, то любовь посылается къ чорту и на ея опустѣвшемъ тронѣ поселяется навѣки вѣчная ненависть... Достоевскій (полагаю, что послѣ приведенныхъ цитатъ его больше не будутъ смѣшивать съ Алешей) уже не вѣритъ во всемогущество любви и не цѣнитъ слезъ сочувствія и умиленія. Безсиліе помочь является для него окончательнымъ и всеуничтожающимъ аргументомъ. Онъ ищетъ силы, могущества. И у него вы открываете, какъ послѣднюю, самую заду-

---

[1]) Сочиненія, т. X, стр. 425.

шевную, завѣтную цѣль его стремленій Wille zur Macht, столь же рѣзко и ясно выраженную, какъ у Нитше! И онъ могъ бы въ концѣ любого изъ своихъ романовъ напечатать, какъ Нитше, эти слова огромными черными буквами, ибо въ нихъ смыслъ всѣхъ его исканій!

Въ «Преступленіи и наказаніи» основная задача всей литературной дѣятельности Достоевскаго затемняется ловко прилаженной къ роману идеей возмездія. Довѣрчивому читателю кажется, что Достоевскій и въ самомъ дѣлѣ судья надъ Раскольниковымъ, а не подсудимый. Но въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» вопросъ поставлѐнъ съ такой ясностью, которая уже не оставляетъ никакихъ сомнѣній, въ намѣреніяхъ автора.

Раскольниковъ — «виноватъ», онъ по своему собственному, хотя и вынужденному пыткой, слѣдовательно не заслуживающему вѣры признанію, совершилъ преступленіе, убилъ. Люди снимаютъ съ себя отвѣтственность за его страданія, какъ бы ужасны они ни были. Иванъ Карамазовъ знаетъ эту логику. Онъ знаетъ, что если бы предложилъ на обсужденіе свою собственную судьбу, то его тотчасъ бы уличили, такъ или иначе, что онъ «яблоко съѣлъ», какъ выражается Достоевскій, т.-е. виноватъ, если не въ дѣйствіяхъ, то въ помыслахъ. Поэтому онъ и не пытается о себѣ разговаривать. Онъ ставитъ свой знаменитый вопросъ объ неотмщенныхъ слезахъ ребенка. «Скажи мнѣ, обращается онъ къ брату, самъ прямо я зову тебя, отвѣчай: представь, что это ты самъ возводишь зданіе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой, но для этого тебѣ необходимо и неминуемо предстояло бы за-

мучить всего одно лишь крохотное созданьице, вотъ того самаго ребеночка, бившаго себя кулаченкомъ въ грудь (о которомъ Иванъ раньше разсказывалъ Алешѣ), и на неотмщенныхъ слезахъ его основать это зданіе, согласился ли ты быть архитекторомъ на этихъ условіяхъ, скажи и не лги», Алеша отвѣчаетъ на этотъ вопросъ тоже тихимъ голосомъ, какъ князь Мышкинъ Ипполиту, но отвѣтъ, конечно, ужъ не тотъ. Слово «прощеніе» не вспоминается, и Алеша прямо отказывается отъ предложеннаго проекта. Достоевскій, наконецъ, договорился до послѣдняго слова. Онъ открыто теперь заявляетъ то, что̀ съ такими оговорками и примѣчаніями впервые выразилъ въ «Запискахъ изъ подполья»: никакія гармоніи, никакія идеи, никакая любовь или прощеніе, словомъ, ничего изъ того, что отъ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ придумывали мудрецы, не можетъ оправдать безсмыслицу и нелѣпость въ судьбѣ отдѣльнаго человѣка. Онъ говоритъ о ребенкѣ, но это лишь для «упрощенія» и безъ того сложнаго вопроса, вѣрнѣе, затѣмъ, чтобъ обезоружить противниковъ, такъ ловко играющихъ въ спорѣ словомъ «вина». И въ самомъ дѣлѣ, развѣ этотъ бьющій себя кулаченками въ грудь ребеночекъ ужаснѣе, чѣмъ Достоевскій-Раскольниковъ, внезапно почувствовавшій, что онъ себя «словно ножницами отрѣзалъ отъ всего и всѣхъ?» Вспомните, что̀ сдѣлалось съ Разумихинымъ, когда онъ, выйдя вслѣдъ за Раскольниковымъ, послѣ неслыханной, безумно-мучительной сцены его прощанія съ матерью и сестрой, вдругъ догадался, какой адъ происходитъ въ душѣ его несчастнаго друга. «Понимаешь? спросилъ его Раскольниковъ съ болѣзненно искривившимся лицомъ» —и отъ этого во-

проса волосъ поднимается на головѣ дыбомъ. Да, есть на землѣ ужасы, которые не снились учености ученѣйшихъ. Предъ ними блѣднѣютъ разсказы Карамазова о звѣрствѣ турокъ, объ истязаніи дѣтей родителями и т. д. И «яблоко» здѣсь, конечно, ничего не объясняетъ. Нужно либо «отмстить» за эти слезы, либо—но развѣ можетъ быть какое-нибудь еще «либо» для тѣхъ, кто, подобно Достоевскому, самъ проливалъ ихъ? Какой здѣсь возможенъ отвѣтъ? «Назадъ къ Канту?» Съ Богомъ, никто не удерживаетъ. Но Достоевскій идетъ впередъ, что̀ бы его ни ждало впереди.

Когда Раскольниковъ послѣ убійства убѣждается, что ему навсегда отрѣзанъ возвратъ къ прежней жизни, когда онъ видитъ, что родная мать, любящая его больше всего на свѣтѣ, перестала быть для него матерью (кто, до Достоевскаго, могъ думать, что такіе ужасы возможны?), что сестра, согласившаяся, ради его будущности, навѣки закабалить себя Лужину—уже для него не сестра, онъ инстинктивно бѣжитъ къ Сонѣ Мармеладовой. Зачѣмъ? Что̀ можетъ найти онъ у этой несчастной дѣвушки, ничему не учившейся, ничего не знающей? Отчего онъ предпочелъ ее, безсловесную и безотвѣтную, своему вѣрному и преданному другу, такъ хорошо умѣющему говорить о высокихъ предметахъ? Но онъ о Разумихинѣ даже и не вспомнилъ! Этотъ другъ, при всей своей готовности помочь, не будетъ знать, что̀ дѣлать съ тайной Раскольникова. Пожалуй, еще посовѣтуетъ добрыми дѣлами заниматься и такимъ способомъ успокаивать бѣдную совѣсть! Но Раскольниковъ при одной мысли о добрѣ приходитъ въ ярость Въ его размышленіяхъ уже чувствуется тотъ порывъ отчаянія, который подсказалъ впослѣдствіи Ивану Кара-

мазову его страшный вопросъ: «для чего познавать это *чортово* добро и зло, когда это столькаго стоитъ». Чортово добро и зло, — вы понимаете, на что посягаетъ Достоевскій. Вѣдь дальше этого человѣческое дерзновеніе идти не можетъ. Вѣдь всѣ наши надежды, и не только тѣ, которыя въ книгахъ, но и тѣ, которыя въ сердцахъ людей, жили и держались до сихъ поръ вѣрой, что ради торжества добра надъ зломъ ничѣмъ не страшно пожертвовать. И вдругъ неизвѣстно откуда является человѣкъ и торжественно, открыто, почти безбоязненно (почти, ибо все-таки Алеша лепечетъ что-то въ возраженіе Ивану) посылаетъ къ чорту то, предъ чѣмъ всѣ народы всѣхъ вѣковъ падали ницъ! И люди были настолько легковѣрны, что изъ-за жалкой болтовни Алеши простили Достоевскому страшную философію Ивана Карамазова. Во всей русской литературѣ нашелся только одинъ писатель, Н. К. Михайловскій, почувствовавшій въ Достоевскомъ «жестокаго» человѣка, сторонника темной силы, искони считавшейся всѣми враждебной. Но даже и онъ не угадалъ всей опасности этого врага. Ему показалось, что стоитъ только обнаружить «злонамѣренность» Достоевскаго, назвать ее настоящимъ именемъ, чтобъ убить ее навсегда. Не могъ онъ думать двадцать лѣтъ тому назадъ, что подпольнымъ идеямъ суждено вскорѣ возродиться вновь и предъявить свои права не робко и боязливо, не подъ прикрытіемъ привычныхъ, примиряющихъ шаблонныхъ фразъ, а смѣло и свободно, въ предчувствіи несомнѣнной побѣды. «Чортово добро и зло», казавшееся случайной фразой въ устахъ чуждаго автору героя романа, теперь облеклось въ ученую формулу «по ту сторону добра и зла» и въ такомъ видѣ бросаетъ вызовъ тысячелѣтней вѣрѣ всѣхъ

жившихъ доселѣ мудрецовъ. И предъ чѣмъ склонило у Достоевскаго «добро» свою гордую голову? Карамазовъ говоритъ о судьбѣ замученнаго ребенка. Но Раскольниковъ требуетъ отвѣта за себя, за одного себя. И не находя у добра нужнаго отвѣта, отвергаетъ его. Вспомните его разговоръ съ Соней Мармеладовой: Раскольниковъ пришелъ къ ней не затѣмъ, чтобъ раскаяться. Онъ и до самаго конца въ глубинѣ души своей не могъ раскаяться, ибо чувствовалъ себя ни въ чемъ неповиннымъ и зналъ, что Достоевскій только для порядка взвалилъ на него обвиненіе въ убійствѣ. Вотъ его размышленія, уже послѣднія, уже въ каторгѣ: «о. какъ бы счастливъ онъ былъ, если бы могъ обвинить себя (т.-е. въ убійствѣ). Онъ бы снесъ тогда все, даже стыдъ и позоръ. Но онъ строго судилъ себя, и ожесточенная совѣсть его не нашла никакой особенно ужасной вины въ его прошломъ, кромѣ развѣ *промаху* (подчеркнулъ Достоевскій), который со всякимъ могъ случиться... Онъ не раскаивался въ своемъ преступленіи» [1]). Эти слова — итогъ всей ужасной исторіи Раскольникова. Онъ оказался раздавленнымъ неизвѣстно за что. Его задача, всѣ его стремленія сводятся теперь къ тому, чтобы оправдать свое несчастіе, вернуть *свою* жизнь, — и ничего, ни счастье всего міра, ни торжество какой хотите идеи не можетъ въ его глазахъ дать смыслъ его собственной трагедіи. Вотъ почему, какъ только онъ замѣчаетъ у Сони Евангеліе, онъ проситъ ее прочесть ему про воскресеніе Лазаря. Ни нагорная проповѣдь, ни притча о фарисеѣ и мытарѣ, словомъ, ничего изъ того, что было переведено изъ

[1]) Преступленіе и наказаніе, 539.

Евангелія въ современную этику, по толстовской формулѣ «добро, братская любовь — есть Богъ», не интересуетъ его. Онъ все это допросилъ, испыталъ и убѣдился, какъ и самъ Достоевскій, что отдѣльно взятое, вырванное изъ общаго содержанія св. Писанія, оно становится уже не истиной, а ложью. Хотя онъ еще не смѣетъ допустить мысли, что правда не у науки, а тамъ, гдѣ написаны загадочныя и таинственныя слова: претерпѣвшій до конца спасется, но онъ все же пробуетъ обратить свой взоръ въ сторону тѣхъ надеждъ, которыми живетъ Соня. «Вѣдь она, думаетъ онъ, какъ и я, тоже послѣдній человѣкъ, вѣдь она узнала своимъ опытомъ, что̀ значитъ *жить* такой жизнью. Можетъ быть отъ нея узнаю я то, чего не умѣетъ объяснить мнѣ ученый Разумихинъ, чего не угадываетъ даже безмѣрно любящее, готовое на всѣ жертвы материнское сердце». Онъ пытается вновь воскресить въ своей памяти то пониманіе Евангелія, которое не отвергаетъ молитвъ и надеждъ одинокаго, загубленнаго человѣка, подъ предлогомъ, что думать о своемъ горѣ значитъ, какъ говорятъ на современномъ научномъ языкѣ, «быть эгоистомъ». Онъ знаетъ, что здѣсь его скорбь будетъ услышана, что его уже не отошлютъ на пытку къ идеямъ, что ему будетъ позволено сказать всю внутреннюю, страшную правду о себѣ, ту правду, съ которой онъ родился на свѣтъ Божій. Но всего этого онъ можетъ ждать лишь отъ того Евангелія, которое читаетъ Соня, еще не сокращеннаго и не передѣланнаго наукой и гр. Толстымъ, отъ того Евангелія, въ которомъ на ряду съ прочимъ ученіемъ сохранилось и сказаніе о воскресеніи Лазаря, гдѣ, болѣе того, воскресеніе Лазаря, знаменующее собою великую

силу творящаго чудеса, даетъ смыслъ и остальнымъ, столь недоступнымъ и загадочнымъ для бѣднаго, эвклидова, человѣческаго ума словамъ. Подобно тому, какъ Раскольниковъ ищетъ своихъ надеждъ лишь въ воскресеніи Лазаря, такъ и самъ Достоевскій видѣлъ въ Евангеліи не проповѣдь той или иной нравственности, а залогъ новой жизни: «безъ высшей идеи не можетъ существовать ни человѣкъ, ни нація, пишетъ онъ. А высшая идея на землѣ *лишь одна* (подчеркнуто у Достоевскаго), и именно идея о безсмертіи души человѣческой, ибо всѣ остальныя «высшія» идеи жизни, которыми можетъ быть живъ человѣкъ, лишь изъ одной ея вытекаютъ» [1]).

XVI.

Все это, разумѣется, не «научно», болѣе того,—все это находится въ прямой противоположности съ основными предпосылками современной науки. И Достоевскому лучше, чѣмъ кому-либо другому, извѣстно, какъ мало опоры могутъ дать ему новѣйшія пріобрѣтенія и завоеванія человѣческаго ума. Оттого-то онъ никогда не пытается сдѣлать науку своей союзницей и вмѣстѣ съ тѣмъ равно остерегается вступить съ ней въ борьбу ея же оружіемъ. Онъ отлично понимаетъ, что нѣтъ болѣе залоговъ отъ небесъ. Но торжество науки, несомнѣнность и очевидность ея правоты не приводятъ Достоевскаго къ покорности. Вѣдь онъ уже давно сказалъ намъ, что для него стѣна не непреоборимое препятствіе, а только отводъ, предлогъ. На всѣ научныя

[1]) Сочиненія, томъ X, стр. 424.

соображенія у него одинъ отвѣтъ (Димитрій Карамазовъ): «какъ я буду подъ землей безъ Бога? Каторжному безъ Бога быть невозможно» [1]). Раскольниковъ вызываетъ яростную, непримиримую ненависть въ товарищахъ арестантахъ своей научностью, своей приверженностью несомнѣнной видимости, своимъ невѣріемъ, которое они, по словамъ Достоевскаго, сразу въ немъ почувствовали. «Ты безбожникъ! Ты въ Бога не вѣруешь, кричали они ему. Убить тебя надо!» [2]). Все это, само собою разумѣется, не логично. Изъ того, что каторжники видятъ въ невѣріи страшнѣйшее изъ преступленій, вовсе не слѣдуетъ, что намъ должно отказаться отъ несомнѣнныхъ выводовъ науки Погибай всѣ каторжные и подземные люди: не пересматривать же изъ-за нихъ вновь пріобрѣтенныя трудомъ десятковъ поколѣній людей аксіомы, не отказываться же отъ апріорныхъ сужденій, только всего сто лѣтъ тому назадъ оправданныхъ, наконецъ, благодаря великому генію кенигсбергскаго философа. Такова ясная логика надземныхъ людей, противоставляемая неопредѣленнымъ стремленіямъ обитателей подполья. Примирить спорящія стороны невозможно. Онѣ борятся до послѣдняго истощенія силъ — и à la guerre, comme à la guerre, — средства борьбы не разбираются. Каторжниковъ чернятъ, бранятъ, смѣшиваютъ съ грязью съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ. Достоевскій пробуетъ примѣнить тѣ же пріемы и къ вольнымъ людямъ. Отчего, напримѣръ, не выставить въ каррикатурномъ, опошленномъ видѣ ученаго? Отчего не высмѣять Клода Бернара? Или не оклеветать и не оплевать журналиста, сотруд-

[1]) Братья Карамазовы, 700.
[2]) Преступленіе и наказаніе, 541.

ника либеральнаго изданія, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ либерально мыслящихъ людей? Достоевскій не остановился предъ этимъ. Чего онъ только ни измыслилъ по поводу Ракитина! Самый отчаянный каторжникъ кажется благороднымъ рыцаремъ въ сравненіи съ этимъ будущимъ предводителемъ либераловъ, не брезгающимъ взять на себя за 25 рублей роль сводника. Все, разсказанное о Ракитинѣ, настоящая клевета на либераловъ, и клевета предумышленная. Можно говорить о нихъ что хотите, но несомнѣнно, что самые лучшіе и честные люди становились въ ихъ ряды. Но ненависть не разбираетъ средствъ. Они въ Бога не вѣруютъ, убить ихъ надо — вотъ внутренній импульсъ Достоевскаго, вотъ что̀ движетъ имъ, когда онъ измышляетъ разнаго рода небылицы по поводу своихъ бывшихъ союзниковъ-либераловъ. Пушкинская рѣчь, въ которой, повидимому, звались къ единенію всѣ слои и партіи русскаго общества, на самомъ дѣлѣ была провозглашеніемъ вѣчной борьбы на смерть. «Смирись, гордый человѣкъ, потрудись, праздный человѣкъ» — развѣ Достоевскій не зналъ, что эти слова вызовутъ цѣлую бурю негодованія и возмущенія именно у тѣхъ, кого они предназначались замирить. Что̀ они значатъ? Они зовутъ надземныхъ людей въ подземелье, въ каторгу, въ вѣчную тьму. Да развѣ хоть на минуту смѣлъ Достоевскій надѣяться, что за нимъ пойдутъ?! Онъ зналъ, онъ слишкомъ зналъ, что тѣ изъ его слушателей, которые не пожелаютъ лицемѣрить, не примутъ его призыва. «Мы хотимъ быть счастливы здѣсь, теперь» — вотъ что̀ думаетъ каждый надземный человѣкъ, — какое ему дѣло до того, что Достоевскій все еще не вышелъ изъ своей каторги! Расказываютъ, что всѣ, присутство-

вавшіе на пушкинскомъ празднествѣ, были необычайно тронуты рѣчью Достоевскаго. Многіе даже плакали. Но чему же тутъ дивиться? Вѣдь слова оратора были приняты слушателями за литературу, и только за литературу. Отчего же не умилиться и не поплакать? Самая обыкновенная исторія.

Но нашлись и такіе люди, которые посмотрѣли на дѣло иначе и стали возражать. Достоевскому отвѣтили, что охотно принимаютъ его высокія слова о любви, но это нисколько не мѣшаетъ и не должно мѣшать людямъ заботиться объ устройствѣ земного счастья или, иначе говоря, имѣть «общественные идеалы». Допусти Достоевскій это, только это одно ограниченіе, и онъ могъ бы навѣки замириться съ либералами. Но онъ не только не пошелъ на уступку, онъ обрушился на профессора Градовскаго, взявшагося защищать дѣло либераловъ, съ такой безумной, съ такой безудержной яростью, точно Градовскій отнималъ у него самое послѣднее его достояніе. И, главное, вѣдь Градовскій не только не отказывался отъ высокаго ученія о любви къ людямъ, которому Достоевскій посвятилъ въ своемъ дневникѣ писателя, въ своихъ романахъ и пушкинской рѣчи столько пламенныхъ страницъ,—но, наоборотъ, на немъ, и только на немъ. основывалъ всѣ свои планы общественнаго устройства.

Но именно этого больше всего боялся Достоевскій. У Ренана, въ его предисловіи къ «Исторіи Израиля», есть любопытная оцѣнка значенія еврейскихъ пророковъ: «ils sont fanatiques de justice sociale et proclament hautement que si le monde n'est pas juste ou susceptible de le devenir, il vaut mieux qu'il soit détruit: manière de voir très fausse, mais très féconde; car comme toutes

les doctrines désespérées, elle produit l'héroisme et un grand éveil des forces humaines». Точно такъ же отнесся пр. Градовскій къ идеямъ Достоевскаго. Онъ находилъ ихъ «по существу» ложными, но признавалъ ихъ плодотворными, т.-е. способными пробудить людей и дать тѣхъ героевъ, безъ которыхъ невозможно движеніе впередъ человѣчества. Собственно говоря, и желать бо̀льшаго нельзя. Съ «учителя», по крайней мѣрѣ, должно было быть достаточно. Но Достоевскій въ такомъ отношеніи къ себѣ увидѣлъ свой приговоръ. Ему «плодотворности» не нужно было. Онъ не хотѣлъ довольствоваться красивой ролью старика кардинала въ «великомъ инквизиторѣ». Одного, только одного искалъ онъ: убѣдиться въ «истинности» своей идеи. И, если бы потребовалось, онъ готовъ былъ бы разрушить весь міръ, обречь человѣчество на вѣчныя страданія — только бы доставить торжество своей идеѣ, только бы снять съ нея подозрѣніе въ ея несоотвѣтствіи съ дѣйствительностью. Хуже всего было то, что въ глубинѣ души онъ и самъ, очевидно, боялся, что правота не на его сторонѣ и что противники, хотя и поверхностнѣй его, но зато ближе къ истинѣ. Это-то и возбуждаетъ въ немъ такую ярость, это-то и лишаетъ его самообладанія, оттого онъ въ своей полемикѣ противъ пр. Градовскаго переходитъ всякія границы приличія. Что, если все происходитъ именно такъ, какъ говорятъ ученые, и его собственная дѣятельность въ концѣ концовъ, помимо его воли, сыграетъ въ руку либераламъ, окажется плодотворной, а руководившая имъ идея ложной, и чортово добро, рано или поздно, на самомъ дѣлѣ водворится на землѣ, заселенной довольными, радостными, сіяющими счастьемъ, обновленными людьми?

Само собою разумѣется, что человѣку такихъ воззрѣній и настроеній благоразумнѣе всего было бы не пускаться въ публицистику, гдѣ неизбѣжно сталкиваешься съ практическимъ вопросомъ: что дѣлать? Въ романахъ, въ философскихъ разсужденіяхъ можно, напримѣръ, утверждать, что русскій народъ любитъ страданія. Но какъ примѣнить такое положеніе на практикѣ? Предложить устройство комитета, охраняющаго русскихъ людей отъ счастья?! Очевидно, это не годится. Но, мало того—невозможно даже постоянно выражать свою радость по поводу предстоящихъ человѣчеству случаевъ понести страданіе. Нельзя торжествовать, когда людей постигаютъ болѣзни, голодъ, нельзя радоваться бѣдности, пьянству. За это вѣдь камнями забросаютъ. Н. К. Михайловскій передаетъ, что высказанная въ статьяхъ январскаго номера «Отеч. Записокъ» за 1873 годъ мысль, что «народу послѣ реформы, а отчасти даже въ связи съ ней, грозитъ бѣда быть умственно, нравственно и экономически обобраннымъ»—показалась Достоевскому «новымъ откровеніемъ». Весьма вѣроятно, что Достоевскій именно такъ понялъ или, вѣрнѣе, истолковалъ смыслъ статей «Отечественныхъ Записокъ». Реформа, на которую мечтатели возлагали столько надеждъ, не только не принесетъ ненавистнаго «счастья», но грозитъ страшной бѣдой. Дѣло, очевидно, обойдется и безъ джентельмена съ ретроградной физіономіей, на котораго ссылался подпольный діалектикъ. До хрустальнаго дворца—далеко, если самыя возвышенныя и благородныя начинанія приносятъ вмѣсто богатыхъ плодовъ одни несчастія. Правда, какъ публицистъ, Достоевскій такихъ вещей не говорилъ прямо. Его «жестокость» не рисковала еще быть столь откровенной. Даже болѣе

того, онъ самъ никогда не пропускалъ случая бичевать — и какъ бичевать! — всякаго рода проявленія жестокости. Напримѣръ, онъ возставалъ противъ европейскаго прогресса на томъ «основаніи», что «прольются рѣки крови», прежде чѣмъ борьба классовъ приведетъ хоть къ чему-нибудь путному нашихъ западныхъ сосѣдей. Это былъ однимъ изъ любимѣйшихъ его аргументовъ, который онъ не уставалъ повторять десятки разъ. Но тутъ только можно особенно наглядно убѣдиться, что всѣ argumenta суть argumenta ad homines. Достоевскій ли боялся ужасовъ и крови? Но онъ зналъ, чѣмъ можно подѣйствовать на людей, и, когда нужно было, рисовалъ страшныя картины. Почти одновременно онъ и укорялъ европейцевъ за ихъ пока все еще относительно безкровную борьбу и заклиналъ русскихъ идти войной на турокъ, хотя, конечно, одна, самая скромная, война требуетъ больше крови, чѣмъ десятокъ революцій. Или другой, еще болѣе поразительный примѣръ аргументаціи. Достоевскій разсказываетъ, что кто-то изъ его «знакомыхъ» высказался за сохраненіе розогъ для дѣтей, въ виду того, что тѣлесныя наказанія закаляютъ и пріучаютъ къ борьбѣ. До мнѣнія «знакомаго» (у Достоевскаго, въ «Дневникѣ писателя», тьма «знакомыхъ», высказывающихъ «оригинальныя» мысли) намъ, конечно, дѣла нѣтъ, но любопытно, что самъ Достоевскій этимъ мнѣніемъ заинтересовался и обѣщаетъ на досугѣ подумать о немъ. А между тѣмъ тотъ же Достоевскій, такъ охотно надѣляющій людей, даже дѣтей, страданіями, вдругъ впадаетъ въ сантиментальность и чувствительность, когда заходитъ рѣчь о судьбѣ мужа пушкинской Татьяны. Его покинуть, его сдѣлать несчастнымъ, — если бы Татьяна рѣшилась

на это, — померкли бы навсегда всѣ идеалы! Ну-съ, а вѣдь даже и не межъ сторонниками «жестокости», я думаю, найдется не одинъ человѣкъ, который признаетъ, что приличная порція «страданій» была бы совсѣмъ не безполезна этому господину, такъ высоко поднимавшему и носъ, и плечи. Во всякомъ случаѣ не менѣе полезна, чѣмъ русскимъ дѣтямъ, которыя, какъ извѣстно, и внѣ школы не забываются «страданіями». Такихъ примѣровъ у Достоевскаго можно найти очень много. На одной страницѣ онъ требуетъ отъ насъ самоотреченія во имя того, чтобъ избавлять отъ страданій ближнихъ, а на другой, почти сосѣдней, онъ воспѣваетъ эти же страданія...

Изъ этого слѣдуетъ, что подземному человѣку нечего сказать, когда онъ выступаетъ въ роли учителя людей. Чтобъ выдержать такую роль, ему необходимо навсегда затаить свою истину и обманывать людей, какъ дѣлалъ старый кардиналъ. Если же больше молчать нельзя, если же наступило, наконецъ, время разсказать всенародно тайну великаго инквизитора, то, стало быть, людямъ нужно искать себѣ жрецовъ уже не среди учителей, какъ въ старину, а среди учениковъ, всегда охотно и bona fide исполняющихъ всякаго рода торжественныя обязанности. У учителей же отнято послѣднее ихъ утѣшеніе: они уже не признаются болѣе народными благодѣтелями и исцѣлителями. Имъ сказали, имъ скажутъ: врачу исцѣлися самъ. Иначе говоря: найди свою задачу, свое дѣло не во врачеваніи нашихъ недуговъ, а въ собственномъ здоровьи. Заботься о себѣ — объ одномъ себѣ.

XVII.

На первый взглядъ задача упрощается. Но станьте на минуту на точку зрѣнія Достоевскаго, подземнаго человѣка, великаго инквизитора, и вы поймете, какая пытка скрывается въ этомъ упрощеніи. Подъ землей врачевать себя, заботиться о себѣ, думать о себѣ — когда, очевидно, никакое врачеваніе уже невозможно, когда ничего выдумать нельзя, когда все кончено! Но поразительно: когда человѣку грозитъ неминуемая гибель, когда предъ нимъ раскрывается пропасть, когда уходитъ послѣдняя надежда, съ него внезапно снимаются всѣ его тягостныя обязанности въ отношеніи къ людямъ, человѣчеству, къ будущему, цивилизаціи, прогрессу и т. д., и взамѣнъ всего этого предъявляется упрощенный вопросъ объ его одинокой, ничтожной, незамѣтной личности. Всѣ герои трагедіи — «эгоисты». Каждый изъ нихъ по поводу своего несчастія зоветъ къ отвѣту все мірозданіе. Карамазовъ (Иванъ, конечно) прямо заявляетъ: «я не принимаю міра». Что̀ значатъ эти слова? Зачѣмъ Карамазовъ, вмѣсто того, чтобы прятаться, какъ дѣлаютъ всѣ, отъ страшныхъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ—прямо идетъ, лѣзетъ на нихъ, точно медвѣдь на рогатину? Вѣдь не по медвѣжьей же глупости! О, какъ хорошо знаетъ онъ, что̀ такое неразрѣшимые вопросы и каково человѣку биться уже подрѣзанными крыльями о стѣны вѣчности! И тѣмъ не менѣе онъ не сдается. Никакія Ding an sich, воля, deus sive natura — не соблазняютъ его къ примиренію. Ко всѣмъ философскимъ построеніямъ этотъ забытый добромъ человѣкъ относится съ нескрываемымъ пре-

зрѣніемъ и отвращеніемъ: «жажду жизни, говоритъ Карамазовъ, иные сопляки-моралисты называютъ подлою [1])... У Достоевскаго ни одинъ изъ его допрашивающихъ судьбу героевъ не кончаетъ самоубійствомъ, не считая Кирилова, который если и убиваетъ себя, то не затѣмъ, чтобъ отдѣлаться отъ жизни, а чтобъ испытать свою силу. Въ этомъ отношеніи всѣ они раздѣляютъ точку зрѣнія старика Карамазова: они забвенія не ищутъ, какъ бы трудно имъ ни давалась жизнь. Любопытной иллюстраціей этой «точки зрѣнія» служатъ юношескія мечтанія Ивана Карамазова, припомнившіяся ему въ бесѣдѣ съ чортомъ. Какой-то грѣшникъ былъ осужденъ пройти квадриліонъ километровъ, прежде чѣмъ ему откроются райскія двери. Грѣшникъ заупорствовалъ. «Не пойду», говоритъ. Улегся, и ни съ мѣста. Такъ пролежалъ онъ тысячу лѣтъ. Потомъ всталъ и пошелъ. Шелъ билліонъ лѣтъ. И только-что ему отворили рай... не пробывъ еще и двухъ секундъ, воскликнулъ, что за эти двѣ секунды не только квадриліонъ, но даже квадриліонъ квадриліоновъ пройти можно и даже возвысить въ квадриліонную степень». О такихъ-то вещахъ размышлялъ Достоевскій. Эти головокружительные квадриліоны пройденныхъ километровъ, эти билліоны лѣтъ вынесенной безсмыслицы ради двухъ секундъ райскаго блаженства, для котораго нѣтъ на человѣческомъ языкѣ словъ, суть лишь выраженіе той жажды жизни, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Иванъ Карамазовъ, какъ и отецъ его, эгоистъ до мозга костей. Онъ не то, что не можетъ, онъ не хочетъ пытаться какъ-нибудь растворить свою

[1]) Братья Карамазовы, 272.

личность въ высшей идеѣ, слиться съ «первоединымъ», природой и т. п., какъ рекомендуютъ философы. Хотя онъ и получилъ очень современное образованіе, но онъ не боится предъ лицомъ всей философской науки предъявить *свои* требованія. Не боится даже, что его смѣшають (и заодно уже отвергнутъ) съ его отцомъ. Прямо самъ и говоритъ: Ѳедоръ Павловичъ, папенька, былъ поросенокъ, но мыслилъ правильно»[1]). А самъ Ѳедоръ Павловичъ, поросенокъ-то, отлично видѣвшій и знавшій, какъ о немъ думаютъ люди, тотъ «мыслилъ», что хоть онъ и пожилъ достаточно, но все же этой жизни мало. Онъ хочетъ еще и себѣ безсмертія. Вотъ разговоръ его съ дѣтьми:

— Иванъ, говори, есть Богъ или нѣтъ...

— Нѣтъ, нѣту Бога.

— Алешка, есть Богъ?

— Есть Богъ.

— Иванъ, а безсмертіе есть, ну, тамъ какое-нибудь, ну, хоть маленькое, малюсенькое?

— Нѣтъ и безсмертія.

— Никакого?

— Никакого.

— То-есть совершеннѣйшій нуль или нѣчто? Можетъ быть нѣчто какое есть? Все же вѣдь не ничто.

— Совершенный нуль.

— Алешка, есть безсмертіе?

— Есть.

— И Богъ, и безсмертіе?

— И Богъ, и безсмертіе.

— Гм. Вѣроятнѣе, что правъ Иванъ...

[1]) Братья Карамазовы, 702.

Какъ видите, яблоко недалеко упало отъ дерева. И Өедора Павловича Карамазова Достоевскій надѣляетъ способностью искать «высшую идею». Вѣдь разговоръ, согласитесь, характернѣйшій. «Вѣроятнѣе, что правъ Иванъ», это только объективное заключеніе, которое всегда навязывалось Достоевскому и котораго онъ такъ боялся. Но здѣсь важно и то, что Достоевскій нашелъ нужнымъ отличить Өедора Павловича. Читателю, можетъ быть, кажется, что если и есть безсмертіе, то во всякомъ случаѣ не для такой погани, какъ Өедоръ Павловичъ, и что навѣрно найдется какой-нибудь такой законъ, который положитъ конецъ этому отвратительному существованію. Но Достоевскій о взглядахъ читателя мало заботится. Ракитина онъ держитъ за версту отъ своей высшей идеи, а старика Карамазова подпускаетъ къ ней, — принимаетъ его, хоть отчасти, въ почетное общество каторжниковъ. Соотвѣтственно этому все безобразное, отвратительное, трудное, мучительное, словомъ, все проблематическое въ жизни находитъ себѣ страстнаго и талантливѣйшаго выразителя въ Достоевскомъ. Онъ, словно нарочно, растаптываетъ на нашихъ глазахъ дарованіе, красоту, молодость, невинность. Въ его романахъ больше ужасовъ, чѣмъ въ дѣйствительности. И какъ мастерски, какъ правдиво эти ужасы описаны! У насъ нѣтъ ни одного художника, который умѣлъ бы такъ разсказать о горечи обиды и униженія, какъ разсказываетъ Достоевскій. Въ исторіи Грушеньки и Настасьи Филипповны ничто такъ не поражаетъ читателя, какъ вынесенный этими женщинами позоръ: «...Пріѣдетъ вотъ этотъ, разсказываетъ Настасья Филипповна о Тоцкомъ, ...опозоритъ, разобидитъ, распалитъ, развратитъ, уѣдетъ—такъ ты-

сячу разъ въ прудъ хотѣла кинуться...» [1]). А сколько вынесла Грушенька, вспоминая свою обиду. «Вотъ теперь, говоритъ она, пріѣхалъ этотъ обидчикъ мой. сижу теперь и жду вѣсти. А знаешь, чѣмъ мнѣ былъ этотъ обидчикъ? Пять лѣтъ тому назадъ завелъ меня сюда Кузьма, — такъ я сижу, бывало, отъ людей хоронюсь, чтобъ меня не видали и не слыхали, тоненькая, глупенькая, сижу да рыдаю, ночей напролетъ не сплю — думаю: и ужъ гдѣ онъ теперь мой обидчикъ? Смѣется, должно быть, съ другой надо мной, и ужъ я жъ его, думаю, только бы увидѣть его, встрѣтить когда; то ужъ я-жъ ему отплачу, ужъ я-жъ ему отплачу! Ночью, въ темнотѣ, рыдаю въ подушку и все это передумаю, сердце мое раздираю нарочно, злобой его утоляю. «Ужъ я-жъ ему, ужъ я-жъ ему отплачу!» Такъ бывало и закричу въ темнотѣ. Да какъ вспомню вдругъ, что ничего-то я ему не сдѣлаю, а онъ-то надо мной смѣется теперь, а можетъ быть и совсѣмъ забылъ и не помнитъ, такъ кинусь съ постели на полъ, зальюсь безсильною слезой и трясусь — трясусь до разсвѣта. Поутру встану злѣе собаки, рада весь свѣтъ проглотить. Потомъ, что-жъ ты думаешь: стала я капиталъ копить, безъ жалости сдѣлалась, растолстѣла — поумнѣла, ты думаешь, а? Такъ вотъ нѣтъ же, никто того не видитъ и не знаетъ во всей вселенной, а какъ сойдетъ мракъ ночной, все такъ же, какъ и дѣвчонкой, пять лѣтъ тому назадъ, лежу иной разъ, скрежещу зубами и всю ночь плачу: «ужъ я-жъ ему, да ужъ я-жъ ему!» думаю. Слышалъ ты все это?» [2]). Вотъ какъ «рождаются убѣжденія у героевъ и героинь Достоевскаго, я не го-

[1]) Идіотъ. 184.
[2]) Бр. Карамазовы. 420.

ворю уже о Раскольниковѣ, Карамазовѣ, Кириловѣ. Шатовѣ... Всѣ они испытали неслыханныя униженія. Какъ художественно выталкиваютъ Долгорукаго («Подростокъ») изъ игорнаго дома, какъ оплевываютъ подпольнаго человѣка! Достоевскій собиралъ всѣ имѣвшіяся въ его распоряженія средства, чтобъ вновь съ невѣдомой силой ударить по сердцу читателя, но на этотъ разъ уже не затѣмъ, чтобы читатель сталъ добрѣе и великодушно согласился по воскресеньямъ и въ праздничные дни называть послѣдняго человѣка своимъ братомъ. Теперь задача другая. Теперь нужно вырвать отъ науки, отъ «эѳики», какъ выражаются Ракитинъ и Димитрій Карамазовъ, признаніе, что благополучное устройство большинства, будущее счастье человѣчества, прогрессъ, идеи и т. д., словомъ, все то. чѣмъ до сихъ поръ оправдывались гибель и позоръ отдѣльныхъ людей — не можетъ разрѣшить главнаго вопроса жизни. И точно — въ виду изображенной Достоевскимъ дѣйствительности, едва ли даже у самаго завзятаго и убѣжденнаго позитивиста, у самаго «хорошаго» человѣка хватило бы совѣсти вспоминать о своихъ идеалахъ. Когда столь оклеветанный всѣми «эгоизмъ» приводитъ къ трагедіи, когда борьба одинокаго человѣческаго существа превращается въ непрерывную пытку, ни у кого не хватитъ безстыдства говорить высокими словами. Умолкаютъ даже и вѣрующія души... Но тутъ мы сталкиваемся уже не съ ученіемъ позитивистовъ или идеалистовъ, не съ философскими теоріями, не съ учеными системами. Людей можно образумить, философовъ и моралистовъ можно сдержать въ ихъ погонѣ за синтезомъ и объединеніемъ въ систему указаніемъ на судьбу трагическихъ людей.

Но что подѣлаешь съ жизнью? Какъ заставить ее считаться съ Раскольниковыми и Карамазовыми? У нея вѣдь ни стыда, ни совѣсти нѣтъ. Она равнодушно глядитъ на человѣческую комедію и человѣческую трагедію. Этотъ вопросъ переводитъ насъ отъ философіи Достоевскаго къ философіи его продолжателя Нитше, впервые открыто выставившей на своемъ знамени страшныя слова: апоѳеозъ жестокости.

XVIII.

Мы прослѣдили исторію перерожденія убѣжденій Достоевскаго. Въ основныхъ чертахъ она сводится къ попыткѣ реабилитаціи правъ подпольнаго человѣка. Если мы теперь обратимся къ сочиненіямъ Нитше, то, несмотря на то, что съ внѣшней стороны они такъ мало похожи на то, что̀ писалъ Достоевскій, мы прежде всего найдемъ въ нихъ несомнѣнные и ясно выраженные слѣды тѣхъ настроеній и переживаній, которыя насъ поразили въ творчествѣ этого послѣдняго. И Нитше былъ въ молодости романтикомъ, заоблачнымъ мечтателемъ. Объ этомъ говоритъ намъ не только первое его произведеніе—«Рожденіе трагедіи», но даже и статьи «Шопенгауеръ, какъ воспитатель» и «Вагнеръ въ Байретѣ», непосредственно примыкающія къ «Menschliches, Allzumenschliches», сочиненію, въ которомъ онъ въ первый разъ въ жизни, еще робко и осторожно, позволяетъ себѣ взглянуть на міръ и людей собственными глазами. За этотъ опытъ ему пришлось расплатиться дорогой цѣной. Большинство его друзей, въ томъ числѣ и самъ Вагнеръ, отвернулись отъ него. Никто изъ нихъ.

какъ это всегда бываетъ, не заинтересовался причиной внезапнаго перелома, происшедшаго въ душѣ Нитше. Друзья лишь подняли крикъ, что онъ «измѣнилъ» прежнимъ убѣжденіямъ, и нашли, что этого вполнѣ достаточно, чтобъ осудить человѣка. Всѣ знали, что Нитше тяжело и мучительно боленъ. Но и въ этомъ не видѣли смягчающихъ вину обстоятельствъ. Вагнеръ, еще недавно превозносившій литературную дѣятельность Нитше, по прочтеніи «Menschliches, Allzumenschliches» такъ вознегодовалъ, что не счелъ даже нужнымъ попытаться усовѣстить своего молодого друга и ученика. Онъ просто замолчалъ и уже до самой своей смерти не возобновлялъ сношеній съ Нитше. Такъ что въ самую трудную минуту своей жизни, когда человѣкъ, по общему мнѣнію, наиболѣе всего нуждается въ нравственной поддержкѣ, Нитше оказался совершенно одинокимъ. Правда, общее мнѣніе въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, подъ видомъ несомнѣнной истины преподноситъ намъ несомнѣнное заблужденіе. Въ дѣйствительно трудныя минуты жизни поддержка друзей обыкновенно ничего не даетъ и не можетъ дать человѣку и лишь тяготитъ его назойливымъ требованіемъ откровенности и признаній. Въ такіе моменты лучше всего оставаться одному. Хватитъ силъ вынести свое несчастье — выйдешь побѣдителемъ. Не хватитъ — все равно, никакой Вагнеръ не поможетъ. Я говорю, конечно, не объ обыкновенныхъ житейскихъ трудностяхъ, при которыхъ всегда два ума лучше, чѣмъ одинъ, а о тѣхъ случаяхъ, когда, по выраженію Достоевскаго, земля трещитъ подъ ногами. А вѣдь въ жизни они бываютъ гораздо чаще, чѣмъ въ романахъ. Тутъ друзья ничѣмъ не могутъ помочь. Но друзья

Нитше и не думали помогать ему. Они стали его врагами и, не желая дать себѣ трудъ понять человѣка, мстили ему презрѣніемъ. По словамъ же Нитше, на этотъ разъ особенно заслуживающимъ довѣрія, презрѣніе другихъ гораздо труднѣе вынести, чѣмъ собственное презрѣніе къ себѣ [1]). И точно, какъ бы человѣкъ ни презиралъ себя, въ глубинѣ души его всегда живетъ еще надежда, что онъ все-таки отыщетъ выходъ изъ своего труднаго положенія. Приговоръ же людей безпощаденъ, неумолимъ, окончателенъ. Его между дѣломъ бросаютъ осужденному съ тѣмъ, чтобъ никогда уже вновь не пересмотрѣть его...

По собственному признанію Нитше, «Шопенгауеръ, какъ воспитатель» и «Вагнеръ въ Байретѣ» были имъ написаны, когда онъ уже не вѣрилъ ни въ философію Шопенгауера, ни въ искусство Вагнера. А между тѣмъ обѣ эти статьи—сплошной панегирикъ имъ. Для чего же понадобилось такое притворство? Нитше объясняетъ, что, прощаясь со своими учителями, онъ хотѣлъ выразить имъ свою признательность и благодарность за прошлое. Я полагаю, что читатель найдетъ такой способъ выраженія благодарности не заслуживающимъ одобренія: нужно умѣть жертвовать ради истины своими друзьями и учителями. Вѣроятно, и самъ Нитше держался такого же мнѣнія, если же онъ все-таки выступаетъ открытымъ сторонникомъ Шопенгауера и Вагнера, хотя знаетъ, что пришло время проститься съ ними, то на это у него были иныя, можетъ быть менѣе красивыя, но несомнѣнно болѣе глубокія и серьезныя причины. Очевидно, дѣло было не въ учителяхъ, а въ

[1]) Нитше, т. II, стр. 376

ученикѣ: Нитше бы, пожалуй, менѣе церемонно распростился съ руководителями своей юности, если бы самъ твердо зналъ, куда ему идти отъ нихъ. Мы видимъ, что признательность и благодарность не помѣшали ему впослѣдствіи написать рѣзкую статью о Вагнерѣ, не помѣшали также называть Шопенгауера «старымъ фальшиво-монетчикомъ». Но это уже было подъ конецъ его литературной дѣятельности, въ 1886—88 году. Въ 1875 году онъ еще не смѣлъ думать, что нарождающіяся въ его душѣ мысли и настроенія, еще неопредѣленныя и хаотическія, возможно будетъ противоставить стройной и законченной, уже нашедшей себѣ признаніе философіи Шопенгауера и прогремѣвшей на всю Европу славѣ Вагнера. Ему казалось тогда, что самое ужасное, что можетъ случиться съ человѣкомъ, это—разрывъ съ учителями, измѣна прежней вѣрѣ и убѣжденіямъ. Онъ думалъ, что убѣжденія однажды на всю жизнь получаются человѣкомъ изъ рукъ достойныхъ учителей. Хотя онъ и много читалъ, но ему и въ голову не пришло, что такія полученныя готовыми отъ другихъ людей убѣжденія менѣе цѣнны, чѣмъ собственный, выработанный своими испытаніями, своими страданіями взглядъ на жизнь. То-есть, если хотите, онъ зналъ и это. Даже самъ высказывался въ этомъ смыслѣ, ибо въ книгахъ, которыя онъ читалъ (хотя бы у Шопенгауера), объ этомъ не разъ и подробно говорится. Но когда наступилъ «опытъ», когда пришла неизвѣстность, Нитше, какъ и всѣ люди въ его положеніи, не догадался, что это—то, о чемъ говорится въ книгахъ. Онъ лишь съ ужасомъ почувствовалъ, что въ душѣ его зашевелилось нѣчто неслыханно безобразное и ужасное. Въ своихъ мукахъ, въ своей безнадежности

онъ не узналъ прославленнаго «страданія», которое онъ вслѣдъ за Шопенгауеромъ благословлялъ и призывалъ въ своемъ первомъ произведеніи — «Рожденіи трагедіи». Онъ такъ мало казался себѣ похожимъ на героя, на одного изъ многихъ интересныхъ грѣшниковъ, въ родѣ Тангейзера, такъ красиво позировавшихъ въ операхъ Вагнера. Въ его положеніи не было и слѣда трагической красоты, которой онъ привыкъ любоваться въ произведеніяхъ древнихъ писателей. Онъ не похитилъ съ небесъ для блага человѣчества огня. Онъ не разгадалъ, какъ Эдипъ, загадки Сфинкса. Онъ даже не былъ въ гротѣ Венеры. Наоборотъ, когда онъ оглядывался на свое прошлое, оно представлялось ему непрерывнымъ рядомъ позорнѣйшихъ униженій. Вотъ, въ какомъ свѣтѣ рисуется ему его служеніе искусству, т.-е. исторія его отношеній къ Вагнеру: «въ одной партіи, говоритъ онъ въ афоризмѣ, называющемся «мученикъ противъ воли», былъ человѣкъ, слишкомъ робкій и трусливый, чтобы противорѣчить своимъ товарищамъ: имъ пользовались для всевозможныхъ цѣлей, отъ него добивались чего угодно, такъ какъ онъ больше, чѣмъ смерти, боялся дурного мнѣнія своихъ единомышленниковъ; это была жалкая и слабая душа. Товарищи понимали его и, пользуясь указанными его свойствами, сдѣлали изъ него героя, а подъ конецъ даже и мученика. Хотя слабый человѣкъ про себя всегда говорилъ «нѣтъ», но вслухъ онъ произносилъ «да», — даже на эшафотѣ, когда умиралъ за убѣжденія своей партіи: подлѣ него стоялъ одинъ изъ его старыхъ товарищей, который такъ тиранизировалъ его взглядомъ и словомъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ достойно встрѣтилъ смерть и съ тѣхъ поръ считается мучени-

комъ и великимъ характеромъ» [1]). Если въ этихъ словахъ резюмируется «прошлое» Нитше, то можно ли повѣрить, что при прощаніи съ нимъ человѣкъ испытывалъ чувство благодарности и признательности? Не вѣроятнѣе ли, что статьи «Вагнеръ въ Байретѣ» и «Шопенгауеръ, какъ воспитатель» были написаны лишь потому, что Нитше все еще продолжалъ чувствовать на себѣ взглядъ Вагнера (а можетъ быть и не одного Вагнера) и не въ силахъ былъ бороться съ его гипнотизирующимъ вліяніемъ. Да и какъ бороться? Для этого прежде всего нужно было вырвать изъ себя уваженіе къ себѣ, назвать свое прошлое настоящимъ именемъ, признаться, что газетные критики, которыхъ онъ привыкъ считать жалкими и недостойными людишками, были правы, называя его «литературнымъ лакеемъ Вагнера». Иными словами, нужно обречь себя на существованіе послѣдняго «человѣка». На такой ужасный шагъ человѣкъ не сразу рѣшается. Нитше все еще надѣется, что можетъ быть еще полезнымъ своей партіи, хотя бы тѣмъ, что словами будетъ поддерживать ея принципы и стремленія. По крайней мѣрѣ доброе имя будетъ сохранено, по крайней мѣрѣ никто не узнаетъ, какъ онъ отвратительно и постыдно несчастенъ. Это чего-нибудь да стоитъ. Нитше былъ гордымъ человѣкомъ. Онъ не хотѣлъ выставлять на показъ свои раны, онъ хотѣлъ скрыть ихъ отъ постороннихъ взоровъ. Для этого пришлось, конечно, притворяться и лгать, для этого пришлось писать горячія хвалебныя статьи и въ честь Шопенгауера и Вагнера, которыхъ въ душѣ онъ уже почти ненавидѣлъ, ибо считалъ ихъ

[1]) Сочин. т. II, стр. 86.

главными виновниками своего страннаго несчастія. Но и то сказать, кому нужна была *эта* правда? И что могъ бы онъ разсказать, если бы хотѣлъ говорить правду? Признаться открыто въ своей негодности? Но развѣ мало на свѣтѣ негодныхъ людей? И развѣ такое признаніе могло кого-нибудь поразить или заинтересовать? Вѣдь, въ сущности, ничего особеннаго и не произошло. Питше думалъ о себѣ, что онъ достойный человѣкъ, предназначенный для важнаго и значительнаго дѣла. Оказалось, что онъ ошибся, что онъ былъ ничтожнымъ и жалкимъ человѣкомъ. Такіе случаи часто бываютъ въ жизни. О нихъ никто и не вспоминаетъ. Такъ, напримѣръ, самому же Питше пришлось убѣдиться, что Давидъ Штраусъ, почитавшійся нѣмцами за великаго философа и образцоваго стилиста, на самомъ дѣлѣ лишь «образованный филистеръ», плохо владѣющій обыкновеннымъ литературнымъ языкомъ. Развѣ кого-нибудь, и самого Питше, это открытіе поразило, ужаснуло? Нѣтъ, конечно. На землѣ и безъ Давида Штрауса осталось достаточно примѣчательныхъ философовъ и образцовыхъ стилистовъ. Если бы Питше объективно разсудилъ, то могъ бы легко убѣдиться, что и его собственный случай не имѣетъ особеннаго значенія. А если бы онъ къ тому же еще припомнилъ основныя положенія философіи Шопенгауера, то могъ бы вполнѣ утѣшиться въ своемъ несчастіи. Вѣдь воля осталась неизмѣнной, стоитъ ли думать о томъ, что индивидуумъ, т. е. одинъ изъ милліардовъ случаевъ ея объективаціи, оказался раздавленнымъ? Но обыкновенно «основныя положенія философіи» мгновенно испаряются изъ памяти, какъ только человѣкъ серьезно столкнется съ жизнью. Если Питше и вспоминалъ

Шопенгауера, то не затѣмъ уже, чтобъ искать у него утѣшенія или поддержки, а чтобы предать его проклятію, какъ своего злѣйшаго врага. «Такое слово я скажу моимъ врагамъ: что значитъ всякое человѣкоубійство въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ вы сдѣлали мнѣ! То, что̀ вы сдѣлали мнѣ — хуже всякаго убійства: вы отняли у меня невозвратное: такъ говорю я вамъ, враги мои. Вы убили мои видѣнія и милыя чудеса моей юности. Вы отняли у меня товарищей моихъ, блаженныхъ духовъ. Въ память о нихъ я возлагаю здѣсь этотъ вѣнокъ и это проклятіе. Это проклятіе вамъ—мои враги» [1]). Эти слова Заратустры относятся къ Вагнеру и Шопенгауеру. Нитше проклинаетъ своихъ учителей за то, что они погубили его юность...

XIX.

Но, спросимъ опять: wozu solch Lärm? Что такое случилось? Нитше погибаетъ? Развѣ это достаточное основаніе, чтобы проклинать философію Шопенгауера и музыку Вагнера? Если мы вспомнимъ первыя произведенія Нитше, если мы прислушаемся къ «ученію» Заратустры о сверхчеловѣкѣ, то намъ покажется, что въ сущности Нитше рѣшительно не было никакой нужды такъ волноваться. Не удалась одна жизнь — нѣтъ въ томъ никакой бѣды. Природа производитъ индивидуумовъ милліонами и ея задача не въ сохраненіи и развитіи отдѣльныхъ экземпляровъ, а въ совершенствованіи вида, породы. Такъ говорилъ Шопенгауеръ. Такъ или почти такъ говорилъ и Заратустра. Что съ

[1]) Соч. т. VI. Das Grablied.

того, что погибли юношескія мечтанія одного профессора? Развѣ человѣчеству это грозитъ какой-нибудь опасностью?

Нитше отлично понималъ, что принятые имъ отъ Шопенгауера философскія положенія заключаютъ въ себѣ его приговоръ. Если бы онъ хоть вправѣ былъ считать себя примѣчательнымъ человѣкомъ! Но, въ свое оправданіе, онъ не могъ даже сослаться на свои необыкновенныя дарованія. Какъ видно изъ приведеннаго въ предыдущей главѣ афоризма «мученикъ поневолѣ», въ ту пору онъ самъ видѣлъ въ себѣ лишь жалкаго прислужника Вагнера. Зачѣмъ же существовать такому ничтожеству? Не лучше ли тихо и незамѣтно стушеваться, уступить мѣсто въ жизни болѣе достойнымъ представителямъ человѣческой породы? Теперь именно Нитше представлялся случай осуществить высокія требованія общепринятой нравственности, взятыя подъ свое покровительство философіей Шопенгауера, и доказать не на словахъ, а на дѣлѣ, что идея самопожертвованія и самоотреченія—не пустой звукъ, а великая сила, способная воодушевить человѣка и дать ему смѣлость покорно вынести самую мучительную судьбу. Но Нитше поступилъ какъ разъ обратно тому, чего отъ него требовали его прежнія «убѣжденія», полученныя отъ великаго воспитателя, Шопенгауера. Вмѣсто того, чтобы покориться и радоваться въ своемъ несчастіи прошлымъ успѣхамъ и новымъ надеждамъ человѣчества — что наиболѣе бы соотвѣтствовало выраженнымъ въ «Рожденіи трагедіи» убѣжденіямъ — Нитше рѣшается своей судьбой провѣрять справедливость и истинность завѣщанныхъ намъ тысячелѣтіями и столько разъ блестяще оправданныхъ лучшими умами человѣчества.

идеаловъ. Уже въ «Menschliches, Allzumenschliches» онъ поднимаетъ вопросъ о «цѣнности не эгоистическихъ мотивовъ, объ инстинктахъ сострадания, самоотреченія, самопожертвованія, которые именно Шопенгауеръ такъ долго золотилъ, обожествлялъ, потусторонивалъ (verjenseitigt), пока они, наконецъ, не стали для него цѣнностями an sich» [1]). И для разрѣшенія этого вопроса онъ уже не обращается, какъ прежде, когда писалъ свои первыя произведенія, къ философамъ, поэтамъ, проповѣдникамъ, словомъ, къ ученіямъ, передававшимся людьми изъ поколѣнія въ поколѣніе. Онъ чувствуетъ, что во всемъ этомъ онъ не найдетъ отвѣта для себя, словно всѣ учителя человѣчества сговорились молчать о томъ, что̀ для него важнѣе всего. И о своихъ собственныхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ онъ когда-то выступалъ съ такой гордостью и увѣренностью всезнающаго и всепонимающаго судьи, онъ долгое время не смѣетъ обмолвиться ни однимъ словомъ. Только впослѣдствіи, черезъ много лѣтъ онъ дѣлаетъ въ предисловіи или, вѣрнѣе, въ послѣсловіи къ «Рожденію трагедіи» попытку оцѣнить свой первый литературный опытъ. И странно устроено человѣческое сердце! Несмотря на то, что эта книга кажется ему во многихъ отношеніяхъ дурно написанной, несмотря на то, что онъ превосходно видитъ всѣ ея недостатки («...но книга, въ которой вылились мой юношескій пылъ и подозрительность, что за *невозможная* книга должна была вырости изъ такой не юношеской задачи» [2]), онъ не можетъ не питать къ ней отеческой нѣжности. А между тѣмъ, онъ, соб

[1]) Соч. т. VII, стр. 292.
[2]) Соч. т. I, стр. 3.

ственно говоря, долженъ былъ бы ненавидѣть ее такъ же, какъ сочиненія Шопенгауера и музыку Вагнера. Она вѣдь была наиболѣе полнымъ выраженіемъ той отчужденности отъ жизни, той боязни дѣйствительности, словомъ, того романтизма, который, благодаря специфически оранжерейному воспитанію Нитше, такъ всецѣло и въ такой ранней молодости овладѣлъ его довѣрчивой душой. И не только «Рожденіе трагедіи»— всѣ первыя произведенія Нитше, вплоть до «Menschliches, Allzumenschliches», по той же причинѣ должны бы были быть ненавистны ихъ автору. Всѣ они — романтизмъ чистѣйшей воды, т.-е. болѣе или менѣе граціозная игра готовыми поэтическими образами и философскими понятіями. Для молодого Нитше слово Шопенгауера — законъ. «Я принадлежу, пишетъ онъ въ 1875 году, когда ему уже было тридцать лѣтъ, и когда дѣйствительность стала уже предъявлять къ нему свои первыя грозныя требованія, къ числу тѣхъ читателей Шопенгауера, которые, прочитавъ первую страницу его сочиненій, уже навѣрное знаютъ, что прочтутъ все, что̀ онъ писалъ и вообще внимательно прислушиваются къ каждому его слову. Онъ сразу пріобрѣлъ мое довѣріе, и теперь оно не меньше, чѣмъ было девять лѣтъ тому назадъ. Я понимаю его, какъ будто онъ писалъ нарочно для меня» [1]). Какъ видите, Нитше плохо помѣстилъ свое довѣріе. И вообще съ «довѣріемъ» нужно обращаться осторожнѣй — Шопенгауеръ же менѣе всего годится въ учителя юношеству уже въ виду тѣхъ вопросовъ, о которыхъ у него идетъ рѣчь и до которыхъ молодому человѣку, даже даровитому, обыкновенно очень мало дѣла. Не лучше

[1]) Соч. т. I. стр. 398.

обстояло дѣло и съ музыкой. И Вагнеръ, съ его операми, опасенъ для несозрѣвшихъ людей, принуждая ихъ до времени входить въ чуждыя и недоступныя имъ сферы. Впослѣдствіи самъ Нитше вполнѣ ясно созналъ это. «Я былъ влюбленъ въ искусство, пишетъ онъ, съ истинной страстью и въ концѣ концовъ во всемъ существующемъ не видалъ ничего, кромѣ искусства — въ тѣ годы, когда обыкновенно иныя страсти волнуютъ душу человѣка» [1]).

Впрочемъ, собственно говоря, довѣріе къ ученію Шопенгауера и увлеченіе Вагнеромъ вовсе не всегда такъ фатально губительны для человѣка. Если бы жизнь Нитше прошла безъ случайныхъ осложненій, то, можетъ быть, онъ до глубокой старости сохранилъ бы въ душѣ чувства любви и преданности къ своимъ учителямъ. Романтизмъ далеко не всегда уродуетъ и коверкаетъ человѣческую судьбу. Наоборотъ, часто онъ счастливо оберегаетъ людей отъ столкновенія съ дѣйствительностью и способствуетъ сохраненію на долгіе годы того прекраснодушія, той ясности и свѣтозарности взглядовъ, того довѣрія къ жизни, которыя мы выше всего цѣнимъ въ философахъ. И Нитше могъ бы до конца дней своихъ развивать тѣ идеи, которыя положены имъ въ основаніе «Рожденія трагедіи». Онъ могъ бы учить людей мириться съ ужасами жизни, могъ бы, какъ дѣлалъ его предшественникъ, прославлять «философа, художника и святого». И навѣрное бы снискалъ себѣ великое уваженіе среди современниковъ и славу въ потомствѣ: вѣдь называетъ же проф. Рилль его «Рожденіе трагедіи» геніальнымъ произ-

[1]) Соч. т. XI, стр. 130.

веденіемъ. Правда, можетъ въ этомъ отзывѣ нѣмецкаго профессора позволительно видѣть нѣкоторую политическую хитрость. Можетъ быть проф. Рилль, не находя удобнымъ все сплошь порицать въ Нитше и желая имѣть видъ безпристрастнаго и справедливаго судьи, предпочитаетъ преувеличенно похвалить ту книгу Нитше, которая наиболѣе похожа на то, что пишутъ всѣ, съ тѣмъ, чтобъ развязать себѣ руки и уже потомъ свободно нападать на остальныя его произведенія. Но все же несомнѣнно, что если бы Нитше продолжалъ писать въ духѣ «Рожденія трагедіи», то ему пришлось бы лишь настолько отдѣлиться отъ общепринятыхъ убѣжденій и взглядовъ, насколько это разрѣшается существующими представленіями о дозволенной и желательной оригинальности. Онъ бы, конечно, въ началѣ своей писательской дѣятельности имѣлъ и противниковъ, но подъ конецъ достигъ бы той виртуозности изложенія, которая покоряетъ и враговъ и наиболѣе всего обезпечиваетъ человѣку радостное уваженіе окружающихъ его ближнихъ. Несомнѣнно, что при иныхъ обстоятельствахъ Нитше писалъ бы иное, и проф. Рилль могъ бы съ спокойной совѣстью называть всѣ его произведенія геніальными.

Но судьба рѣшила иначе. Вмѣсто того, чтобы предоставить Нитше спокойно заниматься будущимъ всего человѣчества и даже всей вселенной, она предложила ему, какъ и Достоевскому, одинъ маленькій и простой вопросъ—о его собственномъ будущемъ. И проникновенный философъ, безтрепетно глядѣвшій на ужасы всего міра, смутился и потерялся, какъ заблудившееся въ лѣсу дитя, предъ этой несложной и почитающейся легкой задачей. Въ этомъ дѣлѣ его прошлая ученость

оказалась для него безполезной, даже тягостной. «Все торжественное опротивѣло мнѣ, пишетъ онъ. Что мы такое?» [1]). А между тѣмъ это «торжественное» было то, чѣмъ онъ жилъ до сихъ поръ, что̀ онъ считалъ величайшей мудростью и въ распространеніи чего видѣлъ свое провиденціальное назначеніе. Теперь это нужно бросить. Но что̀ же тогда останется? Какъ взглянуть въ лицо всѣмъ людямъ, что̀ сказать Вагнеру, какъ быть наединѣ съ самимъ собою? Нѣкоторое время Нитше дѣлаетъ попытки примирить свою новую дѣйствительность со старыми «убѣжденіями». Какъ уже указано, онъ пишетъ статьи о Вагнерѣ и Шопенгауерѣ, надѣясь, что привычка возьметъ свое и онъ снова сживется съ такъ необходимой ему теперь вѣрой въ идеалы. Но разсчетъ былъ ошибоченъ. Притворное служеніе и для человѣка въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ —дѣло очень нелегкое Для Нитше же, въ его ужасномъ положеніи, оно обратилось въ настоящую пытку. Онъ увидѣлъ, что жить по старому невозможно. И зная, что̀ его ждетъ, зная, что друзья и, главнымъ образомъ, Вагнеръ никогда не простятъ ему измѣны, онъ отвернулся отъ старыхъ боговъ и пошелъ по новому пути, хотя и новый путь ничего, кромѣ опасностей, мучительныхъ сомнѣній и вѣчнаго одиночества ему не сулилъ...

XX.

И съ чѣмъ вышелъ онъ на новый путь? Что̀ имѣлъ онъ взамѣнъ прежнихъ убѣжденій? Отвѣтъ заключается въ одномъ словѣ: ничего. Ничего, кромѣ отвратитель-

[1]) Соч. т. XI, стр. 153.

ныхъ физическихъ страданій въ настоящемъ, позорныхъ, унизительныхъ воспоминаній о прошломъ и безумнаго страха передъ будущимъ. У него не могло быть никакой надежды, ибо на что способенъ разбитый, больной человѣкъ, потратившій лучшіе годы жизни на безполезныя, ненужныя, ничего ему не принесшія занятія? До 30 лѣтъ онъ, какъ нашъ Илья Муромецъ, сиднемъ сидѣлъ, созерцая чужіе идеалы. Теперь нужно встать и идти — но ноги отказываются служить, а благодѣтельные старцы съ волшебнымъ напиткомъ не являются и не явятся: въ наше время чудесъ не бываетъ. Въ довершеніе всего болѣзнь приняла такіе размѣры, что ему пришлось бросить свои обычныя, наполнявшія день, профессорскія занятія и всѣ 24 часа въ сутки оставаться празднымъ, наединѣ съ своими размышленіями и воспоминаніями. Даже ночь не приносила ему отдыха и покоя, такъ какъ онъ страдалъ безсонницей, обычной спутницей трудныхъ нервныхъ болѣзней. — И вотъ такой человѣкъ становится писателемъ, позволяетъ себѣ обратиться къ людямъ со своимъ словомъ. Является естественный вопросъ — имѣетъ ли право такой человѣкъ писать? Что можетъ онъ разсказать намъ? Что онъ страдаетъ, страдалъ? Но мы слышали уже довольно жалобъ отъ поэтовъ, и молодой Лермонтовъ давно уже высказалъ открыто ту мысль, которую другіе держали про себя. Какое дѣло намъ, страдалъ Ницше или нѣтъ? И затѣмъ — поэты дѣло иное. Они вѣдь не просто жалуются: кто сталъ бы ихъ слушать, если бы они «просто» жаловались! Они облекаютъ свои жалобы въ звучные и красивые стихи, изъ ихъ слезъ выростаютъ цвѣты. Мы любуемся цвѣтами и не думаемъ о слезахъ: божественная гармонія стиха заставляетъ насъ

радоваться даже самому печальному напѣву. Но Нитше—философъ: онъ не умѣетъ и не долженъ пѣть. Ему приходится говорить—и неужели онъ рѣшится предложить людямъ монотонный и однообразный разсказъ о тѣхъ ужасахъ, которые ему пришлось испытать? Или и въ философіи есть свои цвѣты и своя поэзія, которые и составляютъ ея raison d'être, и эта наука наукъ есть тоже искусство—искусство выдавать за истину разнаго рода интересныя и занимательныя вещи? Послушаемъ объясненій Нитше. Въ этихъ дѣлахъ не многіе могутъ сравниться съ нимъ разнообразіемъ и многосторонностью опыта. Онъ самъ подробно разскажетъ намъ, какъ онъ писалъ свои книги. „Тотъ, кто можетъ хоть отчасти угадать, пишетъ онъ, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ всякое глубокое подозрѣніе, кому знакомы ужасъ и холодъ одиночества, на которое обрекаетъ насъ всякое, безусловно отличное отъ общепринятаго, міровоззрѣніе (jede unbedingte Verschiedenheit des Blicks), тотъ также пойметъ, какъ часто приходилось мнѣ, чтобъ излѣчиться отъ самого себя, чтобъ хоть на время забыться, искать себѣ убѣжища въ благоговѣніи предъ чѣмъ-нибудь, во враждѣ, въ научности, въ легкомысліи, въ глупости; и почему я въ тѣхъ случаяхъ, когда не находилъ готовымъ того, что̀ мнѣ нужно было, искусственно добывалъ его себѣ—пускался на фальсификаціи, выдумывалъ (а что̀ другое дѣлали поэты? И зачѣмъ вообще существуетъ все искусство?)“ [1]. Недурное признаніе, неправда ли? Искусство понимается, какъ умышленная фальсификація дѣйствительности, философіи же рекомендуются тѣ же пріемы.

[1] Соч. т. II, предисловіе.

Иначе нельзя вынести ужаса и холода одиночества. Но развѣ фальсификація, особенно сознательная, въ такихъ случаяхъ можетъ помочь? Развѣ «свой» взглядъ на жизнь становится менѣе безотраднымъ при такихъ ухищреніяхъ ума и совѣсти? И затѣмъ, развѣ намъ дано произвольно измѣнять «взглядъ»? Мы видимъ то, что̀ видимъ, что̀ лежитъ предъ нами, и никакія усилія воли не могутъ представить намъ черное бѣлымъ и наоборотъ. Ницше, повидимому, думаетъ иначе. Въ предисловіи къ 3-му тому сочиненій онъ говоритъ: «тогда-то (т.-е. во время болѣзни) научился я тѣмъ уединеннымъ рѣчамъ, которыя знакомы лишь одинокимъ и много страдавшимъ людямъ: я говорилъ безъ свидѣтелей или, вѣрнѣе, совершенно не думая о свидѣтеляхъ, и все о вещахъ, до которыхъ мнѣ не было никакого дѣла, но такъ, какъ будто онѣ имѣли для меня значеніе. Тогда я научился искусству представляться бодрымъ, объективнымъ, любопытствующимъ и прежде всего здоровымъ и насмѣшливымъ: у больного, я полагаю, это признакъ хорошаго вкуса. Тѣмъ не менѣе, отъ болѣе тонкаго и сочувственнаго взгляда не укроется то, что̀ составляетъ особую привлекательность этой книги (Menschliches, Allzumenschliches): онъ замѣтитъ, что здѣсь больной и обездоленный человѣкъ говоритъ такъ, *какъ будто бы* онъ не былъ больнымъ и обездоленнымъ. Здѣсь человѣкъ стремится во что бы то ни стало сохранить равновѣсіе, спокойствіе — даже благодарность къ жизни; здѣсь царитъ строгая, гордая, всегда бодрая, всегда возбужденная воля, поставившая себѣ задачей защищать жизнь противъ страданій и отклонять всѣ заключенія, которыя, подобно ядовитымъ губкамъ, вы-

ростаютъ на всякаго рода болотистой почвѣ – страданія, разочарованія, пресыщенія, одиночества …

Теперь мы знаемъ, какъ Ницше писалъ свои книги Повидимому, ему не дано было вырваться изъ власти идей. Когда-то онъ, защищая Вагнера и Шопенгауера, говорилъ о вещахъ, до которыхъ ему не было никакого дѣла, но съ такимъ видомъ, какъ будто онѣ имѣли для него значеніе, теперь же, выступая на новомъ поприщѣ «адвоката жизни», онъ снова, повидимому, подавляетъ въ себѣ всѣ протесты, все личное, все свое съ тѣмъ, чтобы прославлять своего новаго кліента. Онъ снова лицемѣритъ, снова играетъ роль, но на этотъ разъ уже не безсознательно, не съ чистой совѣстью, какъ въ молодости: теперь онъ даетъ себѣ отчетъ въ своемъ поведеніи. Теперь онъ знаетъ, что иначе нельзя, и не только не приходитъ въ ужасъ, когда ему приходится говорить вслухъ «да», въ то время, когда все его существо твердитъ «нѣтъ», но даже гордится этимъ искусствомъ и находитъ въ немъ особую прелесть. Онъ отклоняетъ всѣ заключенія, выростающія на почвѣ разочарованія, страданія, одиночества, т.-е. именно тѣ заключенія, которыя единственно и могли являться у человѣка въ его обстоятельствахъ. Кто же или что же такое живетъ въ немъ, чему даны такія суверенныя права надъ его душой? Можетъ быть это старый разумъ, однажды уже съигравшій надъ Ницше такую злую шутку и потому лишенный всѣхъ прежнихъ правъ, вновь силой или хитростью занялъ свое прежнее первенствующее положеніе? Или опять совѣсть и стыдъ предъ людьми соблазняютъ Ницше къ чуждой ему вѣрѣ и убѣждаютъ больного и обездоленнаго притворяться здоровымъ и счастливымъ? Фактъ необычайной важно-

сти! Мы уже теперь должны отмѣтить, что во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, вплоть до самыхъ послѣднихъ, въ которыхъ Нитше выступаетъ рѣшительнѣйшимъ иммо-ралистомъ и безбожникомъ, въ которыхъ онъ беретъ своимъ девизомъ странныя слова, служившія въ сред-ніе вѣка таинственнымъ паролемъ одной изъ магоме-танскихъ сектъ, столкнувшихся въ Св. Землѣ съ крестоносцами: «нѣтъ ничего истиннаго, все дозволено»,— во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, все время и неизмѣнно Нитше апеллируетъ къ какой-то высшей инстанціи, на-зываемой имъ то просто жизнью, то «совокупностью жизни», и не смѣетъ говорить отъ своего собственнаго имени. Получается впечатлѣніе, которое лучше всего резюмируется насмѣшливыми словами Достоевскаго: «все дозволено и шабашъ!... только если захотѣлъ мошенничать, то зачѣмъ бы еще, кажется, санкція исти-ны?» [1]). Для поклонниковъ категорическаго императива пристрастіе Нитше къ санкціи истины могло бы слу-жить лучшимъ опроверженіемъ всего его ученія, и меня очень удивляетъ, что до сихъ поръ никто еще не вы-ступилъ противъ него съ этимъ, на видъ непобѣдимымъ, аргументомъ. Тѣмъ болѣе, что встрѣчающіяся у Нитше и такъ часто ставившіяся ему въ упрекъ противорѣчія въ его сужденіяхъ имѣютъ своимъ главнымъ источни-комъ это преклоненіе предъ новымъ «молохомъ абстрак-ціи», замѣнившимъ теперь собою многочисленныхъ ста-рыхъ. Я впрочемъ не хочу этимъ сказать, что санкція истины или, лучше сказать, всякая вообще послѣдняя санкція на сторонѣ тѣхъ, которые возвѣщаютъ, что *не* все позволено и воздерживаются отъ мошенничества въ

[1]) Братья Карамазовы, 769.

томъ, разумѣется, смыслѣ (вѣдь и такія оговорки еще нужны!), въ которомъ это слово употребляется Достоевскимъ. Болѣе того, я уже указывалъ, что въ преклоненіи Достоевскаго предъ каторгой явно сквозитъ сознаніе, что именно санкція-то, которой, какъ своей неотъемлемой и нераздѣльной прерогативой похвалялись до сихъ поръ идеалисты, присвоена себѣ этими послѣдними совершенно незаконно. Шиллеръ когда-то безъ всякихъ колебаній, даже безъ мысли о томъ, что какія-нибудь колебанія возможны, вложилъ въ уста своего Филиппа II слѣдующія слова:

Gern mag ich hören,
Dass Karlos meine Räte hasst, doch mit
Verdruss entdeck ich, dass er sie verachtet.

Въ этой фразѣ были какъ бы разъ навсегда опредѣлены и закрѣплены отношенія тѣхъ типовъ, представителями которыхъ являются Филиппъ II-й и донъ Карлосъ. Презираетъ донъ Карлосъ, а Филиппъ II-й чувствовалъ бы себя польщеннымъ, если бы видѣлъ со стороны своего сына хоть ненависть къ себѣ. И ни у кого не было сомнѣнія, что между добромъ и зломъ, говоря болѣе общимъ языкомъ, такого рода отношенія сохранятся на вѣки вѣчные: зло не въ силахъ побѣдить презрѣніе добра и потому втайнѣ само себя презираетъ. Т.-е. санкція истины на сторонѣ донъ Карлоса и его прекраснодушія. Что же до Филиппа — то, если онъ хочетъ «мошенничать», то пусть оставитъ надежду на всякую санкцію. Такъ было во времена Шиллера. Теперь же обстоятельства измѣнились. Теперь донъ Карлосы ждутъ отъ Филипповъ, какъ милостыни ихъ ненависти, но кромѣ презрѣнія ничего не добиваются. Примѣръ—Достоевскій съ каторгой или Нитше,

съ такой странной ясностью выразившій эту мысль въ уже приведенныхъ однажды словахъ Заратустры: «знаешь ли ты, мой другъ, слово презрѣнія и муки твоей справедливости — быть справедливымъ къ тѣмъ, кто презираетъ тебя». Переведите эти слова на конкретный языкъ — а такіе переводы обязанъ дѣлать всякій, кто хочетъ найти въ книгахъ не одно только эстетическое наслажденіе — и вы получите новую формулу для взаимныхъ отношеній Филиппа и донъ Карлоса. Уже не Филиппъ знаетъ слово презрѣнія, уже не онъ мучается необходимостью признать, что справедливость (санкція истины) не съ нимъ, а съ его врагами, а, наоборотъ, всѣ эти удовольствія выпадаютъ на долю донъ Карлоса.

XXI.

Но оставимъ въ сторонѣ споръ о санкціи и о томъ, чего собственно добиваются люди, когда они такъ страстно, злобно и безпощадно стремятся доказать безспорность и исключительность своихъ правъ на нее. Насъ занимаетъ теперь иное. Что дѣлать намъ съ сочиненіями писателя, который, по собственному, неоднократно выраженному признанію, писалъ въ своихъ книгахъ такъ, какъ будто бы онъ былъ не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ? Русскому читателю манера Нитше, правда, не въ диковинку. У насъ есть Достоевскій, который говоритъ такъ, какъ будто бы онъ былъ не подпольнымъ человѣкомъ, не Раскольниковымъ, не Карамазовымъ, который симулируетъ и вѣру, и любовь, и кротость, и что хотите. У насъ

есть гр. Толстой, писавшій изъ «тщеславія, корыстолюбія и гордости», какъ онъ самъ въ порывѣ поздняго раскаянія разсказываетъ въ «Исповѣди». Такъ что прямо отвергнуть Нитше намъ нельзя, если бы мы и хотѣли, ибо пришлось бы вслѣдъ за нимъ отвергнуть также и Достоевскаго, и гр. Толстого. Приходится, значитъ, ставить вопросъ — чего стоитъ такого рода симуляція и, затѣмъ, нужна ли она. Тутъ предоставимъ слово опять самому Нитше. Въ предисловіи къ «Menschliches, Allzumenschliches», изъ котораго мы дѣлали уже выписки въ предыдущей главѣ, встрѣчается замѣчаніе, какъ будто бы вполнѣ выясняющее и оправдывающее такого рода странные пріемы: «...Тогда, говоритъ Нитше, выработалъ я себѣ новый принципъ: больной еще не имѣетъ права быть пессимистомъ, тогда началъ я терпѣливую и упорную борьбу съ антинаучной основной тенденціей всякаго рода романтическаго пессимизма, истолковывающаго, раздувающаго отдѣльныя, личныя переживанія до степени общихъ сужденій, даже приговоровъ міозданію... словомъ, тогда я заставилъ себя повернуться въ иную сторону. Оптимизмъ, въ цѣляхъ возстановленія силъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи снова пріобрѣсть право быть пессимистомъ — понимаете ли вы это? Подобно тому, какъ врачъ переводитъ своего больного въ совершенно иную обстановку... такъ я, въ качествѣ врача и больного въ одномъ лицѣ, принудилъ себя къ совершенно иному, еще не испытанному, душевному климату» [1]. Но развѣ эти соображенія достаточно оправдываютъ авторское притворство? Допустимъ, что больной и въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ

[1] Соч. т. III, стр. 9.

права быть пессимистомъ (завидное право!) и что оптимизмъ, какъ перемѣна душевнаго климата, можетъ быть точно полезенъ для воспитанника Шопенгауера и Вагнера. Но читатели, которымъ попалось въ руки первое изданіе обоихъ томовъ «Menschliches, Allzumenschliches», еще не снабженныхъ пояснительными предисловіями (написанными только черезъ 8 лѣтъ), какъ могли бы они догадаться, что имѣютъ дѣло не просто съ книгами, т.-е. выраженными убѣжденіями автора, а съ искусственно созданной, пригодной лишь для извѣстнаго рода болѣзней, атмосферой? Ни заглавія сочиненій, ни изложенныя въ нихъ мысли ничего подобнаго не выдавали. И если бы литературная дѣятельность Нитше ограничилась лишь первыми четырьмя томами его сочиненій, то самый тонкій и сочувственный взглядъ не уловилъ бы въ нихъ цѣлей автора. Даже теперь, когда у насъ имѣются длинныя предисловія, когда мы знаемъ послѣдніе четыре тома его сочиненій, когда намъ извѣстна біографія Нитше, критики упорно остаются при убѣжденіи, что въ «Menschliches. Allzumenschliches» и «Morgenröthe» Нитше является послѣдовательнымъ позитивистомъ. Такъ что, повидимому, эти книги не достигли своей цѣли. Опыты лѣченія нужно было производить не публично, а у себя дома, никого о нихъ не оповѣщая. И Нитше ли была неизвѣстна эта элементарная истина? Приведенное объясненіе, слѣдовательно, можетъ имѣть для насъ только значеніе біографической справки и менѣе всего можетъ пролить свѣтъ на тѣ способы отысканія истины, которыми пользовался Нитше въ этотъ періодъ своей жизни. А между тѣмъ въ «Menschliches, Allzumenschliches» онъ уже высказываетъ очень опредѣленно, хотя и не смѣло.

тѣ сужденія свои о нравственности, которыхъ онъ уже держался до конца жизни: въ предисловіи къ «Zur Genealogie der Moral» онъ самъ на это указываетъ. И разъ мы желаемъ дойти до источника нитшевскаго міровоззрѣнія, разъ мы хотимъ узнать, какъ «родились» его новыя убѣжденія (а вѣдь въ этомъ все наше дѣло), мы не вправѣ видѣть въ его «позитивистическихъ» произведеніяхъ только опыты самолѣченія. Въ нихъ уже нужно искать и въ нихъ есть уже все то, что впослѣдствіи привело Нитше къ формулѣ «по ту сторону добра и зла», къ апоѳеозу жестокости, къ прославленію эгоизма, къ ученію о вѣчномъ возвращеніи, къ Wille zur Macht — и даже къ идеалу сверхчеловѣка. При внимательномъ ихъ изученіи мы убѣждаемся, что они иногда намъ болѣе говорятъ объ ихъ авторѣ, нежели страстныя рѣчи Заратустры и тотъ безудержъ надорваннаго творчества, который проявился въ «Антихристѣ». Такъ что исторію о самолѣченіи приходится принять съ большими ограниченіями и даже пока совсѣмъ отвергнуть.

Гораздо болѣе важнымъ и потому заслуживающимъ болѣе внимательнаго разсмотрѣнія является другое объясненіе, на которое мы уже вскользь обращали вниманіе читателя. Нитше говоритъ, что въ «Menschliches, Allzumenschliches» онъ поставилъ себѣ задачей «защищать жизнь противъ страданій и отклонять всѣ заключенія, которыя, подобно ядовитымъ губкамъ, выростаютъ на всякаго рода болотистой почвѣ — страданія, разочарованія, пресыщенія, одиночества». Это уже несомнѣнно методъ отысканія истины — хотя, конечно, и отрицательный. Намъ остается только провѣрить его годность. Точно ли онъ приводитъ, можетъ

привести къ «истинѣ» или наоборотъ (вѣдь съ методами и это бываетъ) — уводитъ отъ нея? Обратимся опять къ опыту Нитше. Разсуждая о Сократѣ и его ученіи, онъ говоритъ: «Философы и моралисты обманываютъ себя, полагая, что возможно вырваться изъ décadence'а, объявивъ войну этому послѣднему. У нихъ нѣтъ силъ спастись, всѣ пріемы, которые они изберутъ какъ средства спасенія, будутъ сами лишь выраженіемъ décadence'а — они мѣняютъ лишь форму, но сущность остается той же. Сократъ былъ лишь однимъ недоразумѣніемъ. Стремленіе къ ясному дневному свѣту, къ разумности во что бы то ни стало, желаніе сдѣлать жизнь свѣтлой, холодной, осторожной, сознательной, безъинстинктивной, противоборствующей инстинктамъ — все это было только болѣзнью, новой болѣзнью, а отнюдь не возвращеніемъ къ «добродѣтели», къ «здоровью», къ «счастью»... Быть принужденнымъ бороться съ инстинктами, это — формула décadence'а: пока жизнь развивается, счастье равнозначуще инстинкту» [1]). Все это относится къ Сократу и къ его проповѣди борьбы съ самимъ собою или «теоріи исправленія», какъ выражается Нитше. Побороть въ себѣ décadence считается безусловно невозможнымъ. Сократъ—декадентъ и всѣ его попытки спастись будутъ лишь новымъ выраженіемъ декадентства, упадка. Онъ не годится въ учителя, и самое его ученіе должно быть цѣликомъ отвергнуто. Ну, а самъ Нитше? Помимо того, что въ оставшихся послѣ него бумагахъ сохранились замѣтки, въ которыхъ онъ самъ признаетъ себя духовно близкимъ Сократу («Сократъ, нужно признаться въ томъ,

[1]) Соч. т. VIII, стр. 74.

такъ близокъ мнѣ, что мнѣ приходится постоянно бороться съ нимъ» [1]); въ томъ же восьмомъ томѣ, въ которомъ осуждается мораль исправленія, какъ безнадежный способъ спасти безнадежно погибшихъ людей, мы встрѣчаемъ, въ предисловіи къ статьѣ о Вагнерѣ, слѣдующія слова: «я, такъ же какъ и Вагнеръ, сынъ нашего времени, décadent: только я понялъ это и боролся съ этимъ, философъ во мнѣ боролся съ этимъ» [2]). Но вѣдь самая борьба, какъ мы сейчасъ видѣли, есть только «болѣзнь», только новое выраженіе декадентства. Значитъ, вся дѣятельность Нитше сходитъ на нѣтъ, и онъ, несмотря на попытки самоизлѣченія, остался тѣмъ же декадентомъ, какими были, по его словамъ, Сократъ и Вагнеръ? Какъ выйти изъ этого основного противорѣчія? Признать ли, что Нитше несправедливо осудилъ современность, а съ нею Вагнера и Сократа, или, наоборотъ, согласиться, что борьба съ декадентствомъ есть тоже декадентство и отнести самого Нитше къ разряду безнадежныхъ, ненужныхъ людей? Вопросъ, какъ видите, существенный, огромный — но изъ-за огромности вопроса не слѣдуетъ забыть отмѣтить характерную психологическую черту. По поводу Сократа Нитше необыкновенно рѣшительно выступилъ съ сужденіемъ о безплодности всякаго рода попытокъ къ борьбѣ съ «декадентствомъ» и даже тысячелѣтняя, никѣмъ доселѣ не оспаривавшаяся слава мудреца не заставила его смягчить свой приговоръ о знаменитомъ грекѣ. Когда же дѣло коснулось его самого—теоріи словно не бывало. Оказывается, что не только можно

[1]) Соч. т. X, стр. 452.
[2]) Соч. т. VIII, стр. IX.

бороться съ декадансомъ, но что за такой борьбой обезпеченъ вѣрный успѣхъ—хватило бы лишь мужества, настойчивости и энергіи. «Сама жизнь, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Нитше, вознаграждаетъ насъ за нашу упорную волю къ жизни, за такую длинную борьбу, какъ та, которую велъ я тогда съ собою противъ пессимизма жизненной усталости... Мы получаемъ за это отъ нея великій даръ, величайшій изъ всѣхъ, которые она въ состояніи дать—намъ возвращается наша жизненная задача» [1]). Но Сократъ ли не проявлялъ мужества и энергіи? А ему это не пошло въ прокъ! Нитше же спасся и считаетъ себя вправѣ вновь принять на себя великую миссію учителя людей, для которой оказался негоднымъ Сократъ. — Я сопоставилъ здѣсь два противорѣчивыхъ сужденія Нитше не затѣмъ, конечно, чтобъ уличать его въ непослѣдовательности. Здѣсь важно лишь то обстоятельство, что онъ, имѣя всѣ «объективныя» данныя причислить себя къ погибшимъ людямъ, декадентамъ, Сократамъ—не только не причислилъ себя къ этой категоріи, но, наоборотъ, торжественно и увѣренно отдѣлилъ себя отъ нея. Въ этомъ сказалась не черта Нитше, а черта общечеловѣческая. Никто изъ насъ, несмотря ни на какую внѣшнюю очевидность, не подпишетъ себѣ нравственнаго приговора. Это неотъемлемое свойство человѣческой природы, о которомъ большинство людей, благодаря разнаго рода возвышеннымъ ученіямъ, ничего и не слыхало. Не слыхалъ объ этомъ и Нитше, пока учился у Вагнера и Шопенгауера. Но уже въ «Menschliches, Allzumenschliches» онъ даетъ себѣ объ этомъ

[1]) Соч. т. III, стр. 10.

ясный отчетъ, «есть ли у человѣка змѣиное жало или нѣтъ, объ этомъ можно узнать не прежде, чѣмъ когда кто-нибудь наступитъ на него пятой. Женщина или мать сказала бы: не прежде, чѣмъ когда кто-нибудь наступитъ ногой на любимаго человѣка или ея дитя.— Нашъ характеръ гораздо больше опредѣляется отсутствіемъ извѣстнаго рода переживаній, чѣмъ тѣмъ, что мы пережили» [1]). Такъ было у самого Нитше. Пока обстоятельства складывались благопріятно, могъ ли бы кто-нибудь (и онъ самъ въ томъ числѣ) заподозрить въ этомъ кроткомъ, мягкомъ, умѣвшемъ быть такъ глубоко и безкорыстно преданнымъ человѣкѣ «змѣиное жало» или, оставивъ метафоры, ту крайнюю степень эгоизма, которая привела подпольнаго человѣка къ дилеммѣ: существовать ли міру или пить чай ему, подпольному герою? Могъ ли кто-нибудь, повторяю, глядя на Нитше, съ такимъ самоотверженіемъ и съ такой осмысленной настойчивостью отдававшаго всю душу свою служенію наукѣ и искусству, предположить, что не наука, и не искусство, и не міръ, и не человѣчество служило для него главной цѣлью? И что въ тотъ моментъ, когда волею судебъ предъ Нитше предстанетъ уже не теоретически, а практически вопросъ—что сохранить, воспѣтыя ли имъ чудеса человѣческой культуры или его одинокую, случайную жизнь, онъ принужденъ будетъ отказаться отъ завѣтнѣйшихъ идеаловъ своихъ и признать, что вся культура, весь міръ ничего не стоятъ, если нельзя спасти одного Нитше? Эта мысль казалась ему безумной; онъ до конца своей жизни не могъ цѣликомъ принять ее, и чѣмъ упорнѣе она его

[1]) Соч. т. III, стр. 33.

преслѣдовала, тѣмъ страстнѣе онъ стремился избавиться отъ нея или, по крайней мѣрѣ, поставить ее въ зависимость отъ какого-нибудь идеала. Она пугала его тѣми опустошеніями, которыя она несла съ собой людямъ, она представлялась ему чудовищной по своей безплодности, ибо кромѣ уничтоженія и отрицанія, кромѣ нигилизма, она, повидимому, ничего не могда дать. Но отречься отъ нея было не такъ легко. Нитше не первый и не послѣдній боролся съ ней. Мы видѣли, какія неимовѣрныя усилія дѣлалъ гр. Толстой, чтобъ вырвать съ корнемъ, выкорчевать изъ своей души всѣ остатки эгоизма. Или Достоевскій. Но эгоизмъ не только не ослабѣвалъ, а усиливался, и все въ новой формѣ предъявлялъ свои права: у него, какъ у сказочнаго змѣя, вмѣсто каждой отрубленной головы являлись двѣ новыя. Такъ было и съ Нитше. Онъ торжественно заявляетъ: «ты долженъ воочію убѣдиться, что несправедливость сильнѣе всего проявляется тамъ, гдѣ мелкая, узкая, бѣдная, элементарная жизнь не можетъ удержаться отъ того, чтобы ради своего сохраненія не подкапываться исподтишка, но неизмѣнно и неустанно, и не оспаривать права всего болѣе высокаго, великаго, богатаго» [1]). Въ этихъ словахъ выражается не личное сужденіе Нитше, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Здѣсь оригинальна только форма, мысль же стара, какъ міръ. Укажите мнѣ философа или моралиста, который не считалъ бы своей обязанностью превозносить богатую и высокую жизнь въ ущербъ бѣдной и узкой? Только въ Евангеліи сказано: блаженны нищіе духомъ, но современная, да и не только современная, а всякая,

[1]) Соч. т. II, стр. 11.

когда-либо существовавшая наука понимала эти слова очень условно или, если уже говорить прямо, вовсе ихъ не понимала и съ привычной почтительностью обходила ихъ, какъ обходятъ на большихъ собраніяхъ старыхъ, заслуженныхъ, но никому ненужныхъ и приглашенныхъ лишь для приличія гостей. Всѣ знали, что блаженны богатые духомъ, а нищіе жалки и нынѣ и во вѣки вѣковъ. Въ сужденіи Нитше заключается лишь эта давно всѣмъ извѣстная аксіома. Онъ, возставшій противъ всего, не только не дерзнулъ оспаривать ее. но безусловно принялъ ее за догматъ, за noli me tangere. Но если онъ на словахъ отдалъ дань такъ глубоко вкоренившемуся въ насъ предразсудку, то всей своей жизнью онъ осуществилъ прямо противоположный принципъ. Вѣдь нищій-то духомъ былъ онъ самъ. Вѣдь онъ-то и подкапывался, онъ-то и подвергалъ сомнѣнію все великое, высокое и богатое, и единственно затѣмъ, чтобы оправдать свою жалкую и бѣдную жизнь — хотя этотъ мотивъ всегда у него необыкновенно тщательно и послѣдовательно скрывается. Въ дневникѣ 1888 года онъ самъ такъ объясняетъ смыслъ «Menschliches, Allzumenschliches»: «это была война, но война безъ пороха и дыма, безъ военныхъ пріемовъ, безъ паѳоса, безъ искалѣченныхъ членовъ — все это было бы еще идеализмомъ. Здѣсь лишь спокойно кладется одно за другимъ на ледъ рядъ заблужденій: идеалъ не опровергается, а замораживается. Здѣсь, напримѣръ, замерзаетъ «геній»; немного дальше — «святой»; еще дальше герой обращается въ толстую ледяную сосульку; подъ конецъ замерзаетъ «вѣра», такъ называемое «убѣжденіе»; значительно охлаждено

и сострадание—почти всюду окоченѣваетъ «Ding an sich» [1]). Это удивительно мѣткая характеристика «Menschliches, Allzumenschliches»: въ немногихъ словахъ — полный итогъ двухъ большихъ книгъ Но вмѣстѣ съ тѣмъ, это—только варіація на обсуждавшуюся нами сейчасъ тему о «бѣдной, элементарной жизни», дерзающей подвергать сомнѣнію законность правъ всего болѣе высокаго, богатаго и т. д. Нитше «замораживаетъ» все, что̀ отъ вѣка чтилось людьми, осмѣиваетъ героя, генія, святого. И когда же? Въ 1876—78 го̀дахъ, когда въ немъ едва только теплились послѣдніе остатки жизни, когда всѣ свои силы онъ, по собственному признанію, растратилъ, расточилъ безъ пользы для себя и для другихъ. Какъ видите, «убѣжденіе» или, если хотите, теорія - одно, а практика—другое. Помнится, гр. Толстой ужасно возмущался такимъ отдѣленіемъ теоріи отъ практики. Должно быть, говорилъ онъ, есть ужасно много глупыхъ теорій, если можетъ существовать такое мнѣніе. Еще бы не много! Я спросилъ бы, есть ли хоть одна «умная» теорія? И могъ ли бы гр. Толстой быть тѣмъ, что̀ онъ есть, если бы онъ держался своихъ теоретическихъ взглядовъ въ жизни? Если бы онъ точно «отрекся отъ себя» и гдѣ-нибудь въ тиши, далеко отъ всѣхъ глазъ, никѣмъ не видимый, никому не слышный, проводилъ свои дни за плугомъ или въ благочестивой бесѣдѣ съ сосѣдями-мужиками? Или, что̀ было бы съ Нитше, если бы онъ добросовѣстно подчинился выводамъ своего «ума»? Но, къ счастью, выводамъ мало кто покоряется. Есть въ глубинѣ человѣческой души иная, могучая, неудержимая сила. Она

[1]) Förster-Nietzsche. Das Leben Friedrich Nietzsche's, т. II, стр. 296.

владѣетъ нами и смѣется надъ «свободой воли», которая—въ томъ значеніи, какое ей обыкновенно придаютъ—привела бы насъ къ самымъ безумнымъ поступкамъ. Эта «воля» соблазнила Нитше осудить Сократа. Да кого только Нитше (и гр. Толстой) ни осуждалъ? И что было бы съ человѣческимъ родомъ, если бы всѣ такого рода осужденія не оставались пустыми звуками, а имѣли бы власть надъ дѣйствительной жизнью? Но свободная воля вольна только надъ тѣмъ человѣкомъ, которому она принадлежитъ. И, въ единственномъ случаѣ, когда ея приговоры могли бы что-нибудь значить — она благоразумно отказывается отъ своихъ правъ, словно инстинктомъ чуя, что она ничего, кромѣ бѣды, принести не можетъ.

Этимъ и разрѣшается противорѣчіе въ сужденіи Нитше о Сократѣ и о самомъ себѣ. Его слова о Сократѣ были теоріей. Какое намъ до нея дѣло? Но въ своихъ сочиненіяхъ онъ намъ разсказываетъ свою жизнь, ту бѣдную жизнь, которая подкапывалась подъ все высокое и великое, которая, ради своего сохраненія, подвергала сомнѣнію все, чему поклонялось человѣчество. Это дѣло иное. Тутъ свободная воля умолкла, тутъ чуть слышенъ обычный шумъ, сопровождающій всегда разсужденія о «богатой жизни». Можетъ быть, среди этой тишины донесутся до насъ новыя слова, можетъ быть, откроется правда о человѣкѣ, а не опостылѣвшая и измучившая всѣхъ человѣческая правда.

XXII.

Такимъ образомъ, мы въ сочиненіяхъ Нитше менѣе всего должны искать тѣхъ заключеній, къ которымъ

онъ пришелъ, отклоняя естественно выроставшіе въ его душѣ запросы. Наоборотъ, всѣ такого рода сужденія мы, въ свою очередь, должны систематически и послѣдовательно отклонять и устранять, какъ устраняются всякаго рода незаконныя притязанія. Пусть больной и страждущій говоритъ, какъ больной и страждущій, и только о предметахъ, которые имѣютъ для него значеніе. Unbedingte Verschiedenheit des Blicks ведетъ къ ужасу и холоду одиночества; глубокое подозрѣніе къ жизни грозитъ еще болѣе страшными послѣдствіями, говоритъ онъ. Мы все это знаемъ и тѣмъ не менѣе требуемъ отъ Нитше только одной правды о его жизни. И, главное, вѣдь, въ концѣ концовъ, онъ самъ всѣми силами хочетъ высказаться, открыть читателю свою мучительную тайну, какъ и Достоевскій въ своемъ «великомъ инквизиторѣ». Иначе, для чего были бы предисловія? Отчего бы не оставить насъ при убѣжденіи, что «Menschliches, Allzumenschliches», это—обыкновенныя книги, въ которыхъ здоровый человѣкъ разсуждаетъ какъ здоровый и о предметахъ, равно всѣмъ интересныхъ? Если Нитше не высказывался до конца жизни прямо и открыто, то лишь потому, что не смѣлъ отважиться на такой подвигъ, вѣрнѣе, потому, что не наступило еще время говорить съ людьми обо всемъ откровенно. Въ ихъ сознаніи уже брезжитъ новая истина, но она пока кажется не истиной, а пугаломъ, страшнымъ призракомъ, пришедшимъ изъ иного, чуждаго намъ, міра. Ее не рѣшаются назвать настоящимъ именемъ, о ней говорятъ полунамеками, условными знаками, символами. Мы видѣли, на какія хитрости пускался Достоевскій: его мысль почти невозможно фиксировать; за ней даже услѣдить трудно; она сколь-

зитъ и вьется точно угорь и подъ конецъ, словно умышленно, пропадаетъ въ густомъ туманѣ непримиримыхъ противорѣчій. То же у Нитше. Нужно много пристальнѣйшаго вниманія, нуженъ тотъ «сочувственный взглядъ», о которомъ онъ говоритъ, чтобы разобраться въ его сочиненіяхъ и не потеряться въ хаосѣ необоснованныхъ гипотезъ, произвольныхъ психологическихъ догадокъ, лирическихъ отступленій, загадочныхъ образовъ. Онъ и самъ это знаетъ: «недаромъ, говоритъ онъ, я былъ и остался, быть можетъ, до сихъ поръ филологомъ, т.-е. учителемъ медленнаго чтенія: это пріучаетъ, наконецъ, и писать медленно. Теперь уже не только вошло у меня въ привычку, но и стало моимъ вкусомъ: ничего не писать, что̀ бы не привело въ отчаяніе всякаго рода торопящихся людей. Филологія есть то почтенное искусство, которое требуетъ отъ своихъ поклонниковъ прежде всего одного: уйти въ сторону, дать себѣ время поразмыслить, притихнуть, замедлить движенія» [1]). Но, пожалуй, одного терпѣнія и доброй воли недостаточно. Шопенгауеръ справедливо замѣтилъ, что «необходимое условіе для пониманія какъ поэзіи, такъ и исторіи составляетъ собственный опытъ: ибо онъ служитъ какъ бы словаремъ того языка, на которомъ онѣ говорятъ». Такого рода словарь до нѣкоторой степени обязателенъ и при чтеніи сочиненій Нитше. Ибо, несмотря на всѣ его теоретическія соображенія, онъ самъ все же принужденъ былъ пользоваться своими переживаніями, какъ единственнымъ источникомъ познанія: «каковъ бы ты ни былъ, говоритъ онъ, служи себѣ источникомъ своего опыта» [2]). И иначе,

[1]) Соч. т. IV, стр. 10.
[2]) Соч. т. II, 292.

конечно, невозможно. Система притворства можетъ въ лучшемъ случаѣ придать внѣшне благообразный видъ сочиненіямъ писателя, но отнюдь никогда не дастъ ему необходимаго содержанія. Такъ у Достоевскаго мысль подпольнаго человѣка прячется подъ формой обличительной повѣсти: «смотрите, дескать, какіе бываютъ дурные и себялюбивые люди, какъ овладѣваетъ иногда эгоизмъ бѣднымъ двуногимъ животнымъ». Нитше же не романистъ, онъ не можетъ говорить «устами» посторонних будто бы героевъ, ему нужна научная теорія. Но развѣ нѣтъ такихъ теорій, которыя бы подошли къ его новому опыту?

Была бы только охота выбирать, а теорія найдется. Нитше остановился на позитивизмѣ, обосновывающемъ утилитарную точку зрѣнія на мораль лишь потому, что она, при соотвѣтствующемъ желаніи, открываетъ больше всего простора подпольной мысли. Онъ могъ бы, какъ Достоевскій, удариться въ крайній идеализмъ и выступить въ роли обличителя. Онъ могъ бы бичевать всѣ проявленія эгоизма, т.-е. разсказывать о собственныхъ «низкихъ» помыслахъ и метать громы и молніи по адресу своихъ читателей, какъ дѣлаетъ гр. Толстой. Выборъ формы рѣшилъ отчасти случай, отчасти особый складъ характера Нитше и та душевная подавленность, которую онъ испытывалъ въ первые годы своей болѣзни. У него не было достаточно силъ, чтобы гремѣть и проклинать, и онъ пристроился къ холодному познанію. Потомъ, въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ онъ уже входитъ въ роль и вооружается грозными перунами. Но въ «Menschliches, Allzumenschliches» и «Morgenröthe» предъ нами — позитивистъ, утилитаристъ, раціоналистъ, холодно и спокойно сводящій всѣ высшія

и благороднѣйшія проявленія человѣческой души къ низшимъ и элементарнѣйшимъ, въ цѣляхъ будто бы теоретическаго познанія. «Человѣческое, слишкомъ человѣческое», пишетъ Нитше въ дневникѣ 1888 года, «есть памятникъ кризиса. Эта книга называется книгой для свободныхъ умовъ (ein Buch für freie Geister): въ ней почти каждая фраза знаменуетъ побѣду, въ ней я освобождаюсь отъ всего, что̀ чуждо моей натурѣ. Чуждъ мнѣ всякаго рода идеализмъ; названіе книги уже говоритъ: гдѣ вы видите проявленіе идеализма, тамъ я вижу лишь человѣческое, увы! слишкомъ человѣческое. Я знаю людей лучше» [1]). Въ 1888 году, какъ видите, Нитше былъ много смѣлѣе и увѣреннѣе, чѣмъ въ 1876 г., когда онъ писалъ «Menschliches, Allzumenschliches». Но все же и теперь онъ ссылается на то, что знаетъ «людей», т.-е. не себя, а другихъ! А между тѣмъ все содержаніе «Menschliches, Allzumenschliches» взято исключительно изъ собственнаго опыта: Нитше имѣлъ лишь возможность убѣдиться, что идеализмъ чуждъ *ему*, что въ его душѣ мѣсто идеальныхъ стремленій занимаютъ человѣческія, слишкомъ человѣческія побужденія. И въ 1876 году это открытіе не только не обрадовало его, но уничтожило. Вѣдь онъ весь еще былъ проникнутъ тогда ученіемъ Шопенгауера. Вѣдь почти тогда же онъ, восхваляя своего воспитателя, восклицалъ: «Шопенгауеръ учитъ жертвовать своимъ я, подчинять себя благороднѣйшимъ цѣлямъ — прежде всего справедливости и милосердію» [2]). Возможно ли повѣрить, что онъ сразу отказался отъ «благороднѣйшихъ» цѣлей и призналъ свои человѣческіе запросы

[1]) Förster-Nietzsche, т. II, стр. 296.
[2]) Соч. т. I, стр. 410.

единственно законными и справедливыми? Увы! до этого онъ не дошелъ и не могъ дойти даже подъ конецъ жизни — въ моментъ же разрыва съ Шопенгауеромъ и Вагнеромъ онъ, конечно, считалъ свою неспособность къ самопожертвованію исключительно одному ему свойственной чудовищной аномаліей психической организаціи. Прежде чѣмъ рѣшиться подъ покровомъ общепризнанной ученой теоріи — исподоволь и незамѣтно разсказать о себѣ, онъ провелъ не одну безсонную ночь въ попыткахъ вернуть свою заблудшую душу къ высокому ученію о самоотреченіи. Но всѣ попытки оказались напрасными. Чѣмъ больше онъ убѣждалъ себя въ необходимости отказаться отъ своего я, чѣмъ ярче онъ рисовалъ себѣ картину будущаго преуспѣянія человѣчества, тѣмъ горше, обиднѣе и больнѣе было ему думать, что на торжествѣ жизни не будетъ его, что онъ даже лишенъ возможности дѣятельно способствовать грядущей побѣдѣ человѣчества. «Люди достигнутъ своихъ высшихъ цѣлей, не будетъ на землѣ ни одного униженнаго и жалкаго существа, истина будетъ сіять всѣмъ и каждому — развѣ этого мало, чтобъ утѣшить твою бѣдную душу, развѣ это не можетъ искупить твоего позора? Забудь себя, отрекись отъ себя, гляди на другихъ, любуйся и радуйся будущимъ надеждамъ человѣчества, какъ учили мудрецы съ древнѣйшихъ временъ. Иначе — ты дважды ничтожность. Иначе ты не только разбитый, но и нравственно погибшій человѣкъ». Такія и еще болѣе страшныя слова, употребляемыя человѣкомъ только наединѣ съ собой и до сихъ поръ не вынесенныя на свѣтъ Божій ни однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ психологовъ — даже Достоевскимъ, нашептывала Ницше его воспитанная

въ идеалистическихъ ученіяхъ совѣсть. Вѣдь онъ происходилъ изъ семьи лютеранскихъ пасторовъ: его отецъ и дѣдъ были проповѣдниками, его мать и бабка были дочерьми проповѣдниковъ. Приходилось ли вамъ когда-нибудь слышать или читать нѣмецкія евангелическія проповѣди? Если приходилось, то вы поймете, что происходило въ душѣ Нитше. Его не спрашивали, можетъ ли онъ исполнить предъявленныя къ нему требованія. Его не хотѣли укрѣпить, наставить, обнадежить. Денно и нощно лишь гремѣлъ надъ нимъ грозный голосъ, произносившій страшное заклинаніе: ossa arida, audite verbum Dei... Нитше понялъ тогда, что отъ людей ему больше нечего ждать. Въ первый разъ въ жизни почувствовалъ онъ, что значитъ полное одиночество. Весь міръ былъ противъ него и онъ, поэтому, — противъ всего міра. Компромиссъ, уступка, соглашеніе — невозможно. Ибо одно изъ двухъ: либо Нитше правъ, либо точно его трагедія такъ глубока, такъ неслыханно ужасна, что всѣ люди должны забыть свои обычныя радости и огорченія, свои повседневныя заботы и интересы и вмѣстѣ съ нимъ надѣть вѣчный трауръ по безвинно загубленной молодой жизни, либо онъ самъ долженъ отречься отъ себя и не притворно, а отъ всей души исполнить тѣ требованія, которыя предъявлялись къ нему отъ имени вѣчной мудрости. Но если нельзя было принудить весь человѣческій родъ страдать горемъ одного нѣмецкаго профессора, то и, наоборотъ, въ такой же мѣрѣ *невозможно* было никакими пытками и угрозами вырвать у этого нѣмецкаго профессора добровольное отреченіе отъ своихъ правъ на жизнь. Весь міръ и одинъ человѣкъ столкнулись межъ собой и оказалось, что это двѣ силы равной величины; болѣе

того, на сторонѣ «міра» были всѣ традиціи прошлаго, вся вѣковая человѣческая мудрость, собственная совѣсть Нитше, наконецъ — сама очевидность, а на сторонѣ Нитше — что было на его сторонѣ, кромѣ одного отчаянія?...

Что же поддержало Нитше въ этой безумной и неравной борьбѣ? Отчего онъ не отступилъ предъ своимъ безмѣрно могучимъ противникомъ? Гдѣ взялъ онъ отвагу не то, что бороться, а хоть на минуту прямо взглянуть въ глаза такому врагу? Правда, борьба была ужасная, неслыханная. Но тѣмъ болѣе она поражаетъ насъ. Не кроется ли въ ней та правда о человѣкѣ, о которой шла рѣчь въ концѣ предыдущей главы? И не значитъ ли это, что, возставая вмѣстѣ съ міромъ на Нитше, человѣческая правда — была ложью?

XXIII.

Въ этомъ сущность того, что Нитше называетъ въ себѣ «unbedingte Verschiedenheit des Blicks», въ этомъ отличіе его взгляда на жизнь отъ всѣхъ тѣхъ видовъ философскаго міросозерцанія, которые доселѣ существовали. Человѣческій разумъ, человѣческая мудрость, человѣческая нравственность, присвоившіе себѣ право окончательнаго, послѣдняго суда, говорили ему: ты раздавленъ, ты погибъ, тебѣ нѣтъ спасенія, у тебя нѣтъ надежды. Повсюду, куда онъ ни обращался, онъ слышалъ эти холодныя, безжалостныя слова. Самыя высокія, ультра-метафизическія ученія въ этомъ случаѣ нисколько не отличались отъ сужденій обыкновенныхъ, простыхъ, никогда не заглядывавшихъ въ книги людей. Шопенгауеръ, Кантъ, Спиноза, матеріалисты, позити-

висты, глядя на Нитше и его судьбу, не могли ничего ему сказать, что̀ не исчерпывалось бы знаменитой фразой, обращенной флегматическимъ бѣлоруссомъ къ тонувшему товарищу: «не трать, Ѳома, здоровья, ступай ко дну». Разница была лишь въ томъ, что «ученія не были столь откровенны, какъ бѣлорусскій мужикъ, да кромѣ того требовали къ себѣ почтительнаго, умиленнаго, благоговѣйнаго отношенія, даже благодарности: они вѣдь даютъ метафизическое или нравственное утѣшеніе! Они вѣдь не отъ міра сего, они отъ чистаго разума, отъ conceptio immaculata! И все, что̀ не съ ними, все, что̀ противъ нихъ, цѣликомъ относится къ презрѣнному, жалкому, земному, человѣческому «я», отъ котораго философы, благодаря возвышенности и геніальности своей натуры, давно уже счастливо освободились.

Нитше же чувствовалъ, что всѣ метафизическія и нравственныя идеи для него совершенно перестали существовать, между тѣмъ какъ такъ оклеветанное «я», разросшись до неслыханныхъ, колоссальныхъ размѣровъ, заслонило предъ нимъ весь міръ... Другой человѣкъ на его мѣстѣ смирился бы, можетъ быть, навсегда; онъ бы и умеръ въ томъ убѣжденіи, что имѣлъ несчастіе появиться на свѣтъ Божій безъ тѣхъ возвышенныхъ добродѣтелей, которыя украшаютъ другихъ людей, въ особенности краснорѣчивыхъ и патетическихъ учителей добра. Но, къ счастью, онъ самъ успѣлъ еще до своей болѣзни нѣсколько разъ выступить въ роли учителя и, слѣдовательно, въ собственномъ прошломъ имѣлъ уже нѣкоторый матеріалъ для «психологіи». Оглядываясь на свои первыя литературныя произведенія, заслужившія такія восторженныя

похвалы со стороны Вагнера и другихъ знаменитостей того времени, онъ естественно долженъ былъ задать себѣ вопросъ: «вѣдь вотъ я же имѣлъ не менѣе благородный и идеальный видъ, чѣмъ всѣ другіе писатели, я горячо и хорошо проповѣдывалъ добро, взывалъ къ истинѣ, пѣлъ гимны красотѣ—не хуже, пожалуй, чѣмъ самъ Шопенгауеръ въ своихъ юношескихъ произведеніяхъ. А между тѣмъ одинъ тяжелый ударъ судьбы, простой, ординарный, глупый случай, несчастье, которое могло бы приключиться со всякимъ, съ великимъ и съ малымъ сего міра—и я вдругъ убѣждаюсь, что тотъ эгоизмъ, котораго я никогда въ себѣ не подозрѣвалъ, свойственъ мнѣ такъ же, какъ и обыкновеннымъ смертнымъ. Не значитъ ли, что и всѣ другіе учителя притворяются, что и они, когда вѣщаютъ объ истинѣ, добрѣ, любви, милосердіи — только играютъ торжественную роль, — кто добросовѣстно и въ невѣдѣніи, какъ когда-то я, а кто, можетъ быть, не добросовѣстно и сознательно? Не значитъ ли, что всѣ великіе и святые люди, если бы ихъ поставить на мое мѣсто, такъ же мало могли утѣшиться своими истинами, какъ и я? И что, когда они говорили о любви, самопожертвованіи, самоотреченіи, подъ всѣми ихъ красивыми фразами, какъ змѣя въ цвѣтахъ, скрывался тотъ же проклятый эгоизмъ, который я такъ неожиданно открылъ въ себѣ и съ которымъ я такъ безумно и такъ напрасно борюсь?» Эта мысль, еще неясная, можетъ быть даже не мысль, а инстинктъ, опредѣлила собою характеръ ближайшихъ исканій Нитше. Онъ вовсе не такъ увѣренно остужалъ идеалы, какъ разсказываетъ о томъ въ дневникѣ 1888 года. Въ его сочиненіяхъ мы имѣемъ десятки свидѣтельствъ о томъ, сколько

колебаній и сомнѣній пришлось испытать ему въ первое время своего самостоятельнаго творчества. Въ сохранившихся послѣ него бумагахъ есть замѣтка, относящаяся къ 1876 году, т.-е. къ той эпохѣ, когда писалось «Menschliches, Allzumenschliches». «Какъ можно, спрашиваетъ онъ себя, находить удовольствіе въ той *тривіальной* мысли, что мотивы всѣхъ нашихъ поступковъ могутъ быть сведены къ эгоизму» [1]): Увѣренности, какъ видите, еще нѣтъ: мысль представляется ему тривіальной, но какая-то непонятная еще ему самому сила влечетъ его къ ней. Впослѣдствіи, въ 1886 году, бросая ретроспективный взглядъ на происхожденіе «Morgenröthe», онъ говоритъ: «Въ этой книгѣ вы видите подземнаго человѣка за работой — какъ онъ роетъ, копаетъ, подкапывается. Вы видите, если только ваши глаза привыкли различать въ глубинѣ, какъ онъ медленно, осторожно, съ кроткой неумолимостью идетъ впередъ, не слишкомъ выдавая, какъ трудно ему такъ долго выносить отсутствіе свѣта и воздуха; можно, пожалуй, сказать, что онъ доволенъ своей темной работой. Начинаетъ даже казаться, что его ведетъ какая-то вѣра, что у него есть свое утѣшеніе... Ему, можетъ быть, нужна своя долгая тьма, ему нужно свое непонятное, таинственное, загадочное, ибо онъ знаетъ, что его ждетъ: свое утро, свое избавленіе, своя заря» [2]). Но до вѣры, до зари еще ему было далеко. Любимой его мыслью, съ которой онъ въ то время никогда не разставался и которую онъ варьировалъ на самые многоразличные лады, выражается въ слѣдующемъ афоризмѣ: «вы думаете, что

[1]) Соч. т. XI, 133.
[2]) Соч. т. IV, 3.

все хорошее имѣло во всѣ времена совѣсть на своей сторонѣ? Наука, т.-е. уже несомнѣнно нѣчто хорошее, обходилась долгое время безъ совѣсти и являлась въ жизнь безъ всякаго паѳоса, всегда тайно, окольными путями, прячась подъ покрываломъ или маской, подобно преступнику или въ лучшемъ случаѣ съ тѣмъ чувствомъ, которое долженъ испытывать контрабандистъ. Дурная совѣсть есть лишь предыдущая ступень, а не противоположность чистой совѣсти: ибо все хорошее было когда-то новымъ, стало быть, непривычнымъ, противнымъ нравамъ, безнравственнымъ и грызло, какъ червь, сердце того счастливца, который открылъ его впервые» [1]). Это достаточно выясняетъ, сколько борьбы, колебаній, сомнѣній пришлось вынести Нитше на его «новомъ» пути. Вездѣ видѣть «человѣческое», одно лишь человѣческое, ему было страшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо. Не изъ простого любопытства, даже не изъ научной любознательности принялся онъ за свою подземную работу: ему нужна была долгая тьма, ему нужно было непонятное, таинственное, загадочное. О, какъ влекло его «назадъ» — къ тому простому, легкому, устроенному міру, въ которомъ онъ жилъ въ молодости! Какъ хотѣлъ онъ примириться съ «совѣстью», вновь вернуть себѣ право торжественно говорить за-одно со всѣми учителями о высокихъ предметахъ! Но всѣ пути «назадъ» были ему заказаны: «До сихъ поръ, разсказываетъ онъ, хуже всего умѣли думать о добрѣ и злѣ: это всегда было слишкомъ опаснымъ дѣломъ. Совѣсть, доброе имя, адъ, а подчасъ даже и полиція не дозволяли и не дозволяютъ здѣсь откровенности; въ присутствіи нравственности,

[1]) Соч. т. III. 49.

какъ и въ присутствіи каждой власти, думать или разговаривать не разрѣшается: здѣсь нужно — *повиноваться*. Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ, ни одна власть еще добровольно не соглашалась стать предметомъ критическаго обсужденія; критиковать нравственность, принимать ее, какъ проблему, какъ нѣчто проблематическое — развѣ это не значило самому стать безнравственнымъ? Но нравственность располагаетъ не только всякаго рода устрашающими средствами, чтобъ отпугивать отъ себя безпощадную критику; ея сила и прочность еще больше коренятся въ свойственномъ ей особомъ искусствѣ очаровывать людей: она умѣетъ вдохновлять. Одного ея взгляда бываетъ достаточно, чтобы парализовать критическую волю, переманить ее на свою сторону, даже обратить ее противъ нея же самой, такъ что критикъ, подобно скорпіону, впивается жаломъ въ свое собственное тѣло. Съ древнѣйшихъ временъ нравственность владѣла всѣми средствами искусства убѣжденія: нѣтъ такихъ ораторовъ, которые не обращались бы къ ея помощи. Съ тѣхъ поръ, какъ на землѣ говорятъ и убѣждаютъ, нравственность всегда оказывалась величайшей соблазнительницей — и, что касается насъ, философовъ, она была для насъ истинной Цирцеей» [1])...

Итакъ, все въ жизни лишь «человѣческое, слишкомъ человѣческое» — и въ этомъ спасеніе, надежда, новая заря? Можно ли придумать болѣе парадоксальное утвержденіе? Пока у насъ были лишь первыя сочиненія Нитше, въ которыхъ онъ увѣрялъ, что для него важна лишь объективная истина, мы могли объяснить себѣ такую странность, отнеся Нитше къ тому, довольно

[1]) Соч. т. III, стр. 4.

распространенному, типу кабинетныхъ ученыхъ, которые умѣютъ за своей теоретической работой забывать и міръ, и людей, и жизнь. Но теперь очевидно, что Нитше никогда *не былъ* позитивистомъ. Ибо, что̀ общаго между позитивизмомъ и новой зарей? У позитивизма своя заря, свои надежды, свое оправданіе; его вѣра— утилитарная мораль, та самая мораль, подъ которую такъ упорно и такъ долго подкапывался Нитше. Обитателей подполья утилитаризмъ сознательно игнорируетъ, понимая, что онъ имъ ничѣмъ помочь не можетъ. Правда, онъ ставитъ своей задачей счастье людей и принципіально никому не желаетъ отказывать въ правѣ на жизнь. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣку отказано въ этомъ такъ называемыми независящими обстоятельствами, утилитарная мораль ничего не можетъ подѣлать и, не желая открыто признавать свое безсиліе, бросается въ объятія идеализму. Незамѣтно для неопытнаго глаза, она слова «счастье людей» замѣняетъ другими, съ виду очень похожими словами»— «счастье большинства». Но сходство здѣсь лишь внѣшнее. «Счастье большинства» не только не значитъ то же. что̀ «счастье людей», но значитъ прямо противоположное. Ибо во второмъ случаѣ предполагается, что всѣ будутъ устроены, въ первомъ же меньшинство приносится въ жертву большинству. Но развѣ позитивизмъ имѣетъ право призывать къ жертвѣ, развѣ онъ умѣетъ оправдать жертву? Вѣдь онъ обѣщалъ счастье и только счастье, вѣдь онъ внѣ счастья не видитъ смысла жизни, и вдругъ—жертва! Ясно, что въ трудную минуту ему не обойтись безъ помощи идеализма; менѣе ясно, но столь же несомнѣнно, что утилитаризмъ никогда и не хотѣлъ разлучаться съ идеалами. Онъ только бравиро-

валъ своей научностью, а въ глубинѣ души (у утилитаризма была «душа», кто бы могъ подумать!) вѣрилъ въ правду, добро, истину, въ непосредственную интуицію, во всѣ высокія и святыя слова. И Достоевскій, изображая Ракитина «подсаленнымъ», клеветалъ, какъ уже было указано, на вѣру позитивизма.

Но Нитше уже давно распростился съ идеалами. «Счастье большинства» его не прельщало. Жертва? Можетъ быть, онъ еще способенъ былъ вдохновиться этимъ красивымъ словомъ—но, увы! ему уже нечѣмъ было жертвовать. Что могъ отдать онъ? Свою жизнь? Но это было бы не жертвой, а самоубійствомъ. Онъ радъ былъ бы умереть, чтобъ избавиться отъ постылой жизни. Но къ алтарю сносятся лишь богатые дары, и измученное, надломленное, изуродованное существованіе не по вкусу добру, которое, какъ языческіе идолы, требуетъ себѣ молодыя, свѣжія, прекрасныя, счастливыя, не тронутыя страданіемъ жизни.

XXIV.

Слѣдовательно, подъ прикрытіемъ позитивизма Нитше преслѣдовалъ совсѣмъ иныя задачи. Позитивизмомъ, научностью онъ пользовался для постороннихъ цѣлей: то ему нужно было «казаться» бодрымъ, любопытствующимъ, насмѣшливымъ и т. п., то ему нужна была теорія, къ которой можетъ придти больной и страждущій человѣкъ, отклоняя естественно возникающія въ немъ сужденія. Для насъ все это можетъ имѣть только чисто психологическій интересъ, тѣмъ болѣе, что Нитше все время гнулъ свою линію и только ждалъ случая, чтобъ освободиться отъ спутывавшей его теоріи и за-

говорить смѣло по-своему. Но смѣлости нуженъ талантъ, сила, нужно оружіе для борьбы, и у Нитше проходитъ нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ онъ рѣшается открыто возвѣстить свои «подпольныя» мысли. Я, впрочемъ, полагаю, что настоящіе позитивисты предпочли бы не имѣть въ своей библіотекѣ даже «Menschliches. Allzumenschliches» и «Morgenröthe». Несмотря на то, что въ этихъ книгахъ Нитше ведетъ постоянную войну съ метафизикой, онъ обнаруживаетъ въ своихъ научныхъ стремленіяхъ безпокойство, граничащее съ безтактностью. Сила позитивизма въ умѣньи обходить молчаніемъ всѣ вопросы, признаваемые имъ принципіально неразрѣшимыми, и направлять наше вниманіе лишь на тѣ стороны жизни, гдѣ не бываетъ непримиримыхъ противорѣчій: вѣдь и границы нашего познанія именно тамъ кончаются, гдѣ начинаются непримиримыя противорѣчія. Въ этомъ смыслѣ Кантовскій идеализмъ, какъ извѣстно, является вѣрнѣйшимъ союзникомъ позитивизма, и знаменитый споръ между Уевеллемъ и Миллемъ если и не былъ, собственно говоря, споромъ о словахъ и научныхъ терминахъ, то, во всякомъ случаѣ, имѣлъ очень ограниченное теоретическое значеніе. Альбертъ Ланге, осуждая Милля и принимая на себя защиту Уевелля и Канта, только лишній разъ явилъ намъ примѣръ человѣческаго пристрастія. Скажу болѣе: на мой взглядъ не Милль, какъ утверждаетъ Ланге, а скорѣе уже Уевелль проявилъ нѣкоторую недобросовѣстность. Зачѣмъ было доводить Милля до нелѣпыхъ признаній? Всякій другой на мѣстѣ этого послѣдняго нашелъ бы возможность какъ-нибудь извернуться и не брать на себя отвѣтственности за крайніе выводы, всегда, какъ извѣстно, компрометирующіе всякаго рода теоріи. Развѣ

кантовская теорія апріорности не приводитъ къ абсурду, къ тому, что называется на философскомъ языкѣ теоретическимъ эгоизмомъ, т.-е. къ необходимости каждому человѣку думать, что кромѣ него нѣтъ больше никого во всей вселенной? Наиболѣе добросовѣстные кантіанцы и не скрываютъ этого. Шопенгауеръ, напримѣръ, прямо заявляетъ, что теоретическій эгоизмъ опровергнуть невозможно. Но это отнюдь не мѣшаетъ ему развивать свои философскія положенія, исходящія изъ кантовскихъ принциповъ. Отъ неожиданнаго препятствія онъ отдѣлывается шуткой. Теоретическій эгоизмъ, говоритъ онъ, есть, правда, крѣпость неприступная, но находящійся въ ней гарнизонъ такъ слабъ, что можно, не взявши ее, смѣло идти впередъ и не бояться нападенія съ тылу. И это почти единственный способъ спасти идеализмъ отъ грозящаго ему reductio ad absurdum. Другой, болѣе распространенный и вѣрный способъ, это просто забыть о теоретическомъ эгоизмѣ, «игнорировать» его. Если бы Милль захотѣлъ прибѣгнуть къ такого рода пріемамъ, онъ могъ бы гораздо болѣе побѣдоносно закончить свою полемику. Но Милль былъ честнымъ человѣкомъ, Милль былъ воплощенная честность даже сравнительно съ нѣмцами, предъявляющими исключительныя претензіи на эту добродѣтель. И его честность намъ изображаютъ, какъ недобросовѣстность! Не знаю, пришлось ли читать Миллю книгу Ланге — но если пришлось, то, вѣрно, она лишній разъ подтвердила въ его глазахъ прописную истину о томъ, что у людей не найдешь справедливости.

И въ чемъ увидѣли недобросовѣстность Милля? Въ противоположность Канту, онъ не хотѣлъ признавать внѣопытнаго познанія и въ причинной связи явленій

видѣлъ только ихъ фактическое, дѣйствительное, а не необходимое отношеніе. Само собою разумѣется, что у Милля никогда и въ мысляхъ не было посягать на неизмѣнность законовъ природы. Но развѣ опытъ тысячелѣтій не служитъ достаточнымъ залогомъ неизмѣнности? Для чего же обращаться къ опасному метафизическому способу доказательствъ, когда на самомъ дѣлѣ въ наше время уже никто серьезно не сомнѣвается въ закономѣрности явленій природы. Метафизика пугала положительнаго мыслителя. Сегодня возвѣщается апріорность закона причинности, идеальность пространства и времени, а завтра, на такомъ же основаніи, станутъ оправдывать ясновидѣніе, вертящіеся столы, колдовство — что̀ хотите. Миллю допущеніе апріорности казалось рискованнѣйшимъ шагомъ въ философіи. И вѣдь его тревога была не напрасна: ближайшее будущее показало, что онъ былъ правъ. Уже Шопенгауеръ воспользовался теоріей Канта объ идеальности времени для объясненія явленій ясновидѣнія. И вѣдь его заключеніе логически безупречно. Если время есть форма нашего познаванія, если, слѣдовательно, мы лишь воспринимаемъ, какъ настоящее, прошедшее и будущее, то̀, что̀ на самомъ дѣлѣ происходитъ внѣ времени, т.-е. одновременно (это все равно), то слѣдовательно мы не умѣемъ видѣть прошедшее или будущее не потому, что это вообще невозможно, а лишь потому, что наши познавательныя способности устроены извѣстнымъ образомъ. Но наши познавательныя способности, какъ и вся наша духовная организація, не есть нѣчто неизмѣнное. Среди милліардовъ рождающихся нормальныхъ людей возможны, отъ времени до времени, и отступленія отъ нормы. Возможно такое устройство мозга, при которомъ человѣкъ не бу-

детъ воспринимать явленія во времени, и, стало быть, для него будущее и прошедшее сольются съ настоящимъ и онъ сможетъ предсказывать еще не наступившія и видѣть уже поглощенныя для другихъ исторіей событія. Какъ видите, послѣдовательность въ заключеніи чисто «математическая». Милль, при его добросовѣстности, принужденъ былъ бы, скрѣпя сердце, увѣровать въ ясновидѣніе, если бы только призналъ апріорность времени. Хуже того, онъ, вѣрно, не отдѣлался бы даже отъ теоретическаго эгоизма и принужденъ былъ бы утверждать, что онъ одинъ только существуетъ во всей вселенной! Такъ что у него были серьезныя основанія бояться кантовскаго идеализма. Но это отнюдь не значитъ, что дѣло науки было менѣе близко его сердцу, нежели сердцу Канта, и что онъ не стремился утвердить на вѣки-вѣчные истину о закономѣрности явленій природы: онъ только избѣгалъ опасныхъ гипотезъ и рискованныхъ способовъ доказательства.

И вотъ его противники, въ свою очередь, представляютъ ему возраженіе: если закономѣрность явленій природы доказывается только опытомъ, т.-е. прошлой исторіей, то принципіально, теоретически, по крайней мѣрѣ, нужно допустить, что когда-нибудь ей можетъ придти и конецъ. Теперь еще господствуетъ закономѣрность, но въ одинъ прекрасный день начнется царство произвола. Или здѣсь на землѣ существуетъ причинная связь явленій, а гдѣ-нибудь на отдаленной планетѣ ея нѣтъ. Вы не можете представить никакихъ доказательствъ противнаго, ибо историческое наблюденіе можетъ имѣть лишь ограниченное, относительное значеніе. На мѣстѣ Милля всякій другой все-таки какъ-нибудь

извернулся бы; но Милль не могъ не быть правдивымъ и призналъ, что у насъ точно нѣтъ никакихъ доказательствъ на счетъ завтрашняго дня и дальнейшей планеты. Это значитъ, говоря проще, что до сегодня находящіеся въ покоѣ предметы не приходили сами по себѣ, безъ внѣшней причины, въ движеніе, но завтра все можетъ пойти по иному, и камни станутъ прыгать къ небу, горы сойдутъ съ мѣста, рѣки потекутъ вспять [1]). Т.-е. опять-таки всего этого не будетъ: тысячелѣтняя исторія достаточно убѣдительно свидѣтельствуетъ объ этомъ, но принципіально такую возможность отрицать нельзя. Такъ или почти такъ говорилъ, вѣрнѣе, принужденъ былъ говорить Милль. Понятно, что положительный мыслитель такіе выводы принимаетъ неохотно и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда его понуждаетъ къ тому особенно развитая совѣсть ученаго. Понятно также, почему у Милля былъ такой огорченный, убитый видъ, когда онъ дѣлалъ эти признанія. Ланге, вѣрно под-

[1]) Считаю необходимымъ оговориться, что я излагаю мнѣніе Милля своими словами». Милль, разумѣется, не говоритъ о «завтра» (*завтра онъ оберегаетъ для позитивизма*), не упоминаетъ и о движущихся горахъ или текущихъ вспять рѣкахъ: всѣ эти конкретности я прибавилъ уже отъ себя, ради наглядности, конечно. Во избѣжаніе же нареканій приведу и соотвѣтствующую цитату изъ его «Логики»: «Я убѣжденъ, что всякому человѣку... будетъ не трудно представить себѣ, что въ одной изъ многихъ сферъ, на которыя звѣздная астрономія дѣлитъ теперь вселенную, событія могутъ слѣдовать одно за другимъ случайно, безъ всякаго опредѣленнаго закона. Ни въ нашей опытности, ни въ нашей духовной природѣ ничто не представляетъ достаточной или хоть какой-либо причины вѣрить, чтобъ нигдѣ этого не было. Предположимъ (и это вполнѣ возможно вообразить), что настоящій порядокъ вселенной окончился и что наступилъ хаосъ, въ которомъ нѣтъ опредѣленной послѣдовательности событій и прошедшее не ручается за будущее. Еслибъ какой-либо человѣкъ чудомъ остался живъ и былъ свидѣтелемъ этой перемѣны, то, навѣрно, скоро пересталъ бы вѣрить въ какое бы то ни было единообразіе, т. к. самое единообразіе перестало бы существовать («Система логики», книга III, гл. XXI, § 1-ii).

мѣтивъ, что Миллю измѣнило его обычное ясное и ровное настроеніе духа, спѣшитъ донести читателю, что причина тому—нечистая совѣсть: Милль чувствуетъ себя прижатымъ къ стѣнѣ и, не желая сознаться въ своей неправотѣ, допускаетъ для него самого очевидно нелѣпые выводы. На самомъ же дѣлѣ было какъ разъ наоборотъ: Милль принесъ въ жертву своей совѣсти не «истину», а свое душевное спокойствіе. Мысль о возможности дѣйствія безъ причины была ему противна до глубины души, мучила его, и если бы у него была хоть какая-нибудь возможность, онъ бы отвергъ ее. Но что̀ предлагали ему идеалисты? Апріорныя понятія съ перспективой вертящихся столовъ и вѣры въ ясновидѣніе? Такъ лучше уже дѣйствіе безъ причины гдѣ-нибудь очень далеко и черезъ много тысячъ лѣтъ (*почти* апріорная причинность). Тутъ, во-первыхъ, не обманываешь себя, а, во-вторыхъ, въ концѣ концовъ никто никогда не воспользуется этимъ положеніемъ, такъ какъ все равно оно *практически* непримѣнимо и никому не нужно — бо́льшаго и самъ Кантъ не добивался. Такъ что всего одинъ непріятный моментъ, зато эмпирическое обоснованіе достовѣрности нашего знанія это такой оплотъ противъ скептицизма, съ которымъ не выдержатъ сравненія никакія метафизическія теоріи познанія, даже кантовскія.

Читатель видитъ, что недобросовѣстны были противники Милля. Я не могу допустить, чтобъ они не чувствовали уязвимости идеализма. Всякій человѣкъ, сколько-нибудь опытный въ философскихъ вопросахъ, отлично знаетъ, что до сихъ поръ еще не была придумана ни одна система, совершенно свободная отъ противорѣчій. Можетъ быть объ этомъ и не слѣдуетъ

слишкомъ громко говорить, но вѣдь еще Шопенгауеръ заявилъ, что всякая философія, не признающая предпосылокъ, есть шарлатанство. Эта тайна неизвѣстна только непосвященнымъ. А если такъ, то, значитъ, простое литературное приличіе требовало отъ Уевелля или Ланге, чтобъ они оставили въ покоѣ Милля, не трогали его предпосылокъ и не переходили въ спорѣ извѣстной черты. У нихъ на совѣсти были и теоретическій эгоизмъ, и ясновидѣніе — великіе и тяжкіе грѣхи, какъ бы остроумно ни шутилъ Шопенгауеръ: нужно было простить позитивистамъ дѣйствіе безъ причины въ томъ смыслѣ, въ какомъ это допускалъ Милль. Отъ такихъ выводовъ можно отдѣлаться только предпосылками — съ какой же стати отъ Милля требуютъ доказательствъ? И, главное, къ чему приводятъ такія требованія? Они только способны подорвать довѣріе къ наукѣ вообще, т.-е. ко всѣмъ попыткамъ упростить, успокоить, пригладить, приручить дѣйствительность. Они лишь открываютъ путь скептицизму, который, какъ коршунъ за добычей, слѣдитъ за всякаго рода доведенными до абсурда догматами, и, слѣдовательно, изъ-за ничѣмъ не оправдываемыхъ теоретическихъ притязаній, *предаютъ* общее дѣло самому опасному врагу, какой только можетъ существовать. Ибо главная задача науки, какъ и морали, состоитъ въ томъ, чтобъ дать людямъ прочную основу въ жизни, научить ихъ знать, что̀ есть и чего нѣтъ, что̀ можно и чего нельзя. Пути же къ этому все-таки дѣло второе; во всякомъ случаѣ, они не такъ важны, чтобы изъ-за нихъ забывать основную цѣль. Какъ плохо это понимаютъ кантіанцы и какъ хорошо это зналъ Кантъ! Несмотря на то, что онъ не могъ не радоваться и не ставить себѣ

въ заслугу свою новую точку зрѣнія въ философіи, онъ видѣлъ въ Юмѣ не врага своего, а союзника и предшественника, и высоко цѣнилъ его аргументацію. А вѣдь Милль для науки, пожалуй, значитъ не меньше, чѣмъ Юмъ. Посмотрите только, съ какимъ терпѣніемъ и съ какимъ знаніемъ дѣла обходитъ онъ въ своей «Системѣ логики» или въ трактатѣ объ утилитаризмѣ всѣ подводные камни, встрѣчающіеся на его пути, и какъ неуклонно и неизмѣнно, какой твердой и вѣрной рукой ведетъ онъ свой ученый корабль къ тому берегу, гдѣ живетъ положительная наука, т.-е. несомнѣнность, очевидность и, наконецъ, какъ вѣнецъ всего, кантово-толстовская прочность! Развѣ это не колоссальная заслуга? И развѣ апріорныя сужденія приводятъ къ большей прочности и ясности, чѣмъ методъ Милля?

Но, какъ уже сказано, въ концѣ концовъ споръ идеализма съ позитивизмомъ, и даже съ матеріализмомъ, есть только споръ о словахъ. Какъ ни язвятъ другъ друга спорящія стороны, постороннему наблюдателю ясно, что въ существенномъ онѣ согласны между собой, и тутъ только повторяется старая исторія: свои своя не познаша. Что касается Нитше, то только первыя его произведенія могутъ быть причислены къ одному изъ существующихъ философскихъ направленій. Начиная же съ «Menschliches, Allzumenschliches», т.-е. съ того момента, когда онъ взглянулъ на міръ своими глазами, онъ сразу равно далеко ушелъ отъ всѣхъ системъ. У позитивизма и матеріализма онъ бралъ оружіе, чтобъ бороться съ идеализмомъ, и наоборотъ, такъ какъ ничего такъ искренно и глубоко не желалъ, какъ гибели всѣмъ придуманнымъ людьми міровоззрѣніямъ. Та «прочность», которая считалась высшей и

послѣдней цѣлью философскихъ построеній и на которую заявляли свои притязанія всѣ основатели школъ, не только не прельщала, но *пугала* его. Для Канта, для матеріалистовъ, для Милля она была нужна, ибо обезпечивала имъ неизмѣнность того положенія въ жизни, которое имъ было дорого. Но Нитше вѣдь прежде всего добивался *измѣнить* свое положеніе: что̀ могла ему сулить прочность? Savoir pour prévoir или закономѣрность, которыми такъ соблазнялъ насъ позитивизмъ, звучала для него какъ обидная насмѣшка. Что̀ могъ онъ предвидѣть? Что прошлаго не вернуть? Что онъ никогда не излѣчится и сойдетъ въ концѣ концовъ съ ума? Это онъ и безъ позитивизма и безъ науки зналъ. А кантовскій идеализмъ, съ вѣнчающей его нравственностью категорическаго императива, развѣ говорилъ иное? Нитше былъ и остался близокъ только языкъ скептицизма, и не того салоннаго или кабинетнаго скептицизма, который сводится къ словесному остроумію или построенію теорій, а того скептицизма, который проникаетъ всю душу человѣка и навсегда выбиваетъ его изъ обычной жизненной колеи. «Берегъ исчезъ изъ глазъ моихъ, волны безконечнаго охватили меня», говоритъ Заратустра. Что̀ могутъ тутъ подѣлать позитивизмъ или идеализмъ, которые всю свою задачу полагаютъ въ томъ, чтобъ убѣдить человѣка въ близости берега, чтобъ скрыть отъ него безконечность и удержать его въ ограниченной области явленій, для всѣхъ людей одинаковыхъ, поддающихся точнымъ опредѣленіямъ, привычныхъ, понятныхъ? Для Милля необходимость признать возможность дѣйствія безъ причины даже для отдаленной планеты была величайшимъ огорченіемъ. Ланге, вслѣдъ за Кантомъ, при-

нялъ апріорность, лишь бы только не видѣть себя принужденнымъ допустить произволъ въ природѣ. Но Нитше всѣ ихъ заботы были чужды; наоборотъ, ихъ опасенія были его надеждами. Его жизнь еще значила, могла значить что-нибудь только въ томъ случаѣ, если всѣ ученыя построенія были лишь добровольнымъ самоограниченіемъ пугливаго человѣческаго ума. Его жизненная задача сводилась именно къ тому, чтобъ выйти за предѣлы тѣхъ областей, куда его загоняли традиціи науки и морали. Отсюда его ненависть къ наукѣ, выразившаяся въ борьбѣ съ философскими системами и отвращеніе къ морали, давшая формулу «по ту сторону добра и зла». Для Нитше существовалъ лишь одинъ вопросъ: «Господи, отчего ты покинулъ меня?» [1]). Знаете вы эти простыя, но исполненныя такой безпредѣльной скорби и горечи слова? На такой вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: и человѣческая наука, приладившаяся къ средней, обыкновенной жизни, и человѣческая мораль, оправдывающая, освящающая, возвеличивающая, возводящая въ законъ нормы, дающія опору посредственности («набожная память о Ростовѣ», «добро есть Богъ») — ложны. Говоря словами Нитше: нѣтъ ничего истиннаго, все позволено — или переоцѣнка всѣхъ цѣнностей.

XXV.

Отсюда тотъ странный, чуждый людямъ характеръ философіи Нитше. Въ ней нѣтъ устойчивости, нѣтъ равновѣсія. Она ихъ и не ищетъ: она живетъ противо-

[1]) Соч. т. IV, 113.

рѣчіями, какъ и міровоззрѣніе Достоевскаго. Нитше не пропускаетъ случая посмѣяться надъ тѣмъ, что̀ называется прочностью убѣжденія. Предпосылки, которыя Шопенгауеръ считалъ столь необходимыми для философіи и которыя онъ не только оправдывалъ, но даже не считалъ нужнымъ, какъ это обыкновенно дѣлается, скрывать, находятъ въ Нитше злѣйшаго и язвительнѣйшаго критика. «Въ каждой философіи, говоритъ онъ, есть моментъ, когда на сцену выступаютъ «убѣжденія» философа, или, говоря языкомъ старинной мистеріи — adventavit asinus pulcher et fortissimus» [1]. Но, на ряду съ такими утвержденіями, вы встрѣчаете и прямо противоположныя имъ на видъ: «ложность какого нибудь сужденія вовсе не служитъ достаточнымъ противъ него возраженіемъ: въ этомъ, можетъ быть, слышатся самые странные звуки нашего новаго языка. Вопросъ лишь въ томъ, насколько оно поощряетъ, поддерживаетъ жизнь, насколько оно поддерживаетъ, можетъ быть, развиваетъ видъ, и мы спеціально склонны утверждать, что самыя ложныя сужденія (къ нимъ принадлежатъ синтетическія сужденія a priori) намъ наиболѣе необходимы; что безъ допущенія логическихъ фикцій, безъ сравненія дѣйствительности съ вымышленнымъ міромъ безусловнаго, всегда себѣ равнаго, безъ постоянной фальсификаціи міра посредствомъ числа—человѣкъ совершенно не можетъ существовать. Отказаться отъ ложныхъ сужденій значитъ отказаться отъ жизни, отрицать жизнь. Признать ложь основнымъ условіемъ жизни, это значитъ, конечно, вступить въ опаснѣйшее противорѣчіе съ привычной человѣческой точкой зрѣнія; и философія, осмѣливающаяся на это,

[1]) Соч. т. VII, стр. 16.

тѣмъ самымъ становится «по ту сторону добра и зла» [1]. Но естественно возникаетъ вопросъ: если ложь и ложныя сужденія являются основными условіями человѣческаго существованія, если они способствуютъ сохраненію, даже развитію жизни, то не правы ли были тѣ мудрецы, которые, какъ великій инквизиторъ у Достоевскаго, выдавали эту ложь за *истину*? И не благоразумнѣе ли всего было бы оставаться при традиціяхъ, т.-е. попрежнему совсѣмъ и не допытываться того, что такое истина, и держаться на этотъ счетъ безсознательно сложившихся мнѣній, т.-е. имѣть тѣ предпосылки, «убѣжденія», по поводу которыхъ Нитше вспомнилъ непочтительныя слова старинной мистеріи? Разъ синтетическія сужденія a priori такъ необходимы человѣку, что безъ нихъ невозможна жизнь, что отвергать ихъ значитъ отрицать жизнь, то пусть бы они себѣ носили прежнее почетное названіе истинныхъ, въ какомъ видѣ они, конечно, наилучше могутъ исполнить свое благородное назначеніе. Для чего выставлять на видъ ихъ ложность? Отчего бы не заложить ихъ корни, по примѣру Канта и гр. Толстого, въ иной міръ, такъ чтобы люди не только бы увѣровали въ ихъ истинность, но убѣдились бы даже, что они имѣютъ потустороннюю, метафизическую основу? Разъ ложь такъ нужна для жизни, то не менѣе нужно людямъ думать, что эта ложь не есть ложь, а истина... Но, очевидно, Нитше занимаетъ не «жизнь», о которой онъ такъ хлопочетъ, а нѣчто иное, по крайней мѣрѣ не такая жизнь, какъ та, которая до сихъ поръ оберегалась позитивизмомъ, синтетическими сужденіями a priori и ихъ жрецами, учителями мудрости. Иначе онъ

[1]) Соч. т. VII, стр. 12.

не сталъ бы выкрикивать чуть ли не на площади профессіональную тайну философіи, а, наоборотъ, постарался бы какъ можно глубже скрыть ее. Уже Шопенгауеръ сдѣлалъ тактическую ошибку, провозгласивши, что безъ предпосылокъ невозможна философія — Нитше же идетъ еще дальше его. Значитъ, въ концѣ концовъ, его занимаетъ отнюдь не вопросъ о сохраненіи и поддержаніи того, что̀ онъ называетъ отвлеченнымъ словомъ «жизнь». О такой «жизни» онъ, какъ и многіе другіе, хотя и говоритъ, но не заботится и не думаетъ. Онъ знаетъ, что «жизнь» до сихъ поръ существовала безъ опеки философовъ: обойдется она и на будущее время своими силами. И оправдывая такимъ рискованнымъ способомъ синтетическія сужденія a priori, Нитше лишь стремится *скомпрометировать* ихъ, чтобъ открыть себѣ путь къ полной свободѣ изслѣдованія, чтобъ отвоевать себѣ право говорить о томъ, о чемъ люди молчатъ.

Тамъ, внизу (у людей), говоритъ Заратустра, всѣ слова напрасны. Тамъ видятъ лучшую мудрость въ умѣньи забывать и проходить мимо: это я узналъ отъ нихъ. И кто хочетъ все понять у людей, тотъ долженъ на все нападать» [1]). Въ молодости и самъ Нитше въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличался отъ другихъ философовъ. Не по доброй волѣ сталъ онъ останавливаться тамъ, гдѣ другіе проходили мимо, и запоминать то, что̀ другіе забываютъ. «Страданіе спрашиваетъ о причинахъ; удовольствіе же склонно оставаться при самомъ себѣ и не оглядываться назадъ» [2]). Но и не всякое страданіе научаетъ насъ спрашивать. Человѣкъ

[1]) Соч. т. VI. Die Heimkehr.
[2]) Соч. т. V, стр. 51.

является въ жизнь позитивистомъ, и ему вовсе не нужно пройти сперва черезъ теологическій и метафизическій періодъ, чтобъ пріобрѣсти вкусъ къ той ограниченности познаванія, которая рекомендуется положительной философіей. Наоборотъ — онъ избѣгаетъ слишкомъ большой мудрости и даже отъ страданія онъ прежде всего старается избавиться, отдѣлаться. И только тогда, когда всѣ попытки въ этомъ положительномъ направленіи окажутся безплодными, когда онъ убѣждается, что нельзя «приспособиться», что нельзя найти такого положенія, при которомъ «страданіе» перестанетъ напоминать о себѣ, онъ выходитъ за предѣлы позитивной истины и начинаетъ спрашивать, не соображаясь уже съ тѣмъ, дозволены или не дозволены его вопросы современной методологіей и теоріей познанія. «Мы всѣ, говоритъ Нитше, живемъ въ сравнительно слишкомъ большой безопасности для того, чтобы стать настоящими знатоками человѣческой души: одинъ изъ насъ познаетъ вслѣдствіе страсти къ познаванію, другой — отъ скуки, третій по привычкѣ; никогда мы не слышимъ повелительнаго голоса: «познай или погибни». До тѣхъ поръ, пока истины не врѣзываются точно ножемъ въ наше тѣло, мы относимся къ нимъ съ пренебрежительной сдержанностью; онѣ кажутся намъ слишкомъ похожими на «пернатыя сновидѣнія», которыя мы можемъ принять или не принять, словно въ нихъ есть нѣчто, зависящее отъ нашего произвола, словно мы можемъ проснуться отъ этихъ нашихъ истинъ»[1]). Вы видите, какимъ образомъ раздвигаются предѣлы познаваемаго міра: нуженъ повелительный

[1]) Соч. т. IV, 311.

голосъ — «познай или погибни», категорическій императивъ, о которомъ не вспоминалъ Кантъ. Наконецъ, нужно, чтобы истины врѣзались въ тѣло словно ножемъ — и объ этомъ не говорится, ничего не говорится ни въ теоріи познанія, ни въ логикахъ. Тамъ процессъ отысканія истинъ изображается совсѣмъ иначе, тамъ мыслить значитъ спокойно, послѣдовательно, хотя и съ напряженіемъ, но безболѣзненно переходить отъ заключенія къ заключенію до тѣхъ поръ, пока искомое не будетъ найдено. У Нитше же мыслить значитъ терзаться, мучиться, корчиться въ судорогахъ. У Достоевскаго, если вы помните его романы, тоже никто изъ героевъ не размышляетъ по правиламъ логики: вездѣ у него неистовства, надрывы, плачъ, скрежетъ зубовный. Философъ-теоретикъ видитъ во всемъ этомъ ненужныя, даже вредныя излишества. Спиноза говоритъ: non ridere, non lugere, neque detestari, sed intelligere. Онъ думаетъ, что «понять» можно путемъ отвлеченнаго или, какъ его охотно называютъ, объективнаго размышленія. Но что «поняла» до сихъ поръ философія? У Нитше являются законныя сомнѣнія, дѣйствительно ли пріемы, рекомендуемые Спинозой и доселѣ всегда практиковавшіеся учителями мудрости, обезпечиваютъ наиболѣе вѣрный или даже единственно вѣрный путь къ истинѣ. «Можетъ быть въ нашемъ борющемся существѣ и есть скрытое *геройство*, но навѣрное въ немъ нѣтъ ничего божественнаго, вѣчно въ себѣ покоющагося, какъ думалъ Спиноза. *Сознательное* мышленіе, именно мышленіе философское, есть наиболѣе безсильный, а потому относительно болѣе спокойный и ровный видъ размышленія: такъ что именно

философъ легче всего можетъ быть приведенъ къ ошибочному сужденію о природѣ нашего познанія»... [1]).

Но не только «философъ»—всѣ мы, люди современнаго воспитанія, уже въ силу условій нашего развитія, едва ли способны правильно судить о природѣ и предѣлахъ нашего познанія и объ «истинѣ». Правда, суевѣріе всегда жило между людьми и нельзя назвать такой эпохи, когда бы какая-нибудь ошибка не почиталась истиной, и великой истиной. Но никогда еще люди не были такъ глубоко убѣждены въ непогрѣшимости ихъ методологическихъ пріемовъ, какъ въ наше время. Нашъ вѣкъ вѣдь называютъ вѣкомъ скептицизма par excellence, иначе говоря, полагаютъ, что ежели мы что-либо выдаемъ за истину, то лишь послѣ самаго тщательнаго и внимательнаго ея изслѣдованія, когда уже не можетъ относительно нея быть никакого сомнѣнія. «Вѣрить» же мы совсѣмъ не умѣемъ, если бы даже и хотѣли. А между тѣмъ уже съ дѣтства мы пріучаемся «вѣрить» — и, главное, вѣрить самымъ неправдоподобнымъ вещамъ! Крестьянскій мальчикъ или молодой дикарь тоже, конечно, вѣрятъ тому, что имъ разсказываютъ старшіе. Но имъ обыкновенно ничего неправдоподобнаго, насилующаго мысль и не разсказываютъ. Имъ сообщаютъ, напримѣръ, что существуютъ колдуны, лѣшіе, вѣдьмы. Все это — неправда, всего этого нѣтъ, но вѣдь все это мыслимо, понятно. Изъ этихъ разсказовъ молодой умъ лишь выводитъ заключеніе, что есть вещи, очень страшныя и интересныя, которыя ему еще не приходилось видѣть, но которыя, быть можетъ, онъ когда-нибудь и увидитъ собственными глазами. Иное дѣло ребенокъ нашего общества:

[1]) Соч. т. V, 253.

отъ сказокъ его голова свободна, онъ знаетъ, что чертей и волшебниковъ не бываетъ и пріучаетъ свой умъ не вѣрить розсказнямъ такого рода, даже если бы въ душѣ и была у него склонность къ чудесному. Но зато уже съ самаго ранняго возраста ему сообщаютъ положительныя свѣдѣнія, неправдоподобность которыхъ превосходитъ рѣшительно всѣ выдумки, на которыя когда-либо пускались самые фантастическіе составители сказокъ. Ему, напримѣръ, говорятъ—и тáкимъ авторитетнымъ тономъ, въ виду котораго умолкаетъ и должно умолкнуть всякое сомнѣніе—что земля не неподвижна, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ очевидность, что солнце не обѣгаетъ земли, что небо не твердь, что горизонтъ — только оптическій обманъ и т. д. безъ конца. Все это узнается въ раннемъ, очень раннемъ дѣтствѣ и обыкновенно даже безъ тѣхъ соображеній и доказательствъ, которыя приводятся въ элементарныхъ учебникахъ географіи. И все это принимается какъ несомнѣнная, не подлежащая даже провѣркѣ истина, ибо исходитъ отъ старшихъ, ибо написано въ книгахъ. Скажите, какая сказка, даже не изъ тѣхъ, которыя рекомендуются образованными людьми для народа, а изъ тѣхъ, которыя изготовляются безграмотными писателями въ цѣляхъ наживы, заключаетъ въ себѣ больше очевидной для ребенка лжи, чѣмъ преподаваемыя ему нами истины? Колдунъ, вѣдьма, дьяволъ—это только нѣчто новое, но понятное, не противорѣчащее очевидности. Вертящаяся же земля, неподвижное солнце, фиктивное небо и т. п. — все это вѣдь верхъ безсмыслицы для ребенка. И тѣмъ не менѣе это — истина, онъ знаетъ это навѣрное и съ этой неправдоподобной истиной онъ живетъ цѣлые годы. Развѣ такое

насиліе надъ дѣтскимъ умомъ можетъ не изуродовать его познавательныя способности? Развѣ вѣра въ смыслъ безсмыслицы не становится его второй природой? И развѣ въ концѣ концовъ у каждаго изъ насъ не должна навѣки остаться въ душѣ склонность принимать за истину только то, что̀ представляется всему нашему существу какъ ложь? Или — если этотъ выводъ покажется слишкомъ парадоксальнымъ или преувеличеннымъ — развѣ, во всякомъ случаѣ, у насъ не должно быть готовности вѣрить въ очевидную для насъ нелѣпость (intelligere, иначе говоря), разъ только она обставлена извѣстной аргументаціей и исходитъ отъ ученыхъ людей или изъ ихъ книгъ? Напримѣръ, въ шопенгауеровскую волю, кантовскую Ding an sich, спинозовскаго deus sive natura? Нашъ умъ, въ дѣтствѣ усвоившій столько нелѣпостей, потерялъ способность къ самозащитѣ и принимаетъ все, кромѣ того, отъ чего его предостерегали съ дѣтства же, т.-е. чудеснаго, иначе говоря, дѣйствія безъ причины. Тутъ онъ всегда настороже, тутъ его ничѣмъ не заманишь, ни краснорѣчіемъ, ни вдохновеніемъ, ни логикой. Но разъ нѣтъ чудеснаго — все пройдетъ. Что, напримѣръ, «понимаетъ» современный человѣкъ въ словахъ «естественное развитіе міра»? Забудьте на минуту, на одну минуту, если только это возможно, свою «школу», и вы сразу убѣдитесь, что развитіе міра ужасно неестественно: естественно бы было, если бы не было ничего — ни міра, ни развитія. А между тѣмъ, среди современныхъ людей нѣтъ почти ни одного, который бы не вѣрилъ въ догму естественности такъ же прочно, какъ вѣритъ набожный католикъ въ непогрѣшимость папы. Даже болѣе того: католика еще можно какъ-нибудь разувѣ-

рить, современный же человѣкъ ни за что не приметъ серьезно мысли о томъ, что міръ развился неестественно и что, стало быть, произволъ въ природѣ, дѣйствіе безъ причины, о которомъ говоритъ Милль, годится не только какъ указаніе предѣловъ нашего познанія. Для него, какъ и для Милля и Канта, это истина, внѣ которой не можетъ быть не только мышленія, но и жизни. Тѣ, которые отрекаются отъ нея, казнятся по общему убѣжденію ужаснѣйшимъ изъ существующихъ наказаній: вѣчнымъ безплодіемъ. Вотъ какимъ дракономъ охраняется позитивизмъ и идеализмъ! У кого хватитъ мужества вступить съ нимъ въ борьбу? И какъ можетъ обыкновенный человѣкъ, только человѣкъ, отважиться на такой страшный подвигъ, возвѣстить открыто: нѣтъ ничего истиннаго, все позволено? Не нужно ли ему для этого прежде всего перестать быть человѣкомъ, не нужно ли ему отыскать въ себѣ иныя, еще неизвѣстныя, неиспытанныя силы, которыми мы до сихъ поръ пренебрегали, которыхъ мы боялись? Послушайте молитву Нитше и вы поймете хоть отчасти, какъ рождаются убѣжденія въ нашей душѣ и что значитъ идти своимъ путемъ и имѣть свой взглядъ на жизнь: «о, пошлите мнѣ безуміе, небожители! Безуміе, чтобъ я, наконецъ, самъ повѣрилъ себѣ. Пошлите мнѣ бредъ и судороги, внезапный свѣтъ и внезапную тьму, бросайте меня въ холодъ и жаръ, какихъ не испыталъ еще ни одинъ смертный, пугайте меня таинственнымъ шумомъ и привидѣніями, заставьте меня выть, визжать, ползать, какъ животное: только бы мнѣ найти вѣру въ себя. Сомнѣніе пожираетъ меня, я убилъ законъ, законъ страшитъ меня, какъ трупъ страшитъ живого человѣка; если я не больше, чѣмъ законъ, то вѣдь я отверженнѣйшій

изъ людей. Новый духъ, родившійся во мнѣ — откуда онъ, если не отъ васъ? Докажите мнѣ, что я вашъ — одно безуміе можетъ мнѣ доказать это» [1]).

XXVI.

Молитва Нитше была услышана: небожители послали ему безуміе. Во время одной изъ его уединенныхъ прогулокъ по горамъ швейцарскаго Энгадина его внезапно, точно молніей, поразила мысль о «вѣчномъ возвращеніи» — и съ этого момента характеръ его творчества совершенно измѣняется. Теперь предъ нами уже не подпольный человѣкъ, робко и осторожно, подъ прикрытіемъ чуждыхъ ему теорій, подкапывающійся подъ принятыя убѣжденія. Къ намъ говоритъ Заратустра, вѣрующій въ свою пророческую миссію, осмѣливающійся свое мнѣніе противоставлять мнѣнію всѣхъ людей. Но, странно, несмотря на то, что Нитше видѣлъ въ идеѣ о вѣчномъ возвращеніи начало и источникъ своего новаго міровоззрѣнія, онъ нигдѣ подробно и ясно не развиваетъ ее. Нѣсколько разъ въ also sprach Zarathustra онъ начинаетъ говорить о ней, но каждый разъ обрываетъ рѣчь чуть ли не на полусловѣ. Такъ что невольно приходитъ въ голову подозрѣніе, что «вѣчное возвращеніе» въ концѣ концовъ было только неполнымъ и недостаточнымъ выраженіемъ испытаннаго Нитше внезапнаго душевнаго подъема. Это становится тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что самая идея — стара и не принадлежитъ Нитше. О ней говорили уже пиѳагорейцы, и Нитше, спеціалистъ классической филологіи, конечно,

[1]) Соч., т. IV, стр. 23.

не могъ не знать этого. Очевидно, что для него она имѣла другое значеніе, чѣмъ для древнихъ, и что соотвѣтственно этому онъ могъ съ ней связывать и иныя надежды. И точно, какой новый смыслъ могло дать его жизни обѣщаніе вѣчнаго возвращенія? Что̀ могъ онъ почерпнуть въ убѣжденіи, что его жизнь, такая, какой она была, со всѣми ея ужасами, уже несчетное количество разъ повторялась и, затѣмъ, столь же несчетное количество разъ имѣетъ вновь повториться безъ малѣйшихъ измѣненій? Если бы Нитше въ «вѣчномъ возвращеніи» видѣлъ только то, о чемъ говорили пиѳагорейцы,—оно бы принесло ему мало новыхъ надеждъ! И, наоборотъ, разъ «вѣчное возвращеніе» дало ему новыя силы, то, стало быть, оно обѣщало ему нѣчто иное, чѣмъ простое повтореніе того, что онъ уже имѣлъ въ дѣйствительности. Можно поэтому съ увѣренностью сказать, что идея эта являлась для Нитше прежде всего символическимъ протестомъ противъ господствующей нынѣ теоріи познанія съ ея практическими выводами относительно роли и значенія въ мірѣ отдѣльнаго человѣка. Она выражала *не все*, что̀ думалъ Нитше. Оттого-то онъ, хотя и называетъ себя учителемъ вѣчнаго возвращенія, учитъ чему угодно, кромѣ возвращенія; свою же «послѣднюю мысль» онъ отказывается прямо назвать. Повидимому, предъ лицомъ тысячелѣтнихъ предразсудковъ или убѣжденій человѣчества даже «безуміе» не имѣетъ смѣлости быть до конца откровеннымъ. Вотъ свидѣтельствующій объ этомъ отрывокъ изъ разговора Заратустры съ жизнью: ...Жизнь задумчиво оглянулась и тихо сказала: «о, Заратустра, ты мнѣ недостаточно вѣренъ! ты любишь меня далеко не такъ, какъ говоришь; я знаю, что ты думаешь

о томъ, что скоро покинешь меня. Есть старый, тяжелый-тяжелый, гудящій колоколъ; ночью его удары доходятъ до твоей пещеры, и когда ты слышишь, какъ въ полночь онъ отбиваетъ часы, ты думаешь между первымъ и двѣнадцатымъ ударомъ, ты думаешь о томъ, о, Заратустра, что ты скоро покинешь меня». — «Да, отвѣтилъ я медленно, но ты знаешь также», и я шепнулъ ей что-то на ухо, сквозь спутанные, русые, непокорные локоны ея кудрей... — «Ты *знаешь* это, о, Заратустра? Этого не знаетъ никто». — И мы снова взглянули другъ на друга и на зеленый лугъ, на который въ это время набѣгалъ прохладный вечеръ, и вмѣстѣ плакали. Но тогда жизнь мнѣ была милѣе, чѣмъ вся моя мудрость» [1]). Что̀ шепнулъ Заратустра жизни? Что это за тайна, которой никто, кромѣ Заратустры, не знаетъ? Очевидно, что она имѣетъ прямое отношеніе къ «вѣчному возвращенію», но во всякомъ случаѣ менѣе отвлеченна и безсодержательна. Жизнь измучила Заратустру, онъ хочетъ разстаться съ ней, но тайна, которую онъ одинъ знаетъ, примиряетъ его со страданіемъ и научаетъ любить дѣйствительность больше, чѣмъ мудрость. Непосредственно вслѣдъ за разговоромъ съ жизнью, какъ 3-я часть той же пѣсни («Das andere Tanzlied»), помѣщено странное, но захватывающее стихотвореніе, повидимому, долженствующее хоть отчасти разъяснить смыслъ «тайны». Оно состоитъ изъ двѣнадцати строкъ, соотвѣтственно двѣнадцати ударамъ полночнаго колокола. Вотъ оно:

Одинъ!
О, человѣкъ, внемли!

[1]) Also sprach Zarathustra, Das andere Tanzlied.

Два!

О чемъ говоритъ глубокая полночь?

Три!

Я спалъ, я спалъ. —

Четыре!

Я пробудился отъ глубокаго сна:

Пять!

Міръ — глубокъ,

Шесть!

И глубже, чѣмъ это думалъ день.

Семь!

Глубока его скорбь,

Восемь!

Радость еще глубже, чѣмъ страданіе.

Девять!

Скорбь говоритъ: пройди!

Десять!

Но всякая радость желаетъ вѣчности.

Одиннадцать!

Желаетъ глубокой, глубокой вѣчности.

Двѣнадцать!

Вы видите, что въ «вѣчномъ возвращеніи» существенно не опредѣляемое слово, а опредѣляющее, т.-е. не возвращеніе, а вѣчность. Какъ ни глубока скорбь, она должна пройти и уступить мѣсто непреходящей радости. И день (т.-е. Милль и Кантъ) не умѣетъ судить о глубинѣ міра. Не въ этомъ ли тайна, о которой шептался Заратустра съ жизнью, и не это ли ему открылось, когда его впервые осѣнила мысль о вѣчномъ возвращеніи «на высотѣ 6000 футовъ надъ уровнемъ моря и еще выше надъ всѣми человѣческими помыслами?» Но оставимъ догадки о невысказанныхъ

тайнахъ Нитше: если онъ молчалъ, то у него были на то свои основанія; есть вещи, о которыхъ можно думать, но нельзя говорить иначе, чѣмъ символами и намеками. По крайней мѣрѣ нельзя говорить теперь, пока миллевское предположеніе о дѣйствіи безъ причины принимается нами только для отдаленныхъ планетъ или еще болѣе отдаленнаго будущаго, пока о мірѣ судитъ день. Въ «also sprach Zarathustra» мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ попытокъ однимъ усиліемъ ума вырваться изъ власти современныхъ теорій. Я укажу, напримѣръ, на рѣчь Заратустры, заключающую собой 2-ю часть этой книги (die stillste Stunde), или изъ 3-ей части на der Genesende, die sieben Siegel и т. д. Но, очевидно, и самъ Нитше еще далеко не свыкся со своей новой полуночной дѣйствительностью. Наслѣдникъ своихъ предковъ, онъ можетъ лишь на мгновенія покидать привычную атмосферу позитивизма, и для него жизнь за предѣлами того, что̀ называется познаваемымъ міромъ, какъ ни влечетъ его къ ней, не есть еще «нормальная» жизнь. Каждый разъ, какъ изъ-подъ его ногъ уходитъ почва — его охватываетъ мистическій ужасъ; онъ самъ не знаетъ, что съ нимъ происходитъ: видитъ ли онъ новую дѣйствительность или ему только грезятся страшные сны. Предъ нимъ поэтому постоянная трагическая альтернатива: съ одной стороны положительная, но опустошенная, безсодержательная дѣйствительность, съ другой стороны — новая жизнь, манящая, обѣщающая, но пугающая, точно привидѣніе. Неудивительно, что онъ постоянно колеблется въ выборѣ пути и то страшными заклинаніями вызываетъ свою «послѣднюю мысль», то впадаетъ въ полное безразличіе, почти въ отупѣніе, чтобы отдох-

нуть отъ чрезмѣрнаго душевнаго напряженія. Въ современной литературѣ вы не встрѣтите ни одного писателя, который жилъ бы такими быстро измѣнчивыми настроеніями, какія вы наблюдаете у Нитше: въ одну и ту же почти минуту вы можете застать его на двухъ совершенно противоположныхъ полюсахъ человѣческой мысли...

Проф. Рилль справедливо замѣтилъ, что Нитше не годится въ учителя. Его сочиненія не даютъ и не могутъ дать твердыхъ и неизмѣнныхъ правилъ для руководства ученикамъ. Онъ самъ постоянно экспериментируетъ, дѣлаетъ опыты надъ собой. Ему иногда кажется, что наша жизнь есть только «экспериментъ познающаго». Но развѣ философія существуетъ только для «учениковъ»? Конечно, молодежи, «молодому поколѣнію», какъ говаривали у насъ въ старину, нужно указаніе, нуженъ отвѣтъ на вопросъ: что́ дѣлать? Но нѣтъ необходимости обращаться съ нимъ къ Нитше, Достоевскому или гр. Толстому, т.-е. къ людямъ, выбитымъ изъ обычной жизненной колеи. Если бы у насъ не было никакихъ иныхъ основаній, то противъ нихъ, какъ противъ учителей, достаточно говоритъ уже непрочность ихъ собственныхъ убѣжденій. Какъ довѣрить имъ молодую душу, если они сами не могутъ ручаться за завтрашній день? Гр. Толстой, напримѣръ, устроившій такой торжественный апоѳеозъ семейной жизни Левина, написалъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ «Анны Карениной», «Смерть Ивана Ильича», а потомъ и «Крейцерову Сонату». Исторія женитьбы и семейной жизни Левина, съ одной стороны, и Ивана Ильича и Позднышева, съ другой, вѣдь въ концѣ концовъ одна и та же «исторія», только на иной ладъ разсказанная, иначе

освѣщенная или, если хотите, оцѣненная. Чтобъ убѣдиться въ томъ, достаточно подъ рядъ прочесть «Анну Каренину» и «Крейцерову Сонату». У Левина съ Кити были точно такія же отношенія, какъ у Позднышева съ его женой: въ томъ сомнѣнія быть не можетъ. Семейная же жизнь Левина рекомендуется намъ, какъ образцовая, а Позднышевъ говоритъ о себѣ: «мы жили какъ свиньи». Отчего въ исторіи Левина пропущено то, что̀ подчеркнуто въ исторіи Позднышева?... Чему можетъ научиться ученикъ у такого учителя, какъ гр. Толстой?.. Да и вообще, человѣкъ, однажды измѣнившій своимъ убѣжденіямъ, уже не годится въ учителя, ибо убѣжденія на срокъ ничего не стоятъ. Вѣдь главное ихъ достоинство въ томъ, что они обѣщаютъ устои на всю жизнь. Убѣжденія не доказываются, а принимаются, если не всецѣло, то хоть отчасти на вѣру, вѣрить же можно лишь тому, что̀ незыблемо, что̀, по крайней мѣрѣ на нашихъ глазахъ, не подвергалось колебаніямъ. И настоящій учитель, человѣкъ, котораго со спокойной совѣстью можно рекомендовать въ руководители юношеству, долженъ прежде всего умѣть дать своимъ ученикамъ какъ можно болѣе «вѣчные» принципы, годные для всякаго возраста, при всякихъ обстоятельствахъ. Такіе учителя никогда не переводятся. такихъ учителей много, — «молодое поколѣніе» обыкновенно къ нимъ и обращается за поученіемъ и наставленіемъ, и отъ нихъ получаетъ все, что̀ ему нужно. Даже болѣе того, эти учителя умѣютъ охранить своихъ учениковъ отъ опасной близости съ писателями въ родѣ Достоевскаго, Нитше или гр. Толстого. Загляните въ учебники исторіи литературы — что̀ сдѣлали нѣмцы изъ своего Гете! При существующихъ комментаріяхъ даже подростку не

страшно дать въ руки «Фауста». А между тѣмъ съ «учительской точки зрѣнія развѣ можетъ быть еще болѣе вредное и безнравственное произведеніе? Гр. Толстой недаромъ въ «Что̀ такое искусство» отвергнулъ Гете! И въ самомъ дѣлѣ, чего нужно Фаусту? Онъ прожилъ длинную, честную, трудовую жизнь, пользуется уваженіемъ и почетомъ народа, къ нему отовсюду стекаются ученики, которымъ онъ можетъ внушать идеи добра и передавать тѣ, хотя и ограниченныя, но полезныя познанія, которыя ему удалось пріобрѣсти долгими годами упорныхъ занятій. Кажется, радоваться бы ему на свою старость, а онъ недоволенъ, заводитъ дѣла съ дьяволомъ и продаетъ врагу человѣческаго рода свою душу за Маргариту. Что̀ это такое? Вѣдь, говоря простымъ языкомъ, это значитъ: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро. Меня удивляетъ только, что гр. Толстой не вспомнилъ по поводу «Фауста» эту удивительную русскую поговорку. Его любимые собесѣдники, «умные мужики», навѣрное бы такъ разсудили. Съ ихъ точки зрѣнія Вагнеръ куда выше и нравственнѣе Фауста, а межъ тѣмъ у Гете онъ представленъ карикатурнымъ глупцомъ, и только потому, что онъ, какъ учатъ Милль и Кантъ, держался предѣловъ познаваемаго міра и не вступалъ въ сношенія съ чертями. Попробуйте примѣнить къ Фаусту кантовское правило нравственности: что̀ вышло бы, если бы всѣ люди поступали, какъ Фаустъ, забрасывали свою почтенную и полезную ученую дѣятельность и на старости лѣтъ начинали влюбляться въ Маргаритъ. А Вагнеръ выдержитъ кантовскій принципъ! И съ точки зрѣнія утилитарной — Милля, онъ выйдетъ правымъ, и Спиноза принужденъ будетъ похвалить его.

Кантъ и Гете писали почти одновременно. Но Кантъ строжайшимъ образомъ воспрещалъ всякаго рода мыслямъ о вѣчномъ возвращеніи, чертямъ и Маргаритамъ смущать свой философскій покой: всѣмъ имъ мѣсто въ умопостигаемомъ (или, говоря обыкновеннымъ языкомъ, въ непостижимомъ) мірѣ. Гете же звалъ ихъ къ себѣ и предоставлялъ Вагнерамъ жить по кантовской морали... Повидимому, Раскольниковъ былъ правъ, и точно существуютъ двѣ мѣрки, одна для обыкновенныхъ, другая для необыкновенныхъ людей. Фаусты не теряютъ нашего уваженія, хотя, несмотря на мудрыя поговорки и философскія ученія, позволяютъ себѣ пренебрегать принятой моралью и, отвернувшись отъ идеальныхъ благъ, даваемыхъ ученымъ кабинетомъ и просвѣтительной дѣятельностью, ищутъ жизни для себя. Фаустъ — «эгоистъ»? Высшія натуры — эгоисты, и мораль самоотреченія предоставлена посредственнымъ Вагнерамъ?

Но, повторяю еще разъ, моралистическія идеи гораздо болѣе, чѣмъ всякія другія построенія, жили до сихъ поръ «предпосылками», цѣликомъ добывавшимися изъ наблюденій внѣшнихъ человѣческихъ отношеній. Моралистами руководило то же инстинктивное стремленіе къ ограниченію поля наблюденія, какое было и у ученыхъ, когда они создавали свои теоріи естественнаго развитія. Категорическій императивъ у Канта, утилитарные принципы у Милля имѣли лишь одно назначеніе — приковать человѣка къ среднимъ, привычнымъ жизненнымъ нормамъ, которыя предполагались въ равной мѣрѣ годными рѣшительно для всѣхъ людей. И у Канта, и у Милля была глубокая вѣра, что законъ нравственности такъ же обязателенъ, поня-

тенъ и близокъ сердцу каждаго человѣка, какъ и законъ причинности. Если онъ и можетъ потерять свою обязательность, то развѣ гдѣ-нибудь на иной планетѣ или въ безконечно отдаленномъ будущемъ (у Канта въ умопостигаемомъ мірѣ), здѣсь же, на нашей землѣ, онъ долженъ быть признанъ всѣми безъ исключенія смертными. Но если находятся люди, которые не желаютъ отказаться отъ «дѣйствія безъ причины» и вмѣсто того, чтобъ искать слѣдовъ произвола въ недоступныхъ и безразличныхъ для насъ сферахъ, пытаются открыть отсутствіе закономѣрности уже здѣсь на землѣ, подлѣ себя, то какъ можно разсчитывать на ихъ готовность подчинить свою волю, которую они знаютъ свободной, общимъ нормамъ единственно для торжества ученаго порядка, который они ненавидятъ больше всего въ мірѣ? Не естественно ли, что они поведутъ себя совсѣмъ иначе и, подобно господину съ ретроградной физіономіей въ «Запискахъ изъ подполья», станутъ нарушать правила единственно лишь затѣмъ, чтобъ уничтожить всякій законъ? Ни кантовское глубокомысліе, ни ясность и убѣдительность доказательствъ Милля не произведутъ на нихъ никакого впечатлѣнія. Глубокомысліемъ этихъ людей не удивишь, а что касается діалектики, то даже самъ Гегель спасовалъ бы предъ подпольнымъ философомъ Достоевскаго. Они не случайно и даже не въ силу своего безпокойнаго характера ищутъ на нашей землѣ, гдѣ наука нашла столько строгой гармоніи и порядка, хаоса и произвола: порядокъ и гармонія давятъ ихъ, они задыхаются въ атмосферѣ естественности и законности. И никакая наука, никакая проповѣдь не привяжутъ ихъ къ той дѣйствительности, которая въ сужденіяхъ признанныхъ

мудрецовъ до сихъ поръ признавалась единственно реальной. Съ «причиной и дѣйствіемъ» они еще пока относительно мирятся: къ тому ихъ принуждаетъ внѣшняя необходимость. Но, если бы было въ ихъ волѣ, они бы уже давно сдвигали горы и гнали рѣки вспять, нимало не заботясь о томъ, что такой ихъ образъ дѣйствія грозилъ бы величайшимъ разстройствомъ международной торговлѣ, судоходству и парламентскимъ сессіямъ. Но это не въ ихъ волѣ. Они только могутъ торжествовать по поводу того, что законъ причинности не апріоренъ (драгоцѣнное признаніе Милля! если бы подпольные люди его высказали, имъ бы никто не повѣрилъ, они бы сами себѣ не повѣрили!) и что даже ясному и свѣтлому Миллю приходится хоть на мгновенія испытывать тревогу по поводу господствующихъ на иной планетѣ безпорядковъ. Они втайнѣ надѣются, что будущимъ Миллямъ придется въ этомъ смыслѣ испытать еще бо̀льшія огорченія. Но въ области нравственныхъ отношеній, гдѣ ихъ свобода ничѣмъ не стѣснена, кромѣ отвлеченныхъ предписаній моралистовъ—здѣсь только имъ дано отпраздновать свою побѣду. Сколько ни хлопочи Кантъ и Милль, *здѣсь* — подпольные люди въ этомъ уже перестали сомнѣваться— ихъ царство, царство каприза, неопредѣленности и безконечнаго множества совершенно неизвѣданныхъ, новыхъ возможностей. Здѣсь совершаются чудеса воочію: здѣсь то, что вчера было силой, сегодня становится безсиліемъ, здѣсь тотъ, кто вчера еще былъ первымъ, сегодня становится послѣднимъ, здѣсь горы сдвигаются, здѣсь предъ каторжниками склоняются «святые», здѣсь геній уступаетъ посредственности, здѣсь Милль и Кантъ потеряли бы свои учено устроенныя

головы, если бы только хоть на минуту рѣшились оставить огороженный апріористическими сужденіями мірокъ и заглянуть въ царство подполья... Спиноза утверждалъ, что постоянство есть предикатъ совершенства и эту «аксіому» положилъ въ основаніе своей тоже математически построенной этики. Подпольные люди судятъ иначе: для нихъ постоянство есть предикатъ величайшаго несовершенства и соотвѣтственно этому они въ своей «переоцѣнкѣ цѣнностей» назначаютъ уже далеко не первыя мѣста представителямъ идеализма, позитивизма, матеріализма — словомъ, всѣхъ тѣхъ системъ, которыя подъ видомъ философіи возвѣщаютъ человѣчеству, что въ старомъ мірѣ все обстоитъ благополучно.

XXVII.

Теперь своевременно вновь поставить заданный Нитше вопросъ: «какъ можно находить удовольствіе въ той тривіальной мысли, что мотивы всѣхъ нашихъ дѣйствій могутъ быть сведены къ эгоизму?» Только теперь, когда за нами осталась идея «вѣчнаго возвращенія» и всѣ бурные запросы Фауста, слово «удовольствіе» оказывается уже не на мѣстѣ. Его нужно замѣнить инымъ, болѣе приличнымъ случаю. Повидимому, мы имѣемъ тутъ дѣло съ *императивомъ*, и съ императивомъ категорическимъ, противиться которому человѣкъ не въ силахъ. Нитше безсознательно, совсѣмъ и не предвидя, къ чему онъ придетъ, вступилъ на путь сомнѣнія. Даже, наоборотъ, онъ былъ почти увѣренъ, что не придетъ ни къ какимъ результатамъ, и держался своего «позитивизма» главнымъ образомъ потому, что онъ требовалъ меньше притворства и освобождалъ отъ

той торжественности рѣчи, которая ему, въ сознаніи собственнаго ничтожества, была противнѣе всего. И поразительно! Людей постоянно предостерегаютъ противъ скептицизма и пессимизма, ихъ непрерывно убѣждаютъ въ необходимости во что бы то ни стало сохранить вѣру въ идеалы, но ни предостереженія, ни убѣжденія не оказываютъ никакого дѣйствія: насъ всѣхъ влечетъ роковая сила впередъ, къ *неизвѣстности*. Не вправѣ ли мы видѣть въ стихійности этого влеченія залогъ будущаго успѣха и не должно ли, въ силу того, уже теперь искать въ пессимизмѣ и скептицизмѣ не враговъ, а неузнанныхъ друзей?..—Раскольниковъ судилъ правильно: точно существуютъ двѣ морали, одна для обыкновенныхъ, другая для необыкновенныхъ людей или, употребляя болѣе рѣзкую, но зато и болѣе выразительную терминологію Нитше—мораль рабовъ и мораль господъ. Но тутъ является существеннѣйшій вопросъ: каковъ источникъ той и другой морали. На первый взглядъ должно казаться, что рѣшающимъ моментомъ здѣсь окажется складъ характера человѣка; рабы или обыкновенные люди повинуются, господа или необыкновенные люди повелѣваютъ. Соотвѣтственно этому, Нитше и Достоевскій должны быть отнесены ко второму разряду, какъ и Фаустъ. Однако Фаустъ дожилъ до глубокой старости, прежде чѣмъ ему пришло въ голову протестовать противъ «собачьей» жизни, и, если бы не счастливое вмѣшательство Мефистофеля, онъ бы такъ и умеръ въ ореолѣ добродѣтельности. То же можно сказать о Достоевскомъ и Нитше: изъ вагнеровской колеи обыкновенности ихъ выбилъ случай. Если бы не каторга у одного и не ужасная болѣзнь у другого, они бы и не догадались, какъ не догадывается большинство людей.

что они по рукамъ и по ногамъ скованы цѣпями. Они писали бы благонамѣренныя сочиненія, въ которыхъ воспѣвали бы красоту міра и возвышенность покорныхъ необходимости душъ: ихъ первыя сочиненія слишкомъ убѣдительно объ этомъ свидѣтельствуютъ. Болѣе того. Читатель помнитъ, въ какой ужасъ приходилъ Ницше, по его собственному признанію, каждый разъ, когда обстоятельства принуждали его принять новое «познаніе». Онъ хотѣлъ жить по старому, и лишь тогда, когда новое познаніе ножомъ врѣзывалось въ него, когда онъ слышалъ надъ собой грозный голосъ: «познай или погибни»—онъ рѣшался открывать глаза. А Достоевскій? Чего стоитъ одинъ тонъ его «Записокъ изъ подполья»! Сколько терзаній, сколько мукъ слышится подъ тѣми отчаянными рѣчами, съ которыми онъ обращается къ Лизѣ. Да и Фаустъ порядочно понатерпѣлся прежде, чѣмъ вызвать дьявола. Словомъ, всѣ эти «необыкновенные» люди, возставшіе противъ оковъ обязательности законовъ природы и человѣческой морали, возставали не по доброй волѣ: ихъ, точно крѣпостныхъ, состарившихся на господской службѣ, насильно принуждали къ свободѣ. Это не было «возстаніе рабовъ въ морали», какъ учитъ Ницше, а нѣчто такое, чему на человѣческомъ языкѣ нѣтъ словъ. «Характеръ», значитъ, тутъ ни при чемъ, и если существуютъ двѣ морали, то не мораль обыкновенныхъ и необыкновенныхъ людей, *а мораль обыденности и мораль трагедіи:*— эту поправку необходимо внести въ терминологію Достоевскаго и Ницше. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, между прочимъ, и такъ поражающая освѣдомленность Достоевскаго и Ницше относительно тончайшихъ изгибовъ «рабской» души, то, что въ нихъ хва-

лять, какъ психологическую проницательность. Нитше самъ однажды замѣтилъ, что считаетъ особенно счастливымъ для себя обстоятельствомъ, что ему пришлось нѣкоторое время держать сторону своихъ будущихъ враговъ [1]). Такимъ образомъ онъ узналъ всѣ ихъ «тайны» и имѣлъ впослѣдствіи сильное оружіе для борьбы съ ними. Достоевскій не говоритъ этого, но могъ бы, конечно, сказать. И точно, никогда еще психологія «добра» не обнаруживалась съ такой безпощадностью, какъ въ сочиненіяхъ этихъ двухъ писателей. И нужно отдать справедливость Нитше: въ этомъ дѣлѣ онъ иногда оставляетъ за собой своего знаменитаго русскаго собрата. Для Нитше «добро»—синонимъ безсилія, «добрые» же—немощные, но хитрые завистники, рѣшившіеся ни предъ чѣмъ не отступать, чтобъ только выместить на своихъ противникахъ, «злыхъ», несчастіе своей бѣдной и жалкой жизни. Вотъ, для иллюстраціи, небольшой образецъ отношенія Нитше къ «добрымъ»: «...всѣ они люди злобы, физіологически искалѣченные, изъѣденные червями люди; это огромное, дрожащее царство подземной мести, ненасытимое, неистощимое въ вылазкахъ противъ счастливыхъ, а также въ искусствѣ маскировать месть, отыскивать для нея предлоги. Но когда достигнутъ они своего послѣдняго, высочайшаго, величайшаго тріумфа? Несомнѣнно тогда, когда имъ удастся свое несчастье, всякое вообще несчастье взвалить на совѣсть счастливыхъ, такъ что эти послѣдніе въ одинъ прекрасный день начнутъ стыдиться своего счастья и станутъ говорить себѣ: стыдно

[1]) Соч. т. V, 245.

быть счастливымъ, слишкомъ много несчастья на землѣ» [1]).

Вы сразу слышите уже въ этихъ немногихъ словахъ, что имѣете дѣло съ знатокомъ «рабской души». Какъ поставленъ вопросъ: виноваты ли счастливые, удачные, сильные духомъ и тѣломъ въ томъ, что на свѣтѣ такъ много несчастья! И должны ли они принять на себя отвѣтственность за существующее въ мірѣ горе! Въ томъ, что на нихъ пытались и пытаются свалить отвѣтственность, сомнѣнія быть не можетъ; пусть каждый пересмотритъ исторію своихъ дѣлъ съ совѣстью—развѣ лучшіе моменты его жизни не были отравлены сознаніемъ, что стыдно быть счастливымъ, когда кругомъ гибнетъ столько ближнихъ? Что касается самого Нитше, то, повидимому, въ этомъ отношеніи онъ можетъ похвалиться особенно интереснымъ прошлымъ: «моему милосердію, говоритъ Заратустра, вы посылали навстрѣчу наглыхъ нищихъ; о моемъ состраданіи молили меня неизлѣчимо безстыдные. Такъ убивали вы вѣру моихъ добродѣтелей» [2]). Но и не въ этомъ еще дѣло. Для Нитше, когда онъ писалъ «Заратустру» и «Къ генеалогіи морали», вопросъ о наглыхъ нищихъ и неизлѣчимо безстыдныхъ людяхъ, какъ и всѣ очень далекія воспоминанія, отошелъ на задній планъ и давно уже не безпокоилъ его. Пожалуй и счастье счастливыхъ интересовало его только теоретически, какъ аргументъ: моралисты донимаютъ насъ картинами человѣческаго горя — отчего же не противопоставить имъ иныхъ картинъ, отчего бы не показать имъ, какъ «несчастные» ближніе, подобно заразѣ, отравляютъ

[1]) Соч. т. VII. стр. 435.
[2]) Соч. т. VI. Das Grablied.

существованіе тѣхъ, кто еще сохранилъ физическую и душевную крѣпость? Мнѣ жаль, что мѣсто не позволяетъ мнѣ привести здѣсь одну или двѣ главы изъ нитшевской статьи «Къ генеалогіи морали». Русскому читателю, воспитанному на проповѣдяхъ Достоевскаго и гр. Толстого, не мѣшало бы хоть разъ убѣдиться въ томъ, что сила краснорѣчія, страстность тона, искренность могутъ быть направлены не только въ защиту того, что̀ у насъ по традиціи принято называть «правдой»; что можно также пророчески вдохновиться дѣломъ «зла», какъ и дѣломъ «добра». Если вы сравните надѣлавшую столько шуму толстовскую статью по поводу переписи въ Москвѣ съ статьей Нитше, о которой идетъ здѣсь рѣчь, то вамъ придется признать, что убѣдительности, паѳоса и, наконецъ, негодованія, законнаго и справедливаго, не меньше у Нитше, чѣмъ у гр. Толстого. Но если можно одинаково «негодовать» въ защиту сильныхъ противъ слабыхъ и слабыхъ противъ сильныхъ, то гдѣ же, наконецъ, истина? Кто правъ, гр. Толстой или Нитше? Или негодованіе, паѳосъ, страстность сами по себѣ ничего не значатъ и нисколько не обезпечиваютъ правоты дѣла, за которое они стоятъ? А то, пожалуй, сильные или слабые, добро или зло, правота или неправда — все это только предлогъ, и патетическіе проповѣдники имѣютъ совсѣмъ иныя цѣли и заботы? Насъ столько донимали проповѣдями, что пора, наконецъ, поставить такой вопросъ. И точно, съ какой стати проповѣдники обращаются со своимъ негодованіемъ къ намъ? Почему гр. Толстой или Достоевскій говорятъ намъ о бѣдствіяхъ человѣчества? Не естественно ли, наконецъ, намъ, въ свою очередь, обратиться со всѣми этими вопросами къ нимъ? Пусть

гр. Толстой, до сихъ поръ еще продолжающій доказывать, что стыдно быть счастливымъ, когда на свѣтѣ столько несчастья, объяснитъ намъ, въ чемъ источникъ его собственнаго душевнаго мира, и почему ему не стыдно вести спокойную и радостную (любимое его слово) жизнь, когда вокругъ него столько горя! Къ Нитше мы могли бы обратиться съ тѣмъ же вопросомъ, только внѣшне иначе формулированнымъ. Мы бы ему сказали, что прежде, чѣмъ упрекать несчастныхъ за ихъ существованіе, нужно быть самому счастливымъ, и прежде чѣмъ требовать, чтобъ сохранялись только сильные духомъ и здоровые тѣломъ, нужно быть самому сильнымъ духомъ и тѣломъ. И вотъ при этихъ вопросахъ выяснилось бы, какъ важно при чтеніи книгъ справляться съ біографіями ихъ авторовъ, т.-е. узнавать, какъ «рождаются» убѣжденія. Нитше, до 30 лѣтъ исполнявшій жалкую роль прислужника Вагнера (трудно повторить — но нужно было бы сказать — литературнаго лакея Вагнера), отъ 30 до 44 лѣтъ мучившійся тяжелыми и отвратительными припадками неизлѣчимой болѣзни, и отъ 44 лѣтъ до смерти, т.-е. почти 11 лѣтъ проведшій въ полубезсознательномъ состояніи, выступаетъ съ проповѣдью противъ несчастныхъ и больныхъ, т.-е. физіологически искалѣченныхъ! И одновременно противъ ихъ защитниковъ «добрыхъ и справедливыхъ»! Вѣдь эта психологическая загадка стоитъ того, чтобъ надъ ней подумать! Напомню кстати, что въ этомъ пунктѣ, какъ и во многихъ другихъ, «убѣжденія» Нитше удивительно похожи на убѣжденія Достоевскаго. И Достоевскій ненавидѣлъ «добрыхъ и справедливыхъ», какъ уже было въ своемъ мѣстѣ указано: они воплощались для него въ лицѣ либераловъ и прогрессистовъ

всѣхъ оттѣнковъ. Знаменитое, истинно прочувствованное и поэтическое стихотвореніе Некрасова «На Волгѣ», которымъ въ 70-хъ годахъ зачитывались не только представители «мыслящаго пролетаріата», но почти вся русская интеллигенція, Достоевскій позволилъ себѣ назвать «кривляньемъ». Кривлянье, говоритъ Достоевскій, а между тѣмъ читатели Некрасова плакали искренними, чистыми слезами надъ его поэзіей вообще и надъ стихотвореніемъ «На Волгѣ» въ частности! Но вотъ эти-то слезы сочувствія, какъ и вызывающую сострадание поэзію, Достоевскій и Нитше ненавидѣли больше всего въ мірѣ. Взглядъ или, если хотите, «вкусъ» истинныхъ каторжниковъ, подпольныхъ людей, людей трагедіи. У нихъ уже давно нѣтъ слезъ и они знаютъ, что слезы не помогаютъ, а состраданіе — безплодно. Но вѣдь и многое другое не помогаетъ, не только слезы и состраданіе — отчего же такая ненависть къ состраданію? Но вѣдь «злые» тоже не въ силахъ измѣнить участь безнадежно осужденнаго — отчего же такое отвращеніе къ «добрымъ и справедливымъ»? Не оттого же только, что добрые и справедливые плохо научили Нитше и Достоевскаго, преподавши имъ теорію самоотреченія. Ошибку можно простить, тѣмъ болѣе ошибку добросовѣстную, хотя бы за нее и дорого пришлось расплатиться. Бѣлинскій искренно считалъ свое ученіе единственно истиннымъ и самъ много имъ мучился. И учителя Нитше тоже не задавались цѣлью вводить въ обманъ своихъ учениковъ.

Но Нитше и Достоевскій съ прошлымъ уже давно примирились. Они борются теперь за будущее. А состраданіе добрыхъ и справедливыхъ отнимаетъ у нихъ послѣднюю надежду. Вы помните, Достоевскій, когда

былъ арестантомъ, принялъ милостыню отъ дѣвочки и долго съ любовью хранилъ поданный ему грошикъ. Можетъ быть и Нитше пришлось во время своихъ скитаній съ благодарностью принять слово любви и участія отъ ребенка или простого человѣка, далекаго отъ нашихъ понятій о добрѣ и злѣ. Онъ отвергаетъ любовь къ ближнему и состраданіе, поднявшіяся до высоты послѣдняго принципа, ставшія теоріей, притязающія на божественныя права. Онъ знаетъ, что современные интеллигентные люди подадутъ ему не грошикъ, а сотни, даже тысячи, что его одѣнутъ, согрѣютъ, накормятъ, пріютятъ; что за нимъ будутъ ходить, какъ за роднымъ, когда онъ заболѣетъ. Но онъ знаетъ, что заботы ему не даромъ, не безкорыстно будутъ расточены, что въ послѣднемъ счетѣ отъ него потребуютъ — не благодарности, — мы теперь выше благодарности, а признанія, что послѣ того, какъ ему было оказано столько вниманія и любви, онъ обязанъ чувствовать себя въ глубинѣ души вполнѣ удовлетвореннымъ, какъ бы ни было тяжело его положеніе. Въ любви къ себѣ ближнихъ онъ долженъ видѣть осуществленіе высшаго идеала, т.-е. перваго и послѣдняго требованія, которое можетъ быть предъявлено человѣкомъ къ жизни. Это-то возведенное въ идеалъ состраданіе, какъ и его жрецы, возбуждаютъ въ Нитше все негодованіе, на какое только онъ способенъ. Онъ видитъ, что у него хотятъ купить права первородства за чечевичную похлебку. И хотя онъ самъ почти не вѣритъ въ эти права, но торга онъ не приметъ. Онъ съ презрѣніемъ и ужасомъ отвергаетъ предлагаемые ему дары, чтобъ только не отказаться отъ возможной борьбы.

XXVIII.

Все это выясняетъ, зачѣмъ была нужна Нитше его подпольная работа и какая надежда давала ему силы такъ долго выносить отсутствіе свѣта и воздуха. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что современное міровоззрѣніе и принятая мораль, хотя они и опираются на такъ называемыя незыблемыя научныя данныя, сильны только человѣческимъ легковѣріемъ и человѣческой слабостью. Онъ самъ былъ «несчастнымъ» и видѣлъ, что состраданіе, единственное цѣлебное средство, которымъ располагаетъ мораль, ужаснѣе, нежели полное равнодушіе. «Развѣ состраданіе, говоритъ Заратустра, не есть крестъ, на которомъ распинаютъ того, кто любитъ людей?» Сострадать человѣку значитъ признать, что больше ему ничѣмъ нельзя помочь. Но отчего не сказать этого открыто, отчего не повторить вслѣдъ за Нитше: у безнадежно больного не должно желать быть врачемъ? Ради какихъ цѣлей утаивается истина? Для Нитше ясно, что «добрые» сострадаютъ несчастнымъ лишь затѣмъ, чтобы не думать объ ихъ судьбѣ, чтобъ не искать, чтобъ не бороться: «Я понимаю теперь ясно, чего искали когда-то прежде всего, когда искали учителей добродѣтели. Искали крѣпкаго сна и снотворныхъ добродѣтелей. Для всѣхъ этихъ хваленыхъ мудрецовъ и учителей—мудростью считался сонъ безъ сновидѣній: они не знали лучшаго смысла жизни» [1]). И, конечно, Нитше прошелъ бы спокойно мимо дремлющихъ людей и ихъ снотворныхъ добродѣтелей, если бы они его оставили въ покоѣ. Но мы помнимъ, какимъ ужаснымъ

[1]) Соч. т. VI, Von den Lehrstühlen der Tugend.

пыткамъ предавала его мораль. Въ то время, когда, говоря языкомъ Достоевскаго, законы природы, т.-е. болѣзнь, лишили Нитше сна и покоя, законы человѣческіе, словно въ насмѣшку, требовали отъ него спокойствія и сна и грозили, по своему обыкновенію, анаѳемой въ случаѣ неисполненія требованія. «Мудрость» предлагала ему свои снотворныя добродѣтели и обижалась, когда онѣ оказывались лишенными всякой цѣлебной силы. Вмѣсто того, чтобъ помочь страждущему, она требовала себѣ похвалъ и гимновъ. Это ея обычная манера. Оттого у Достоевскаго, какъ мы видѣли, Иванъ Карамазовъ возмутился противъ «чортова добра и зла», такъ безцеремонно дерзающаго требовать себѣ человѣческихъ жертвъ. За Достоевскимъ почти то же, что̀ сказалъ Иванъ Карамазовъ, повторилъ и Нитше: «о, братья мои, говоритъ Заратустра, кто грозитъ величайшей опасностью человѣческому будущему? Развѣ это не добрые и справедливые, которые говорятъ и чувствуютъ въ своемъ сердцѣ: «мы знаемъ уже, что̀ такое добро и справедливость, мы уже имѣемъ ихъ: горе тѣмъ, которые здѣсь ищутъ». И какой бы вредъ ни принесли злые, вредъ добрыхъ — самый вредный вредъ. И какой бы вредъ ни принесли клевещущіе на міръ — вредъ добрыхъ самый вредный вредъ. О, братья мои! Нѣкто взглянулъ однажды въ ихъ сердце и сказалъ: они — фарисеи. Но его не поняли. Добрые и справедливые и не должны были понять его: ихъ духъ плѣненъ ихъ чистой совѣстью. Глупость добрыхъ бездонно умна. Но истина въ томъ: добрые должны быть фарисеями — у нихъ нѣтъ выбора. Они должны распинать того, кто ищетъ собственной добродѣтели»[1].

[1] Соч. т. VI. Von alten und neuen Tafeln.

Бѣдные, «добрые и справедливые»! Могли ли они, такъ глубоко вѣровавшіе въ непогрѣшимость своей истины, думать, что ихъ ждетъ такое страшное обвиненіе. А между тѣмъ ему уже двѣ тысячи лѣтъ. Уже двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, Нѣкто, взглянувъ въ ихъ сердца, сказалъ — они фарисеи. Его не поняли, это правда. Его не понимаютъ и теперь и, кто знаетъ? можетъ быть никогда «всѣ» не поймутъ, ибо, говоря его же словами, люди не вѣдаютъ, что творятъ. Можетъ быть тѣ, которые не понимаютъ, и не должны понимать. Зачѣмъ только говорятъ они: горе тѣмъ, которые здѣсь ищутъ? Зачѣмъ они обращаютъ свою грубую силу противъ Достоевскихъ и Нитше? Или и это «нужно»? Но Нитше и Достоевскій уже не считаются съ нуждами добрыхъ и справедливыхъ (Миллей и Кантовъ). Они поняли, что человѣческое будущее, если только у человѣчества есть будущее, покоится не на тѣхъ, которые теперь торжествуютъ въ убѣжденіи, что у нихъ есть уже и добро и справедливость, а на тѣхъ, которые, не зная ни сна, ни покоя, ни радостей, борются и ищутъ, и, покидая старые идеалы, идутъ на встрѣчу новой дѣйствительности, какъ бы ужасна и отвратительна она ни была. — Нужно здѣсь замѣтить, что въ общемъ ученіе Нитше было неправильно истолковано. Привыкшій къ моралистическимъ перспективамъ, современный умъ во всемъ, что говорилъ Нитше, искалъ лишь слѣдовъ новаго моралистическаго ученія. Нитше отчасти и самъ подалъ къ этому поводъ. Какъ и всякій почти писатель, т.-е. человѣкъ, говорящій къ людямъ, онъ поневолѣ до нѣкоторой степени приспособлялся къ своей аудиторіи и предоставлялъ въ своихъ сужденіяхъ не только совѣщательный, но иногда и рѣ-

нающій голосъ публикѣ. Такъ дѣлалъ и Достоевскій, который чувствовалъ себя, какъ мы видѣли, еще болѣе связаннымъ «духомъ времени», чѣмъ Нитше. Слушатели же чутко и жадно подмѣчали и вылавливали изъ словъ учителей «свое», знакомое, понятное — и объ остальномъ нисколько не заботились. У Достоевскаго и у Нитше нашли мораль — кто новую, кто старую. Быть можетъ, будущія поколѣнія такъ же спокойно станутъ читать ихъ, какъ теперь читаютъ Гете. Понемногу истолковывающая критика приспособитъ Заратустру и Раскольникова къ нуждамъ «добрыхъ и справедливыхъ», убѣдивши ихъ, что Нитше и Достоевскій боролись съ отвлеченными или уже исчезнувшими навсегда фарисеями, а не съ той всегда существующей обыденностью (позитивизмомъ и идеализмомъ), которая является самымъ опаснымъ и неумолимымъ врагомъ людей трагедіи. Нитше говорилъ, что когда онъ бываетъ на людяхъ — онъ думаетъ, какъ всѣ, и потому, главнымъ образомъ, искалъ уединенія, что только наединѣ съ собой чувствовалъ свою мысль свободной. Этимъ и страшна обыденность: она гипнотизируетъ милліонами своихъ глазъ и властно покоряетъ себѣ одинокаго мыслителя. И въ одиночествѣ трудно жить! Нитше съ горькой насмѣшкой замѣчаетъ: «въ одиночествѣ ты самъ пожираешь себя; на людяхъ — тебя пожираютъ многіе: теперь — выбирай!» [1]). Но въ концѣ концовъ, приходится выбирать одиночество; все же оно лучше, чѣмъ «оставленность», т.-е. сознаніе, что среди огромнаго множества людей ты всѣмъ чуждъ: «о, одиночество, говоритъ Заратустра, о, моя отчизна, одино-

[1]) Соч. т. III, стр. 168.

чество! Слишкомъ долго жилъ я дико на дикой чужбинѣ и теперь со слезами возвращаюсь къ тебѣ. Теперь грози мнѣ пальцемъ, какъ грозятъ матери, теперь улыбнись мнѣ, какъ улыбаются матери и скажи: «а кто когда-то, подобно бурѣ, умчался отъ меня? Кто, уходя, восклицалъ: слишкомъ долго жилъ я въ одиночествѣ и разучился молчать? Теперь ты научился этому? О, Заратустра, я все знаю: я знаю, что межъ многими ты былъ болѣе оставленнымъ, ты, одинокій, чѣмъ у меня. Одно дѣло оставленность, другое одиночество. Теперь ты узналъ это?» [1]). Читатель видитъ теперь, въ чемъ задача Нитше: онъ беретъ на себя дѣло оставленнаго, забытаго добромъ, наукой и философіей человѣка. Надѣюсь, теперь понятно, почему «альтруизмъ» не привлекалъ Нитше: среди оставленныхъ людей старинный споръ межъ альтруизмомъ и эгоизмомъ не существуетъ. Болѣе того, оба они дивятся, что могли когда-то враждовать межъ собой и почти не вѣрятъ, что это было дѣйствительностью, что это продолжаетъ и по сю пору быть дѣйствительностью. Да какъ повѣрить этому, когда оба они, и альтруизмъ, и эгоизмъ, принуждены валяться въ пыли и, грызя землю, безсмысленно восклицать, обращаясь къ современному богу-чудовищу необходимости или «естественному развитію» — «не намъ не намъ, а имени твоему». Имени естественнаго развитія! Имени необходимости! Развѣ предъ лицомъ этихъ безсильныхъ боговъ альтруизмъ значитъ больше, чѣмъ эгоизмъ, даже преступленіе? Здѣсь всѣ различія, установленныя человѣкомъ, стираются, сглаживаются, уничтожаются навѣки

[1]) Соч. т. VI. Die Heimkehr.

вѣчные. Если эгоизмъ ничего не значитъ, если нужно отречься отъ себя, то нужно уже заодно отречься и отъ ближняго и отъ всего, что̀ дорого людямъ. И, наоборотъ, если можно намъ безбоязненно взглянуть въ лицо естественности, то отдѣльный человѣкъ долженъ быть такъ же охраненъ противъ «необходимости», какъ и цѣлый міръ. Выбора нѣтъ и быть не можетъ, хотя обыденность, принявшая мораль приспособленія, отказавшаяся отъ борьбы, принципіально утверждаетъ и проводитъ въ жизнь противоположное воззрѣніе и всѣми силами стремится принудить всѣхъ людей принять свои принципы, которые она устами «добрыхъ и справедливыхъ», съ одной стороны, и ихъ постоянныхъ кліентовъ, всякаго рода обездоленныхъ и несчастныхъ, съ другой, возводитъ въ высшіе законы нравственности и называетъ идеалами. Потому-то людямъ трагедіи, «оставленнымъ», приходится вести двоякую борьбу: и съ «необходимостью», и со своими ближними, которые еще могутъ приспособляться, и потому, не вѣдая, что̀ творятъ, держатъ сторону самаго страшнаго врага человѣчества. Отсюда и двухчленная формула Нитше: «нѣтъ ничего истиннаго, все дозволено». Первая часть ея направлена противъ необходимости и естественнаго развитія. Вторая — противъ людей, сознательно или безсознательно становящихся на защиту «законовъ природы», которые такъ оскорбляли Достоевскаго. Нитше же не только не стремится устранить изъ жизни все загадочное, таинственное, трудное и мучительное, но ищетъ всего этого. Въ законахъ природы, въ порядкѣ, въ наукѣ, въ позитивизмѣ и идеализмѣ — залогъ несчастья, въ ужасахъ жизни — залогъ будущаго. Вотъ основа философіи трагедіи: къ этому приводятъ скепти-

цизмъ и пессимизмъ, которыхъ, когда-то, такъ испугался Кантъ и отъ которыхъ до сихъ поръ люди, каждый на свой ладъ, открещиваются, какъ отъ опаснѣйшихъ чудовищъ...

Нитше ставили въ вину его ненависть къ слабымъ и обездоленнымъ, и его аристократическую мораль. Я уже замѣтилъ, что всякаго рода мораль, и аристократическая и демократическая — была Нитше чужда. Его задача лежитъ «по ту сторону добра и зла». Онъ, какъ и Карамазовъ, не принимаетъ моралистическаго истолкованія и оправданія жизни. Но въ ненависти къ «слабымъ» онъ повиненъ, они ему были такъ же противны, какъ и ихъ постоянные защитники, «добрые и справедливые». Не своимъ несчастьемъ, не своими неудачами, а готовностью принять «состраданіе», которое имъ предлагаютъ въ утѣшеніе. Они вошли въ заговоръ противъ жизни, чтобъ забыть о своихъ несчастьяхъ — это Нитше считаетъ страшнѣйшимъ изъ преступленій, измѣной великому дѣлу и этого онъ никогда и никому не прощалъ. Все его ученіе, вся жизненная задача сводилась къ борьбѣ. Не естественно ли было ему ненавидѣть тѣхъ, которые своею уступчивостью и трусостью не только усиливаютъ ряды и безъ того безчисленныхъ противниковъ, но смущаютъ немногихъ еще не потерявшихъ мужества бойцовъ? Любопытно, что учитель Нитше, Шопенгауеръ, мало цѣнилъ мужество, не понимая даже, для какой цѣли можетъ оно понадобиться въ жизни; «мужество, писалъ онъ, есть, собственно говоря, весьма второстепенная, просто унтеръ-офицерская добродѣтель, въ которой насъ даже превосходятъ животныя, почему, напримѣръ, говорятъ, мужественъ, какъ левъ». И конечно, Шопенгауеръ

имѣлъ свои основанія такъ разсуждать: чтобъ писать книги съ пессимистическимъ направленіемъ, но съ оптимистической вѣрой, мужества не нужно. Въ такихъ дѣлахъ остроуміе, умѣнье подыскать красивое сравненіе или мѣткій эпитетъ, діалектическая изворотливость ума кажутся несравненно болѣе высокими качествами. Какъ странно должны были звучать для Нитше приведенныя слова Шопенгауера, если только ему приходилось вспоминать о нихъ. «Искусство для искусства», въ философіи ли, въ поэзіи ли, давно уже перестало соблазнять его: «борьба противъ цѣли въ искусствѣ, пишетъ онъ, всегда была лишь борьбой противъ морализирующей тенденціи, противъ подчиненія искусства морали. L'art pour l'art значитъ — къ чорту мораль! Но это не значитъ еще, что искусство вообще безцѣльно, безсмысленно, короче l'art pour l'art — червякъ, кусающій свой хвостъ... Что передаетъ намъ трагическій художникъ, если не безбоязненное состояніе предъ изображенными имъ ужасами и загадками?.. Предъ лицомъ трагедіи борецъ въ нашей душѣ празднуетъ свои сатурналіи; кто привыкъ къ страданію, кто ищетъ страданія — героическій человѣкъ поетъ, вмѣстѣ съ трагедіей, хвалу существованію и ему одному подноситъ трагикъ напитокъ этой сладчайшей жестокости» [1]). Видно, не однимъ унтеръ-офицерамъ нужно мужество, и человѣку приходится подчасъ завидовать качествамъ животныхъ! «Есть ли у васъ мужество, о, мои братья? спрашиваетъ Заратустра. Есть ли у васъ смѣлость? Не мужество передъ свидѣтелями, а мужество пустынниковъ и орловъ, которыхъ даже и боги не

[1]) Соч. т. VIII, стр. 135.

видятъ? Кто глядитъ въ пропасть, но глазами орла, кто схватываетъ пропасть — когтями орла, у того есть мужество». Постоянными спутниками Заратустры были орелъ и змѣя: у нихъ онъ учился парить въ облакахъ и ползать по землѣ, смѣло глядѣть на солнце и не отрываться отъ земли. Сколько разъ былъ онъ на волосокъ отъ гибели, какъ часто овладѣвало имъ отчаяніе отъ сознанія, что взятая имъ на себя задача невыполнима, что трагедія въ концѣ концовъ должна уступить обыденности! Рѣчи Заратустры носятъ на себѣ ясные слѣды этой борьбы надежды съ безнадежностью. Но Нитше въ концѣ концовъ все же добился своего. Онъ осмѣлился не только поставить вопросъ подпольнаго человѣка, но и дать на него отвѣтъ. «Великія эпохи нашей жизни, говоритъ онъ, начинаются тогда, когда мы пріобрѣтаемъ смѣлость переименовать въ добро то, что мы въ себѣ считали зломъ» [1]). Это значитъ, что Нитше рѣшается видѣть въ своемъ «эгоизмѣ», который онъ когда-то называлъ «змѣинымъ жаломъ» и котораго такъ боялся, уже не позорящее, а возвышающее свойство. Еще рѣзче и полнѣе та же мысль выражается въ другомъ афоризмѣ: «рискуя оскорбить невинный слухъ, я устанавливаю слѣдующее положеніе: эгоизмъ лежитъ въ основѣ всякой аристократической души—я имѣю въ виду непоколебимую вѣру, что существамъ, какъ мы, всѣ другія существа, по самой природѣ вещей, должны быть подчинены и приносимы въ жертву. Аристократъ принимаетъ этотъ фактъ своего эгоизма, какъ нѣчто не требующее никакихъ разъясненій, не видя въ немъ ни жестокости,

[1]) Соч. т. VII, 100.

ни насилія, ни произвола, скорѣй, какъ нѣчто обусловленное міровыми законами; если бы потребовалось найти для него названіе, онъ бы сказалъ: это сама справедливость».

Поскольку эти слова относятся къ самому Нитше (т.-е. поскольку они могутъ имѣть интересъ), тутъ есть небольшая неточность. Свой эгоизмъ онъ не принималъ, какъ фактъ, не требующій объясненія. И вообще «эгоизмъ», какъ мы помнимъ, очень и очень смущалъ Нитше—казался ему тривіальнымъ, отвратительнымъ. Такъ что, въ виду этого, слово «аристократъ» слѣдуетъ замѣнить другимъ, менѣе красивымъ словомъ «подпольный человѣкъ», тѣмъ болѣе, что все, что Нитше говорилъ объ аристократизмѣ, имѣло къ нему лично лишь посредственное отношеніе. Онъ самъ былъ только «подпольнымъ человѣкомъ», какъ читатель, вѣроятно, уже давно убѣдился. Къ аристократамъ, счастливымъ, удачникамъ, побѣдителямъ онъ присталъ лишь по постороннимъ соображеніямъ, которыя вполнѣ объясняются слѣдующимъ его признаніемъ: «великое преимущество аристократическаго происхожденія въ томъ, что оно даетъ силы лучше выносить бѣдность» [1]. Нитше казалось, что его *бѣдность* будетъ меньше замѣтна подъ аристократическими манерами.

Въ этомъ есть доля истины. Но бѣдность остается бѣдностью, несмотря ни на какія манеры. И эгоизмъ, о которомъ говоритъ Нитше, былъ эгоизмъ не аристократа, спокойно и увѣренно принимающаго жертвы, а эгоизмъ бѣдняка, нищаго, возмущеннаго и оскорбленнаго тѣмъ, что даже и жертвами его брезгаютъ.

[1]) Соч. т. IV. 193.

Въ томъ и вся громадная заслуга Нитше, что онъ умѣлъ предъ лицомъ всего міра отстоять «эгоизмъ» бѣдности, не той бѣдности, съ которой борются общественными реформами, а той, для которой и въ благоустроеннѣйшемъ государствѣ будущаго не найдется ничего, кромѣ состраданія, добродѣтелей и идеаловъ. Вѣдь въ государствѣ будущаго такъ же нѣтъ мѣста для трагическихъ людей, какъ и въ государствахъ современныхъ, и такъ называемая буржуазная мораль тамъ будетъ лишь настолько измѣнена, насколько это нужно для «счастья большинства». Для людей же, въ родѣ Достоевскаго и Нитше, она будетъ цѣликомъ сохранена, имъ попрежнему достанутся въ удѣлъ прославленные аскетическіе идеалы и то «прекрасное и высокое», которое такъ надавило за тридцать лѣтъ затылокъ подпольному человѣку. Но Нитше добродѣтелей и аскетизма не хочетъ и въ мораль самоотреченія не вѣритъ. Недаромъ онъ столько времени выслѣживалъ «психологію» проповѣдниковъ нравственности. Онъ знаетъ уже, что всѣ пышныя слова о самоотреченіи были притворствомъ въ устахъ моралистовъ и философовъ. «Что общаго, замѣчаетъ онъ, у такихъ людей съ добродѣтелью!» Подъ добродѣтелью они обыкновенно разумѣютъ тѣ жизненныя правила, которыя обезпечиваютъ имъ наибольшій успѣхъ въ ихъ дѣлѣ. «Философу, въ виду аскетическаго идеала, говоритъ Нитше, улыбается optimum условій высшей и смѣлой отвлеченной мысли; аскетическимъ идеаломъ онъ не отрицаетъ существованія; наоборотъ, имъ онъ утверждаетъ *свое* существованіе и *только* свое существованіе, и это, по всей вѣроятности, въ такой степени, что онъ не далекъ отъ дерзновенной мысли — pereat

mundus, fiat philosophia, fiat philosophus, fiam» [1])... Послѣднія слова представляютъ почти буквальный переводъ знаменитой фразы бѣднаго героя изъ подполья: «свѣту-ли провалиться иль мнѣ чаю не пить? Я скажу, что свѣту провалиться, а чтобъ мнѣ чай пить» Могъ ли онъ когда-нибудь думать, что брошенная имъ въ порывѣ злобы и ослѣпленія несчастной проституткѣ фраза будетъ переведена знаменитымъ философомъ на языкъ Цицерона и Горація и предложена какъ формула, опредѣляющая собою сущность *высшихъ* человѣческихъ стремленій? Если бы Достоевскій могъ предвидѣть, что его маленькаго героя ждетъ такая великая слава, онъ бы, пожалуй, опустилъ примѣчаніе къ «Запискамъ изъ подполья ...

XXIX.

Итакъ, pereat mundus, fiam, пусть весь міръ погибнетъ, подпольный человѣкъ не откажется отъ своихъ правъ и не промѣняетъ ихъ на «идеалы» состраданія и всѣ прочія блага въ томъ-же родѣ, спеціально для него уготовленныя современной философіей и моралью. Для Достоевскаго это было страшной истиной, которую онъ съ ужасомъ и стыдомъ рѣшался высказывать отъ имени героевъ своихъ романовъ. У Нитше это новая и величайшая «декларація правъ», ради которой и была имъ предпринята вся подземная работа. Отсюда и жестокость Нитше. Онъ стремится *избавить* себя и людей отъ «страданій». Въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, онъ далеко ушелъ отъ учителя своей молодости, Шопенгауера. Послѣдній, какъ

[1]) Соч. т. VII, 143.

извѣстно, училъ людей искать въ жизни покоя. «Никогда не слѣдуетъ, писалъ онъ, покупать наслажденія цѣною страданій, ни даже хотя бы рискомъ страданія, такъ какъ при этомъ за негативное, стало быть, за призрачное, платишь положительною, реальною цѣною. Напротивъ, въ барышѣ остается всегда тотъ, кто жертвуетъ наслажденіемъ, чтобъ уйти отъ страданія.

Эти слова чрезвычайно характерны для философіи Шопенгауера и для всякой философіи вообще. Мудрость оффиціальныхъ мудрецовъ всегда смотрѣла на страданіе, какъ на нѣчто нелѣпое, безсмысленное, ненужное, по самой своей сущности, чего слѣдуетъ во что бы то ни стало избѣгать. И такъ называемая житейская мудрость, поскольку она выражалась въ словахъ, всегда точно такъ же относилась къ страданію. Большинство народныхъ поговорокъ рекомендуютъ умѣренность и аккуратность, какъ высшія добродѣтели, наилучше обезпечивающія человѣку счастливое и спокойное существованіе. Не гонись за журавлемъ въ небѣ, а бери синицу—только въ руки. А между тѣмъ человѣческая жизнь, руководимая не поговорками и изреченіями мудрецовъ, а такая, какой она была во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, представляется именно вѣчной, неустанной погоней за недающимся въ руки счастьемъ, этимъ журавлемъ въ небѣ, отъ котораго насъ такъ предостерегали всегда моралисты. Отъ синицъ съ отвращеніемъ бѣгутъ, хотя ихъ насильно почти суютъ всѣмъ въ руки. Генрихъ IV мечталъ о томъ, чтобы у каждаго поселянина была по воскресеньямъ къ обѣду курица. Если бы и поселяне видѣли въ курицѣ свой идеалъ и стремились только къ спокойной и тихой жизни, жертвуя, какъ учатъ

Шопенгауеръ и поговорки, «наслажденіемъ», только бы не страдать, можетъ быть исторія человѣчества была бы менѣе ужасна. Но поселяне, какъ и ихъ правители, иначе смотрѣли на жизнь и никогда не ставили своимъ идеаломъ безболѣзненное существованіе. Наоборотъ, человѣкъ такой, какимъ его создала природа, за мгновеніе счастья, за призракъ счастья, готовъ принять цѣлые годы страданія и великаго несчастья. Въ такихъ случаяхъ онъ забываетъ всякіе разсчеты, всякій счетъ и идетъ впередъ, къ неизвѣстности, часто на вѣрную гибель. Гдѣ правда, въ словесной ли мудрости или въ дѣйствительности? Точно ли нужно такъ бояться неизвѣстности, страданія и гибели, какъ привыкли думать мы, учившіеся люди, черпающіе свои сужденія изъ вѣками накопленныхъ книгъ, или простой человѣкъ, не разучившійся довѣрять своимъ непосредственнымъ побужденіямъ, знаетъ больше, чѣмъ ученѣйшіе философы? Съ точки зрѣнія современной положительной науки тутъ, конечно, и вопроса не можетъ быть. Но Достоевскій, побывавшій въ каторгѣ, узналъ отъ своихъ товарищей по заключенію, т.-е. у людей, которыхъ безстрашіе передъ страданіемъ привело въ мертвый домъ, иную истину. Изъ каторги онъ вынесъ «убѣжденіе», что задача человѣка не въ томъ, чтобъ плакать надъ Макаромъ Дѣвушкинымъ и мечтать о такомъ будущемъ, когда никто никого уже не будетъ обижать, а всѣ устроятся спокойно, радостно и пріятно, а въ томъ, чтобъ умѣть принять дѣйствительность со всѣми ея ужасами. Не хотѣлось, о, какъ не хотѣлось ему принимать эту каторжную истину! Онъ думалъ сперва, что отдѣлается отъ нея платоническимъ уваженіемъ и снова заживетъ по старому! Но не человѣкъ гоняется

за истиной, какъ полагалъ Шопенгауеръ, а истина за человѣкомъ. Каторжная мудрость нагнала Достоевскаго черезъ много лѣтъ, когда онъ уже жилъ далеко отъ Сибири, въ Петербургѣ, среди окружавшихъ его положительныхъ мыслителей, и заставила его признать себя, служить себѣ. «Русскій народъ любитъ страданія» — это не былъ парадоксъ, какъ думали противники Достоевскаго, – это была истина, только истина изъ другого міра, о которомъ пишущіе люди забыли, о которомъ вспоминали лишь затѣмъ, чтобъ съ сверкающими отъ негодованія глазами сказать; его не должно быть. Не должно быть, когда онъ есть! Достоевскій отвѣчалъ на это: любите не воображаемый, осчастливленный, а несчастный, безобразный, отвратительный народъ. Живите его жизнью. Можете вы это, хотите вы этого? Ваша же помощь, всѣ ваши реформаторскія затѣи — самое послѣднее дѣло. И въ этомъ увидѣли парадоксъ — тѣ «добрые и справедливые», которые пророчески вдохновлялись общественными идеалами и будущимъ человѣческимъ счастьемъ...

Теперь вслѣдъ за Достоевскимъ является Нитше. И онъ пришелъ изъ каторги — изъ подземнаго міра, изъ области трагедіи, откуда нѣтъ уже возврата въ міръ обыденности. Послушайте его — онъ доскажетъ то, чего не успѣлъ, а можетъ быть и не умѣлъ объяснить Достоевскій: «Я же радуюсь, говоритъ Заратустра, великому грѣху, какъ моему великому утѣшенію. Но это сказано не для длинныхъ ушей. Не всякія уста имѣютъ право на это слово. Это тонкія, дальнія вещи. И бараньимъ копытомъ ихъ не должно касаться. Вы, высшіе люди! Думаете ли вы, что я пришелъ сюда затѣмъ, чтобы исправить то, что

вы испортили? Или чтобъ удобнѣе постелить страждущимъ? Или вамъ, потерявшимъ путь, заблудившимся, указать легчайшую дорогу? Нѣтъ, нѣтъ, трижды нѣтъ! Все чаще и чаще лучшіе изъ васъ будутъ гибнуть, ибо вамъ будетъ все труднѣе и труднѣе. Необходимая оговорка: «не всякія уста имѣютъ право на эти слова.» Надземные люди думаютъ и должны думать (для нихъ есть и обязательна мораль должнаго и недолжнаго) иначе. Но Достоевскій и Нитше говорили и вправѣ были говорить отъ имени подземныхъ людей — этого, конечно, никто оспаривать не станетъ, даже среди тѣхъ, которые не хотятъ считаться съ ихъ воззрѣніями. Впрочемъ, если и станутъ оспаривать — бѣды большой въ этомъ не будетъ. Философія трагедіи далека отъ того, чтобъ искать популярности, успѣха. Она борется не съ общественнымъ мнѣніемъ; ея настоящій врагъ — «законы природы», людскія же сужденія ей страшны лишь настолько, насколько своимъ существованіемъ они подтверждаютъ вѣчность и неизмѣнность законовъ. Какъ бы ни былъ смѣлъ одинокій мыслитель, отъ времени до времени его невольно охватываетъ ужасъ при мысли, что большинство, «всѣ», которыхъ онъ учится презирать, въ концѣ концовъ все же, быть можетъ, правы. Но если противъ него разговаривающіе и пишущіе собратья, то за него молчащій и живущій особенной, неизслѣдованной и таинственной жизнью народъ. Не тѣ «умные мужики», у которыхъ ищетъ подтвержденія своему ученію гр. Толстой, а тотъ неумный, грубый, простой народъ, который нужно переучивать, передѣлывать, просвѣщать, словомъ, приспособлять къ нашимъ идеаламъ. Народъ, который если и знаетъ поговорки, то живетъ, во всякомъ случаѣ,

по иной мудрости, которую мы не въ силахъ дискредитировать въ его глазахъ ни обществами трезвости съ чайными, ни школами, ни душеспасительной литературой, ни прогрессомъ. Онъ не возражаетъ намъ, онъ даже соглашается съ нами, пьетъ иногда нашъ чай, читаетъ сочиненныя для него гр. Толстымъ сказки и умиляется имъ, но жить продолжаетъ по-своему, ища своихъ радостей и безстрашно идя на встрѣчу своимъ страданіямъ. И это не только русскій народъ, какъ писалъ Достоевскій, а всякій. Во Франціи, въ Италіи, въ Германіи вы видите то же, что и въ Россіи. Идеалы о курицѣ къ воскресному обѣду и всеобщемъ счастіи выдумывались всегда учителями, учеными людьми. Оттого, вѣроятно, они никогда и не будутъ осуществлены, хотя оптимисты и полагаютъ, что ихъ царство близко. Уже то обстоятельство, что стали возможны учителя въ родѣ Достоевскаго и Нитше, проповѣдующіе любовь къ страданію и возвѣщающіе, что лучшіе изъ людей должны погибнуть, ибо имъ будетъ все хуже и хуже, показываетъ, что розовыя надежды позитивистовъ, матеріалистовъ и идеалистовъ были только дѣтскими грезами. Трагедіи изъ жизни не изгонятъ никакія общественныя переустройства и повидимому настало время не отрицать страданія, какъ нѣкую фиктивную дѣйствительность, отъ которой можно, какъ крестомъ отъ чорта, избавиться магическимъ словомъ «ея не должно быть», а принять ихъ, признать и, быть можетъ, наконецъ, понять. Наука наша до сихъ поръ умѣла только отворачиваться отъ всего страшнаго въ жизни, будто бы оно совсѣмъ не существовало, и противоставлять ему идеалы, какъ будто бы идеалы и есть настоящая реальность. Для «интеллигенціи» наступило трудное

время. Прежде она плакала надъ страдающимъ народомъ, взывала къ справедливости, требовала иныхъ порядковъ и, кстати, не имѣя на это никакихъ правъ, обѣщала иные порядки и радовалась своей готовности и своему искусству притворяться и лгать, видя въ этомъ свое исключительное нравственное качество. Теперь къ ней предъявлено новое требованіе. Не наукой, конечно, — наука вѣдь создавалась учеными и требовала лишь того, что ученымъ легче всего было исполнить. Теперь жизнь явилась къ намъ съ своими требованіями. Она объ идеалахъ и не вспоминаетъ. Съ загадочной суровостью она своимъ нѣмымъ языкомъ говоритъ намъ нѣчто такое, чего мы никогда не слышали, чего мы и не подозрѣвали. Нитше и Достоевскій только истолковываютъ ея непонятный языкъ, когда говорятъ, что намъ будетъ все хуже и хуже. Наши разсчеты не оправдались. Не у поселянъ будетъ къ воскресному обѣду курица, а у насъ отнимутся всѣ и матеріальныя, и духовныя блага, которыми насъ дарила наука. И лишь тогда, когда не останется ни дѣйствительныхъ, ни воображаемыхъ надеждъ найти спасеніе подъ гостепріимнымъ кровомъ позитивистическаго или идеалистическаго ученія, люди покинутъ свои вѣчныя мечты и выйдутъ изъ той полутьмы ограниченныхъ горизонтовъ, которая до сихъ поръ называлась громкимъ именемъ истины, хотя знаменовала собой лишь безотчетный страхъ консервативной человѣческой натуры предъ той таинственной неизвѣстностью, которая называется трагедіей. Тогда, быть можетъ, поймутъ, отчего Достоевскій и Нитше ушли отъ гуманности къ жестокости и на своемъ знамени начертали странныя слова: Wille zur Macht. Задача философіи не въ томъ,

чтобъ научить насъ смиренію, покорности, самоотреченію. Всѣ эти слова были выдуманы философами не для себя, а для другихъ. Когда гр. Толстой говоритъ: исполняйте волю пославшаго васъ сюда и слово «пославшаго» пишетъ съ маленькой буквы, мы понимаемъ уже, что онъ вслѣдъ за другими, существовавшими до него проповѣдниками, требуетъ отъ насъ, чтобъ мы исполняли его собственную волю. Не давая себѣ въ томъ отчета, онъ въ привычной намъ и потому не оскорбляющей слуха формѣ повторяетъ слова Нитше и подпольнаго человѣка: pereat mundus, fiam. Для всѣхъ людей, въ концѣ концовъ, существуетъ только этотъ одинъ послѣдній законъ (у Достоевскаго «высшая идея»). Но «великіе» болѣе или менѣе смѣло выражаютъ его, а невеликіе — таятъ про себя. Законъ же остается однимъ для всѣхъ. Не вправѣ ли мы въ его универсальности видѣть признакъ его силы и признать поэтому, что «санкція истины» за героемъ подполья? И что декларація правъ, возвѣщенная Нитше и его Wille zur Macht, есть нѣчто большее, чѣмъ идеалы и pia desideria, которыми были до сихъ поръ полны ученыя книги? Можетъ быть подпольный человѣкъ былъ несправедливъ къ «законамъ природы», когда говорилъ, что они болѣе всего обижали его! Вѣдь они же, эти законы, дали ему, ничтожному, презрѣнному, всѣми отвергнутому существу, гордое сознаніе его человѣческаго достоинства, приведши его къ убѣжденію, что весь міръ стоитъ не больше, чѣмъ одинъ подпольный человѣкъ!

Такъ или иначе — философія трагедіи находится въ принципіальной враждѣ съ философіей обыденности. Тамъ, гдѣ обыденность произноситъ слово «конецъ»

и отворачивается, тамъ Ницше и Достоевскій видятъ начало и ищутъ. Въ «also sprach Zarathustra» есть разсказъ о «безобразнѣйшемъ человѣкѣ», символически рисующій собственную ужасную жизнь Ницше. Онъ слишкомъ великъ и я могу привести здѣсь только отрывки изъ него, но рекомендую читателю, интересующемуся философіей Ницше, прочесть его цѣликомъ и по возможности въ подлинникѣ. «Ландшафтъ внезапно измѣнился и Заратустра вошелъ въ царство смерти. Здѣсь высились черныя и красныя скалы, но не было ни травы, ни дерева, не слышно было птичьихъ голосовъ. Это была долина, которой избѣгаютъ всѣ звѣри — даже хищные. Только особаго рода безобразныя, толстыя, зеленыя змѣи приползаютъ сюда подъ старость умирать. Оттого пастухи и называли эту долину Змѣиной смерью. Заратустра погрузился въ мрачное размышленіе: ему казалось, что онъ однажды уже стоялъ здѣсь. Многое тяжелое вспомнилось ему, такъ что онъ все замедлялъ и замедлялъ шагъ и, наконецъ, остановился. Но, поднявши глаза, онъ увидѣлъ на дорогѣ что-то похожее съ виду на человѣка, но едва ли человѣка: что-то, чему и названія найти нельзя». Это и былъ «безобразнѣйшій человѣкъ», ушедшій отъ людей въ мрачную долину Змѣиной смерти. Отчего онъ ушелъ отъ людей? «Они (люди) преслѣдуютъ меня, говоритъ безобразный человѣкъ Заратустрѣ, — теперь ты мое послѣднее убѣжище. Они преслѣдуютъ меня не своей ненавистью, не своими солдатами: надъ всѣмъ этимъ я бы смѣялся, я бы даже гордился, радовался этому! Развѣ до сихъ поръ успѣхъ не былъ у тѣхъ, которыхъ хорошо преслѣдовали? Ибо кто хорошо преслѣдуетъ, тотъ научается и слѣдовать: вѣдь онъ находится всегда

позади. Но ихъ состраданіе — отъ ихъ состраданія я бѣгу и ищу у тебя убѣжища. О, Заратустра, защити меня, ты — моя послѣдняя надежда, единственный человѣкъ, понявшій меня». Такіе люди, обитатели «Змѣиной смерти», приходятъ искать надежды у Заратустры. И чего имъ нужно? Слушайте дальше. Безобразнѣйшій человѣкъ говоритъ: «каждый на твоемъ мѣстѣ бросилъ бы мнѣ милостыню — свое состраданіе, словомъ или взглядомъ. Но я не нищій, ты угадалъ это; я самъ богатъ великимъ, страшнымъ, безобразнѣйшимъ, неизреченнѣйшимъ. Съ трудомъ вырвался я изъ толпы сострадательныхъ людей и пошелъ искать того единственнаго человѣка, который учитъ теперь, что состраданіе навязчиво — тебя, о, Заратустра, который учитъ, что нежеланіе помочь болѣе благородно, чѣмъ выпрыгивающая впередъ добродѣтель; но состраданіе называется теперь добродѣтелью у всѣхъ маленькихъ людей: они не умѣютъ уважать великое несчастье, великое безобразіе, великую неудачу»... *Уважать* великое безобразіе, великое несчастіе, великую неудачу! Это послѣднее слово философіи трагедіи. Не переносить всѣ ужасы жизни въ область Ding an sich, за предѣлы синтетическихъ сужденій a priori, а уважать! Можетъ идеализмъ или позитивизмъ такъ относиться къ «безобразію»? Когда Гоголь сжегъ рукопись второго тома «Мертвыхъ душъ», его объявили сумасшедшимъ — иначе нельзя было спасти идеалы. Но Гоголь былъ болѣе правъ, когда сжигалъ свою драгоцѣнную рукопись, которая могла бы дать безсмертіе на землѣ цѣлому десятку не «сумасшедшихъ» критиковъ, чѣмъ когда писалъ ее. Этого идеалисты не допустятъ никогда, имъ нужны «творенія Гоголя» и нѣтъ дѣла до

самого Гоголя и его «великой неудачи, великаго несчастья, великаго безобразія». Такъ пусть же они навсегда покинутъ область философіи! Да и зачѣмъ она имъ, наконецъ? Развѣ ихъ заслуги недостаточно оправдываются ссылкой на желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны, потребительныя общества и даже на первый томъ «мертвыхъ душъ», поскольку онъ способствуетъ прогрессу? Философія же есть философія трагедіи. Романы Достоевскаго и книги Нитше только и говорятъ, что о «безобразнѣйшихъ» людяхъ и ихъ вопросахъ. Нитше и Достоевскій, какъ и Гоголь, сами были безобразнѣйшими людьми, не имѣвшими обыденныхъ надеждъ. Они пытались найти свое тамъ, гдѣ никто никогда не ищетъ, гдѣ по общему убѣжденію нѣтъ и не можетъ быть ничего, кромѣ вѣчной тьмы и хаоса, гдѣ даже самъ Милль предполагаетъ возможность дѣйствія безъ причины. Тамъ, можетъ быть, каждый подпольный человѣкъ значитъ столько же, сколько и весь міръ, тамъ, можетъ быть, люди трагедіи и найдутъ то, чего они искали... Люди обыденности не захотятъ переступить въ погонѣ за такимъ невѣроятнымъ «быть можетъ» роковую черту. Но вѣдь ихъ никто и не зоветъ къ этому. Оттого-то и вопросъ поэта: aimes-tu les damnés, dis-moi, connais-tu l'irrémissible?

Конецъ.

К – 2 или 3 или 4.
С. – 1
М – 3
Т – 1

7р. 70к.
?о. 90к.

[5p -]

1387 206

231-95.

217

228.

113.

